

Натали Бизанс

Вершина

Сага «Исповедь». Книга четвёртая

Натали Бизанс

Вершина. Сага «Исповедь».
Книга четвёртая

«Издательские решения»

Бизанс Н.

Вершина. Сага «Исповедь». Книга четвёртая / Н. Бизанс —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903322-2

Сага «Исповедь» о перерождении душ, о вечном стремлении человека к постижению высших законов Вселенной, о любви, которой нет конца. Четвёртая книга повествует нам историю жизни Эрнесто Гриманни. Действия происходят в эпоху Возрождения. Флоренция, времена правления Козимо I, Великого герцога Тосканы. Нас ждёт захватывающее погружение в хитросплетения судеб главных героев, чья самоотверженность, вера и доброта способны изменить этот мир к лучшему.

ISBN 978-5-44-903322-2

© Бизанс Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Глава 1	6
Часть 1. Глава 2	10
Часть 1. Глава 3	12
Часть 1. Глава 4	15
Часть 1. Глава 5	17
Часть 1. Глава 6	20
Часть 1. Глава 7	23
Часть 1. Глава 8	26
Часть 1. Глава 9	29
Часть 1. Глава 10	31
Часть 1. Глава 11	35
Часть 1. Глава 12	37
Часть 2. Глава 1	40
Часть 2. Глава 2	44
Часть 2. Глава 3	46
Часть 2. Глава 4	48
Часть 2. Глава 5	50
Часть 2. Глава 6	54
Часть 2. Глава 7	57
Часть 2. Глава 8	60
Часть 2. Глава 9	63
Часть 2. Глава 10	67
Часть 2. Глава 11	70
Часть 2. Глава 12	72
Часть 3. Глава 1	74
Часть 3. Глава 2	77
Часть 3. Глава 3	79
Часть 3. Глава 4	82
Часть 3. Глава 5	86
Часть 3. Глава 6	89
Часть 3. Глава 7	92
Часть 3. Глава 8	95
Часть 3. Глава 9	97
Часть 3. Глава 10	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Вершина Сага «Исповедь». Книга четвёртая

Натали Бизанс

© Натали Бизанс, 2018

ISBN 978-5-4490-3322-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Глава 1

Очнулся подвешенным за руки. Адская боль разрывает суставы. Рана на голове словно залита раскалённым железом, но что это по сравнению с муками души, внимающей истошным крикам, доносящимся из темноты подземелья?! Не сразу понял, что это её голос, слишком хриплый и сдавленный, среди животных стонов, получающих удовольствие насильников, а когда осознал чей... Я дёргался на цепях, болтаясь, как марионетка в руках кукловода, вдруг решившая, что может стать свободной, но мёртвой хваткой металл впивался всё глубже и глубже в запястья, не желая их отпускать. Кровь струилась по рукам, стекая по телу вниз, капала на пол. Проклятья и ругательства извергались из меня, я кричал, вопил, горло моё разрывалось. От одной мысли, что делают с ней, подобно грешнику в аду горел, отчаявшись ждать смерти и не сгорал. Собственные вопли доносились до меня откуда-то издалека. Клялся, что убью каждого, кто притронется к жене, медленно и мучительно разорву на куски собственными руками, зубами грызть буду, кожу сдеру живьём, уничтожу их близких всех до последнего...

Эделина, горящая на костре, привиделась мне счастливой, она умерла страшной, но очищающей смертью. Рассудок мой помутился. Я видел её улыбающуюся в пламени, протягивающей ко мне обгоревшие руки.

«Останови их! Подари нам смерть!» – отчаянно молил её, словно она в силах это сделать. Теперь даже геенна огненная казалась мне благодатью, которую ещё нужно заслужить.

Всё внезапно стихло. Чёрная бездонная пустота окружила меня непроглядной и беззвучной пеленой. Не было ни одной мысли, ни одного чувства. Всё замерло, погрузившись в небытие. Благословенное НИЧТО поглотило всё вокруг, в том числе и проклятую душу мою. Всё исчезло. Могильная тьма и тишина. Отсутствие присутствия чего-либо. Сколько длилось это состояние, я не знаю. Только и оно прошло. Проявилась боль, по нарастающей, а с нею стон, вырвавшийся из груди, заставивший меня снова дышать.

Кто-то трогал мои ноги, вернее, обнимал их и покрывал поцелуями. Я точно потерял рассудок. Сумасшествие или нет? Это женские руки, голос, всхлипы. Несмотря на то, что тьма была непроглядной, я понял, что Патриция рядом. Это точно она, и никто другой. Она стоит на коленях и прижимает к груди мои висящие ледяные ступни, словно пытаюсь вдохнуть в них жизнь. Я попытался произнести её имя, но голос больше не слушался, вырвался лишь какой-то сиплый хрип.

– Живой! Слава Богу, живой! – она попыталась встать на ноги, но не смогла, подскользнулась и упала, вновь поднялась на колени, прижимая моё висящее тело к себе и обливая слезами.

– Что они сделали с тобой? – прохрипел полушёпотом и закашлялся, я знал ответ, но не хотел признаваться себе в этом.

– Ничего. Не думай об этом. Деметрио освободит нас. Верю, он спасёт... – голос Патриции звучал, утешая, но при этом она продолжала плакать, и моё сердце отзывалось в груди непреходящей пронзительной мукой бесчестия и стыда. – Господь не оставит нас!

– Он уже оставил...

– Не говори так, Эрнесто! Мы всё ещё живы, а это значит, есть надежда.

От боли хочется выть. Кажется, что все суставы уже порваны, и руки стали длинными, как бельевые верёвки. Если бы их кто-то перерубил, я бы сказал только спасибо, лишь бы тело скорее упало на землю. На лице запеклась кровь. Один глаз почти не открывается. Холодно и сыро, но тело пылает огнём, всё, кроме ног, их я почти перестал ощущать, только прикосновения жены, напоминают о том, что они ещё есть. Бедный истерзанный Ангел всё пытается меня приободрить, но смерть сейчас – единственное, чего я желаю. Жажда мучит

всё сильнее, уже не осталось сил на сопротивление. «И живые позавидуют мёртвым,» – вспоминаю я и понимаю всю правдивость этих слов.

Раздались чьи-то шаги. Патриция вздрогнула и прижалась ко мне сильнее, будто и сейчас, в висящем положении, я могу быть для неё защитой и опорой.

Показался тусклый свет. В руках неизвестного мне пожилого господина в дорогой одежде зажжённый факел. Он вставил его в отверстие на стене и, открыв решётчатую дверь ключом, вошёл. Оценивающим взглядом осмотрел нас обоих. Патриция так и не отпустила моих ног, словно это была её последняя надежда. Я ощущал, как дрожит её тело, как страх пробегает по её коже ознобом. И, стиснув зубы, прожигал взглядом человека, стоявшего напротив нас. Он этот взор принял, ответив ледяным презрением.

– Так вот ты каков, отпрыск Гриманни! Похож на отца. За него и ответишь.

– Умоляю Вас, синьор, будьте милосердны, освободите ему руки! – Патриция на коленях поползла к пришедшему, рыдая.

– Патриция, нет! – ещё одного унижения я не мог стерпеть, смотреть на её раболепство перед врагом – не было мочи.

Но её это не остановило. Она продолжала, плача, умолять стоявшего перед нею как изваяние дворянина. Желание спасти меня любой ценой владело этой хрупкой измученной женщиной. Лишь сейчас, при свете факела, я увидел, что платье на ней порвано в клочья, грудь оголена, она протягивала к мужчине тонкие, дрожащие руки в мольбе, совершенно не думая о себе.

«Будь проклят тот день, когда я появился на этот свет!» – прошипел я.

Мужчина отошёл от неё на несколько шагов, поражённый увиденным, он не ожидал подобного поведения от дамы высокого положения.

– Умоляю, сжальтесь, благочестивый дон! Проявите к Эрнесто милость! Делайте со мной, всё что пожелаете, только сохраните ему жизнь! Я больше ничего не прошу! Освободите его от цепей...

– Встань, несчастная женщина, разве можно так унижаться!

Патриция поднялась с трудом на ноги и тут же, потеряв сознание, упала. Я дёрнулся всем телом, так что цепи зазвенели, а тело моё начало болтаться из стороны в сторону. Он ещё раз окинул меня тяжёлым взглядом и кликнул кого-то из своих людей, прибежало два стражника, видимо из тех, что недавно потешались над ней.

– Отнесите женщину наверх, пусть приведут в порядок и позаботятся. А этот, пускай ещё повисит, прыти в нём больше, чем предостаточно.

– Будет исполнено, синьор! – ответил один из них, взяв Патрицию под руки, они поволокли её безвольное тело.

Что я кричал им вслед, уже не имело никакого значения. Агония вновь завладела моим разумом, и этой пытке не было конца.

Очнулся, когда на меня вылили ведро ледяной воды. Облизывая капли, стекающие по потрескавшимся губам, застонал от невыносимой боли. Жажда иссушила глотку.

– Живой?! Повезло тебе, Гриманни, господин наш милостив!

Щёлкнули засовы, и моё тело рухнуло на пол. Не в силах пошевелинуться, я ощутил благодатную твердь под собой и провалился в забытие.

– Может, ещё холодку поддать? Вижу, жарко ему! – противный голос радовался моим страданиям.

Озноб сотрясал всё тело нервной дробью, как у припадочного.

– Тебе лишь бы издеваться над людьми! – толкнул его другой. Я разглядел его, как в тумане, он был уже почти старик.

– Лучше сена притащи, остолоп! Пусть отлежится, пока не преставился, синьор велел сохранить ему жизнь!

Когда молодой ушёл, старик наклонился ко мне, приподнял голову и дал напиться.

– Изверги, совсем совесть потеряли... – тихо произнёс он, когда я в несколько жадных глотков, опустошил его флягу. – Держись, парень!

Я вгляделся в его лицо, чтобы запомнить, когда вернусь сюда, чтобы не оставить здесь камня на камне (если выживу), а его пощажу за проявленную доброту.

– Где Патриция?.. – сиплым подобием голоса произнёс я и тут же закашлялся.

– У синьора она. Больше ничего не знаю. Да это и к лучшему, парень. Тут бы её задрала солдатня.

Почувствовав, как холодным свинцом наливаются мышцы и перехватывает дыхание, я заскрипел зубами. Буду мстить до тех пор, пока не уничтожу всё семейство, всех слуг, до последней собаки, покуда не сотру с лица земли последнее упоминание о них.

– Они за всё заплатят! – прохрипел я.

– Молчи! Твоя собственная жизнь сейчас висит на волоске, – он почерпнул ковшом воды и умыл мне лицо. Затем осмотрел рану на голове.

– Как зовут тебя, добрый человек?

– Анастасио.

– Сообщи барону Гриманни, где я, и ты станешь богатым!

– Предать того, кто кормит тебя, – худшее из зол.

– Будешь служить мне, не пожалеешь! – шептал я, словно змей-искуситель, оставив безуспешные попытки воспользоваться сорванным голосом.

Он полил вином рану на моей голове. Слёзы побежали по лицу горячими струйками. То ли от боли, то ли от полного бессилия и осознания собственной немощи.

Пришёл молодой солдат с тюком сена.

– Что, старик, опять жалеешь узника?!

– Не твоё собачье дело, нехристь!

– И как тебя хозяин до сих пор терпит?! Хотя, известно как, ради дочек, видные они у тебя, одна другой краше! – он заржал.

Анастасио выхватил нож.

– Рот свой грязный прикрой, а то как бы бездетным не остался! – это подействовало на хама отрезвляюще. – Позови Фабио и пусть захватит еды!

Старик раскидал сено, устроив мне настил.

Вернулись солдаты. Один поставил возле меня миску с едой и питьём.

– Отнесите его!

– Пусть сам ползёт, велика честь!

– Сейчас ты у меня ползать научишься, – его голос приобрёл командирские интонации, – хозяин узнает о твоём непослушании!

– Скорей бы тебя прикончили, старикашка! – процедил сквозь зубы подчинённый, но при этом выполнил приказ и, схватив меня за руки, оттащили к сену.

Анастасио переставил еду ближе. После этого все трое удалились, закрыв тюремные засовы. Проводив взглядом своего спасителя, я погрузился в дремучее забытье. Сколько пребывал в нём – не знаю. Времени здесь не существует, так же, как и света. Лишь факелы стражников изредка вырисовывали очертания тюрьмы. Одежда, вернее то, что от неё осталось на мне, обсохла, пока я спал. Видимо, самое ценное с меня растащили, пока я был без сознания.

Мысли о Патриции причиняли адовы муки: лучше бы я её убил прежде, чем она подверглась насилию. Но как это можно было предвидеть? Ведь я даже не помню, как очутился здесь. Голова болела, первая же еда, попавшая в рот, вышла незамедлительно обратно. Лежал, вдыхая собственную вонь и нечистоты. Этому кошмару не было конца. Кажется, все

забыли про меня и я просто сдохну от голода и болезней, как бездомный пёс. Сколько дней прошло, не знаю. Когда вновь пришёл Анастасио, я был готов целовать ему руки.

– Снимайте с себя всё, я помогу отмыться.

Ведро с водой ушло на то, что бы привести меня в человеческий вид, добрый старик принёс свою одежду. Ещё пару вёдер, чтобы пол ополоснуть. Потрёпанное одеяло помогло согреться от холода.

– Ешьте! Нужно жить!

Он прав! Необходимо бороться за существование, чтобы освободить Патрицию и отомстить за неё, за себя, за весь поруганный род Гриманни. Всё же отец был прав: я стал его позором. Почему не слушал его, когда он наставлял быть твёрже и беспощаднее ко всем?! Как мне теперь не хватало его в этом чёрном, сыром подземелье! Знает ли он о том, что случилось? наших людей, скорее всего, не оставили в живых, остальные местные молчат. Потребуют выкуп или просто заморят до смерти? Мест ли это отцу или я кому-то перешёл дорогу? Даже не знал имени своего работодателя.

«Теперь Гриманни поплатится за всё!» – всплыли в памяти слова одного из нападавших. Чем Деметрио их так разозлил? Почему я ничего об этом не знал? Вспомнились вечные перепалки с родителем, многолетняя вражда, ненависть, которую я совсем недавно испытывал к нему. А теперь он был единственным человеком на Земле, кто мог постоять за меня и спасти своё никчёмное чадо.

Патриция!.. Отчаяние добивало мою душу. Что теперь? Даже если мы спасёмся, как я смогу смотреть в её глаза? Бесчестие жены – моё поражение. Я не смог защитить ни её, ни Эделину. Презренный жалкий слабак! Потерял самое дорогое. Жить с таким позором невыносимо!

– Вы бредите, синьор, – Анастасио потрогал мой лоб, – ещё немного и вас погубит лихорадка. Нужно что-то делать!..

Холодный пот струится по телу. Сердечная рана не заживёт никогда. Она будет вечным немым свидетелем моего стыда. Что может быть страшнее для мужчины? Пока я жив, буду помнить. А значит, однажды омою здесь всё их поганой кровью. Эта мысль не давала мне шанса умереть. Она заставляла моё тело наливаться ядом, гремучей древней силой, как у змеи.

Я вынесу всё, ради того, чтобы мстить. Монастырские истины брата Лучано больше не умещались ни в моём воспалённом мозгу, ни в разбитом сердце. Нет никакого Ренато и никогда не существовало. Молитвы иссякли, когда родник чистой и непорочной любви испарился в пустыне моей души. Имя, данное мне когда-то настоятелем во исцеление, погребено под песками забвения. Отныне Эрнесто Гриманни станет другим! О нём узнают и содрогнутся! Только бы убедить Анастасио сообщить обо мне отцу!..

Часть 1. Глава 2

Мои глаза настолько привыкли к темноте, что стали различать движение мышей и крыс в подземелье. Тело постепенно восстанавливалось, мне удалось обследовать помещение, и я вынужден был признаться себе, что сбежать без чьей-либо помощи невозможно.

Анастасио и слушать не хотел о том, чтобы посодействовать мне. Он всё так же по-христиански заботился о моём бренном существовании, но на этом всё и заканчивалось. Приносил мне пищу, часть которой, как я догадывался, составлял его собственный обед. В очередной раз старик зашёл внутрь камеры, установив факел, сел со мной рядом и смотрел, как я ем, и лишь когда закончил трапезу, сообщил:

– У меня плохие новости, парень, велено заковать тебя в кандалы. Хозяин узнал, что ты оклемался и боится побега.

Я чуть не подавился остатками пшеничной лепёшки, застрявшей поперёк горла.

– И ты сделаешь это?!

– Лучше я, чем кто-то другой... Постараюсь не причинить тебе боли.

Я схватил его за руку и взмолился:

– Анастасио! Неужели ты, с твоим добрым сердцем, позволишь мне сгнить у тебя на глазах?

– В планы господина не входит твоя смерть.

– Ещё немного и я ослепну от темноты, и сгнию в этом погребе, подобно прошлогоднему овощу, тем более, если ты лишишь меня возможности двигаться.

Он посмотрел мне в лицо с сожалением и скорбью.

– Мне очень жаль, Эрнесто, – он впервые назвал моё имя. – Я искренне привязался к тебе, парень, но я служу моему синьору.

– Сколько я уже здесь?

– Второй месяц пошёл...

– Лучше убей меня! Нет больше сил терпеть. Я превратился в вонючий кусок дерьма и скоро живо покроюсь плесенью. Не можешь? Дай мне твой нож, я всё сделаю сам. А ты скажешь потом, что я силой завладел им!

– Что ты говоришь, мальчик! Ты – молод и полон сил. Ещё всё может измениться!

– Где моя жена, что с нею?

– Она при господине, жива, это всё, что мне известно.

– Очередная игрушка для престарелого детины?

Тяжелый вздох вырвался из его груди.

– Он любит хорошеньких женщин? Да, Анастасио? Я слышал про твоих дочерей. Разнообразная жизнь у господина! А ты служишь ему верой и правдой...

– Замолчи. На то его право «первой ночи».

– Вы здесь – дремучие люди! Давно уже нет такого закона! Уже сто лет назад Папа Римский запретил это извращение!

– Ты врешь!

– Вас не просветили, чтобы продолжать бесчинствовать! Конечно, откуда вам, бедным крестьянам, знать, что написано в папских буллах?

– Почему Бог не дал мне сына?! – он по-отцовски провёл рукой по моей спине. – Если ты ударишь меня и свяжешь, возможно, тебе удастся сбежать, а мне – остаться в живых.

– Тебя всё равно накажут.

– Бог с ним, не первой с плетью поздороваться.

– Как я уйду без неё?

– С ней точно ничего не выйдет. Там много охраны и слуг, ты не пройдёшь. Разве что собрав армию отца вернёшься, тогда есть шанс, – он горько вздохнул, – и всё-таки я – Иуда.

– Ты – не предатель, Анастасио, ты – хороший человек! Я приду за тобой и освобожу, обещаю!

– Ваши люди не пощадят наших женщин...

– Этого я не обещаю, ты сам всё понимаешь. Но твои дочери могут сбежать... Одно твоё имя, Анастасио, – и им отворят врата. А уж после, я позабочусь о твоей и их безопасности. Давай, убежим вместе!

– Тогда кто предупредит моих девочек? Нет. Иди один. Иначе мне придётся тебя закопать. Хочу, чтобы ты знал, Эрнесто, – он как-то особенно тепло произнёс моё имя, – я делаю это для тебя, как для сына, которого у меня нет. Не ради денег и освобождения, но из сострадания к твоему горю.

– Я знаю это, добрый человек. Спасибо!

– Ударь меня, вот хотя бы тем ящиком.

– Зачем?

– Без крови и побоев меня сразу же на дыбу определяют, а так, может быть, доживу... Торопись! Скоро закончится обед, и стражники вернутся, – он начал раздеваться, – одень мою одежду и обувь, босиком всё равно далеко не уйдёшь, а так не будешь сразу бросаться в глаза...

– Бог не оставит тебя, Анастасио!

Я старался ударить его несильно, и всё же глубоко рассёк бровь, густая кровь потекла по лицу. Убедившись, что старик не умер, я, прося прощения, связал ему руки его же верёвкой.

– Прости, отец, и жди меня! Я очень скоро вернусь, во что бы то ни стало, если только останусь в живых.

Прихватил его оружие и флягу с водой, запер камеру и стал выбираться.

Одному охраннику без лишних звуков я перерезал горло ножом, так, словно занимался этим всю жизнь. Второму пронзил сердце. Но звук его падающего тела обратил на себя внимание третьего, а с ним пришлось повозиться, прежде чем он умолк навеки. Убивая этих людей, я слышал только одно – крики отчаяния моей изнасилованной жены и был беспощаден, как раненый зверь.

«Я здесь всё заливаю вашей поганой кровью!» – пообещал себе.

Вырвавшись на свежий воздух, от которого закружилась голова, я чуть не ослеп от света. Глаза начали слезиться, почти ничего не видя перед собою, шатаясь, побрёл прочь. Кто-то со стороны принял меня за пьяного.

– И когда нализаться успел, середь бела дня? Из новеньких? Будет тебе, иди проспись, пока не поймали!

Я подыграл, изображая пьянчугу, добрался до крестьянских домов.

Теперь меня было не остановить, только смерть могла отобрать от меня долгожданную свободу. Кинул последний взгляд на дворцовые стены, пленницей которых осталась Патриция, сказал, что вернусь, и помчался в чащу дворцового парка. Впереди ещё была крепостная стена и ров с водой, которые я преодолел без особого труда, словно открылось второе дыхание, и я всю жизнь готовился к этому дню, ожидая побега.

Часть 1. Глава 3

Теперь, когда у меня в руках было оружие, я мог оказать сопротивление. Патриция осталась далеко, и я стал менее уязвим. Разузнав, где нахожусь, понял, что ближе всего постоянный двор, где мы остановились в ту проклятую ночь. Нужно раздобыть лошадь, узнать, что случилось с воинами отца, удалось ли кому-то выжить. Конечно, при условии, что кто-то из хозяев остался в живых...

До заката скрывался в лесу, опасаясь погони, и лишь к ночи добрался до трактира. Взглянув в окна, с удивлением обнаружил хозяина дома и его домашних в добром здравии и приподнятом настроении. На старшем из них красовался мой бархатный пелиссон*, подбитый дорогим горностаевым мехом. На полной поварихе висело жемчужное украшение Патриции, веселье шло в полном разгаре. Понятно, поживились за наш счёт, теперь пропивают награбленное. Я в одежде старого солдата, стоял и смотрел на этот разбойничий праздник, вспоминая, как хозяин в тот вечер пресмыкался предо мной, узнав о том, что я сын великого Гриманни. Картина складывалась сама собой, они и сообщили о нас нападавшим. Потому и добыча осталась им в награду.

Мышцы налились свинцом, понял, скрипя зубами, что сейчас не смогу ничего сделать в одиночку против целого семейства и их дружков, но обязательно вернусь и тогда посчитаюсь со всеми. Всё, что мне остаётся, – это попытаться украсть коня, пока в пылу пира негодяи потеряли бдительность.

В конюшне обнаружил, что мой Джюсто всё ещё здесь, бедняга, бока его были грязны и тощи, но он сразу же узнал меня. В этом прекрасном Божьем творении живёт часть моей души. Мы вместе росли в далёком и безвозвратно ушедшем беззаботном прошлом. Этот скакун, который стоит сотен других, жемчужина селекции, стоял в заброшенном виде в небранном вонючем загоне! Сколько же дней пируют эти грязные ублюдки? Наверное, с тех пор, как обогатились, предав нас врагу.

«Ешьте и пейте всласть, я скоро вернусь, чтобы распороть гнилые ваши потроха!» – крикнул я, оседлав Джюсто и пришпорив.

Он так долго ждал освобождения, что вместе со мной всей душою насладился прохладой ночи, скоростью и ветром, но недолог был наш путь: силы вскоре покинули животное. И я был вынужден остановиться, что б он поел травы и вдоволь напился из ручья. Пока мой верный друг отъедал истощённые бока, я смог немного вздремнуть. Снился Анастасию, занявший моё место в темнице. Он молил меня вернуться и дать ему умереть. Последнее, что помню, – как пронзил его сердце. Проснулся в холодном поту.

«Может быть, не всё так страшно, это ведь только сон?!» – утешая себя, подозвал Джюсто, и мы снова стали единым целым, но оберегая его, остаток пути я не гнал, а вёл его размеренным шагом. Лишь оказавшись во владениях отца, позволил нам обоим небольшой отдых и снова в путь. К вечеру, падая от усталости, увидел очертания родового гнезда... Помню руки слуг, принявшие меня полуживого, и голос Деметрио:

– Сын мой, я дважды терял тебя! Но больше этого не случится!

Очнулся в родной постели, отмытый и выбритый начисто. Сердце болело от хранившихся здесь светлых воспоминаний о потерянном счастье. Всё так же поют птицы за окном и ярко светит солнце. Только её рядом нет... Больше не нужно скрывать свою боль, родные стены не выдадут и не предадут. Я понял, что нет у человека ничего дороже родных, всё остальное – пыль и тлен. Семья – вот единственная отрада, дарованная нам Господом Богом на этой грешной земле. Нет другого надёжного прибежища, чем плечо отца и любовь матери.

Когда спустился вниз, жизнь уже во всю кипела. Можно сказать, что во дворе собралось целое войско, солдаты и рыцари продолжали прибывать. Замок ожил. Меня приветствовали издали. Даже друзья бесшабашной молодости не рисковали ко мне приблизиться, узнав о моём несчастье. Прибыл и Борелли со своими людьми и незаменимым заморским доктором. Гостей стало больше, чем на нашей пышной свадьбе, ещё так недавно проходившей здесь. Авторитет моего отца заслуживал всеобщего уважения. Все знали его как мужественного и ловкого воина, вкусившего с полна нектар побед, не ведовавшего поражений в боях с османами. И теперь моё сердце было ему открыто. Даже тень Эделины не возникала между нами. Всё нынче стало неважным перед тем, чтобы спасти Патрицию и отстоять честь нашего рода.

– Я сообщил Папе о своих намерениях, но ждать благословения из Рима не стану. Ещё не пришёл тот день, когда славный род Гриманни безнаказанно смогут попирать! – громогласно объявил Деметрио

– Брат мой, я пролью за тебя кровь до последней капли, если понадобится! – пафосно провозгласил Джованни, театрально обнимая Деметрио, прежде чем заметил моё приближение. – Разделяю твоё горе, Эрнесто, и скорблю о потерях.

В ответ я лишь кивнул, ничего не ответив.

– Над моим сыном долго издевались, они ответят за всё!

Его поддержала сотня воодушевлённых голосов:

– Они ответят по заслугам!..

Я заметил, что имя Патриции никто больше не упоминает, будто её и нет вовсе. С её отцом случился сердечный приступ, но люди от них прибыли в многочисленном составе, хорошо вооружённые. Все готовились к войне. Волнение и жажда крови витали в воздухе. Я даже не догадывался, сколько людей станет на нашу сторону, когда придёт беда.

Теперь я хорошо понимал, что двигало поступками отца, приведшими к разладу между нами, почему он так жестоко поступил с Эделиной и всеми остальными, сметая на своём пути все преграды, Деметрио не стоял перед ценой, не ведал стыда и страха, во имя и во благо процветания нашего рода.

Всё в жизни относительно, даже сама жизнь...

Вечером того же дня за большим ужином с принявшими сторону отца знатными людьми обсуждался план наступления. Крепость Романьези хорошо укреплена и может выстоять долгие месяцы при осадном положении, но никто не думал сейчас о цене. Подлость должна быть наказана. А голова графа украсит стены его же дворца в назидание всем, кто посмеет не уважать древние и славные фамилии.

– На этот раз я доберусь до его логова и никого не оставлю в живых! – Деметрио был полон решимости. Я понимал, что есть предыстория случившегося, но публично не мог задавать ему вопросов. Гости засиделись почти до утра, а мне нужно было набраться сил и как следует отдохнуть перед походом.

Вернуться в спальню тяжело. Горько лицезреть кровать, где ещё совсем недавно я упивался возлюбленной. Мысль о том, что кто-то другой сейчас прикасается к ней, сводила с ума.

«Погони за мной не было: враг знает, что я вернусь. Знает и готовится отразить нападение. Что же там всё-таки произошло? Деметрио молчит, и всегда окружён вассалами, словно избегает неугодных ему вопросов. Он сразу же понял, где я был, кто посмел расправиться с его людьми и в чём причина. «Лучше бы она умерла!» – кажется, именно так он выразился вчера о Патриции. Все согласны с ним, вычеркнув её имя из жизни. Даже освободив жену, я не смогу вернуть ей поруганную честь. Её больше не примут ни в одной приличной семье.

Опозоренная женщина предаётся забвению, таких, в лучшем случае, отправляют в монастырь.

Я вспоминал, как она целовала мои ледяные ноги, прижимала к груди, обливала слезами, словно Мария Магдалина Христу. В чём её вина? Лишь в том, что она оказалась слабой и беззащитной женщиной, за которую не смог постоять муж?!» – эти мысли разрывают мне душу.

«Лучше бы она умерла!» – долбит дятел в голове, и я, к собственному ужасу, соглашусь с ним... Бесчестье – хуже смерти. И вдруг стало страшно, что она что-нибудь сотворит с собой, и я больше её никогда не увижу. Осознав это, я вскочил с кровати, словно укушенный, и подошёл к окну. Уже светлеет на востоке. Скоро утро. Хочется немедленно поднять всех и ринуться в бой! Но я не могу этого сделать. Всем необходимо подготовиться, прежде, чем начать проливать свою кровь за честь барона Гриманни.

* pelisson. – Свободная длинная или полудлинная мужская или женская одежда на меху с широкими длинными рукавами, иногда их делали с капюшонами. Пелиссоном так же называли плащ на меховой подкладке с прорезами для рук. (Мерцалова. Костюм 1 533.) Исторический словарь галлицизмов русского языка.

Часть 1. Глава 4

Ранним утром войско выдвинулось вперёд. Перемещались мучительно медленно: тяжёлые повозки, нагруженные военными приспособлениями и пушками, вереница конных и пеших воинов, растянувшаяся по дороге на добрую милю. Сердце моё готово было выскочить из груди и лететь в бой, освещая всем путь, но приходилось плестись наравне со всеми. Даже Джюсто, уже окрепший и хорошо откормленный, выказывал нетерпение, то и дело пофыркивая на медленно ползущий строй.

Отец беседовал с кузеном, накануне похода прибывшим из Венеции со своими людьми. Их было не много, но все они прошли огонь и воду, имели военный опыт. Рядом с этими рыцарями, украшенными шрамами в кровопролитных боях, я ощущал себя незрелым юнцом. Металл их щитов и доспехов, слепя глаза, блестел на солнце. Вычурная роскошь, я бы сказал, даже показушная, всё же внушала непонятный трепет и приковывала внимание.

Я становился всё мрачнее, ощущая на себе многочисленные взгляды, но осанку приходилось держать соответственно моменту. Погружённый в свои мысли, старался сосредоточиться на звуке, которого не мог слышать, среди всего этого шума и лязга, но ощущал, как бьётся сердце моего верного Джюсто, как горячая кровь пульсирует на его вздувшейся от напряжения шее. Кажется, и он чувствовал, что творится со мной, предугадывал мои желания. Нам бы сорваться и полететь вперёд, рассекая всё на своём пути, щедро сеять смерть, покуда не освободим Патрицию и не укроем её в безопасном месте от врагов и друзей.

Среди своих собратьев Джюсто выделялся особенной статью, белая грива отливала серебром, поступь – грацией чистокровного арабского скакуна, единственное тёмное пятно на боку не позволило ему стоять в стойле какого-нибудь султана, а привело, ещё совсем молодым жеребёнком, на конский рынок. Деметрио имел особенную слабость к красивым лошадям и не скупился на лучших его представителей. Джюсто был отцовским подарком мне на пятнадцатилетие, пожалуй, самым дорогим и значимым.

Всё во мне, измученное болью и бессонными ночами, клокотало, я терялся в догадках. Наше будущее вырисовывалось с издевательской точностью воображения. Даже если Патрицию удастся отбить живой, её ждёт незавидная участь всеобщего презрения, а меня – скорая новая женитьба во имя и ради продолжения рода. Осквернённое чрево моей жены уже негодно для столь благородной миссии, считает Деметрио. Им придётся заставить Патрицию принять монашество. Лишь в таком случае она будет всё равно, что мертва, и освободит своего благоверного от брачных уз.

В наш век, когда любовь считается чуть ли не грехом, эти люди не понимают, как мы посмели любить друг друга. Им неведомо чувство, когда два сердца стучат в унисон. Как быть с этим? Могу ли я хотя бы представить другую женщину в постели, в своих объятьях? Нет! Не могу и не хочу.

Итак, моё нынешнее положение позволило нам собрать армию, но не снимает с меня обязательств... Это замкнутый круг!

Отец бросает на меня долгие, задумчивые взгляды. Догадывается ли он, чего я замышляю? Какие действия предпримет, чтобы остановить?..

Прежде всего нужно утолить жажду мести, кипящую в моей груди, отомстить за то, что эти негодяи осквернили моего Ангела. Ненависть придаёт мне силы, но не может отвлечь от мрачных мыслей о будущем. Мне ничего другого не остаётся, как вновь предать отца и, вызволив Патрицию, умчаться с ней на край света...

«Сын мой, я дважды тебя терял! Но больше этого не случится!» – его слова, которые я уже не смогу забыть никогда. Груз этот ляжет на мою совесть и будет тяготить, но иначе

поступить я тоже не могу. Они не оставляют мне выбора. И, конечно, ни перед чем не останавливаются: применить силу для Деметрио всегда было в порядке вещей. И те, кто сейчас охраняет меня, скоро станут моими тюремщиками, до тех пор, пока на Патрицию не возложат обеты, в лучшем случае, ведь может быть и другой, о котором совсем страшно подумать.

Проклятье сбывается. Счастье ускользает от нас. «Не быть вам вместе, пока... – я мучительно вспоминал, что сказала та беззубая старая карга накануне свадьбы, – покуда не станете отражением друг друга!»

Но как это возможно?.. Разве мужчина и женщина способны сравняться, стать похожими?! Что она имела в виду?

На закате мы приблизились к постоялому двору, где были захвачены.

– Позволь мне, отец, самому!

– Иди, Эрнесто, разберись, и покажи мне их головы, я хочу взглянуть на эти ничтожества!

С небольшим отрядом я выдвинулся вперёд и мы пустили вскачь лошадей, подняв за собою облако пыли.

Возмездие! Что может быть слаще?!

Мы ворвались в таверну, где всё ещё продолжалось пьяное веселье. Когда эти гниды целовали землю возле наших ног, вымаливая прощения, вернув все присвоенные ими вещи, приданое, некогда принадлежавшее счастливым молодожёнам, я не испытывал ничего, кроме отвращения и безутешности потерянного счастья.

Даже их казнь не доставила облегчения. Деметрио успел вовремя, чтобы увидеть как дрожали и тряслись перед смертью те, кто посмел поднять руку на Гриманни.

– Лишь кровь смывает бесчестье, сын. Теперь я вижу, что ты не мальчик, но настоящий мужчина! – (к счастью, родитель мой не видел, как после выворачивало меня наизнанку, когда эмоции улеглись).

Все украденные вещи, кроме драгоценностей Патриции, сожгли вместе с домом, стирая само напоминание о произошедшем здесь.

Что испытывал я, глядя на пожарище? Стало ли хоть на миг легче и спокойнее моей душе, ведь справедливость восторжествовала?! Лишь ядовитая горечь наполняла моё существо безнадежностью и тьмой.

Я стоял на пепелище, сжимая в руке ожерелье любимой, до тех пор, пока оно не рассыпалось, но никто не посмел подобрать дорогие жемчужины. У подобных сокровищ – недобрая судьба.

К рассвету мы окружили замок, в котором томила в неволе моя загубленная половина. Сердце рвалось из груди и не было ему успокоения.

Часть 1. Глава 5

Ворваться в замок сразу не удалось. Кто-то сообщил о нашем приближении. Они укрепили оборону. Навесной мост поднят, ворота заперты. Крепостная стена хорошо защищена со всех сторон, пушки наготове. Дождавшись повозок, наша армия разбила лагерь на безопасном расстоянии.

Несколько тысяч человек устраивали свой быт в походных условиях. Многим не привыкать, бывалые воины знали все тяготы армейской жизни и относились к предстоящей битве скорее как к развлечению от скуки.

Пока прощупывали слабые места противника, приходилось ждать. Время будто перестало идти вперёд, испытывая наше терпение.

Мы сидели у костра с отцом и Джованни. Я пошевеливал шипящие брёвна и смотрел как солнце спускается по небосводу к горизонту, цепляясь за шпили башен.

– Не знаю, как насчёт численного превосходства, но люди у нас опытные, знают толк в военном ремесле. Чего только наёмники стоят! У меня от них у самого мороз по коже.

– Я не об этом, – Джованни посмотрел на Деметрио, а после на меня, словно раздумывая, говорить или нет, – на твоём месте я бы объяснил сыну поведение Романьези. Парень должен знать о том, за что пострадал.

Деметрио вздохнул, говорить ему на эту тему явно не хотелось, но зажатый в угол словами Борелли, он уже не смог отступить.

– Моя вина. Когда-то давно, Эрнесто, когда я был так же, как ты, молод и горяч, довелось мне влюбиться в одну красотку – жену нашего врага. У нас начался бурный роман. Граф Романьези был тогда на войне, а я уже возвращался с похода и остановился со своими людьми переночевать в их имении, с доброго согласия хозяйки. С первого же взгляда между нами вспыхнула страсть. Так одна ночь превратилась в неделю. Муж Розенны был ей не мил. Жаждающая любви женщина потеряла рассудок и не желала меня отпускать, более того, намеревалась сбежать от супруга. Но он внезапно возвратился, когда мы ещё нежились на их брачном ложе. С огромным трудом мне всё же удалось бежать. Наша связь, конечно, открылась, кто-то из домашних донёс хозяину об измене. В ту же ночь Розенна, как говорят, покончила с собой, бросившись в колодец замка. А возможно, её туда сбросил ревнивый рогоносец. Теперь уже правды никто не узнает. С тех пор кровавая вражда тянется между нашими семьями. Когда ты был маленьким, мы уже вступали в открытый конфликт. Мне не удалось взять крепость, но осада их истощила. В результате переговоров, Романьези пошёл на попятную, признав своё поражение, выплатил мне унижительную для него компенсацию, покрыв все военные затраты.

– Но ведь по сути, это ты причинил ему зло!

– Правда проста: кто сильнее и богаче, тот и прав. Но, видимо, старый болван не успокоился и вынашивал план мести, ожидая удобного случая, пока он не предоставился ему...

– Почему ты никогда не рассказывал мне об этом?

– Потому что считал эту тему закрытой, счёт оплаченным. К тому же, с тобой и без того всегда хватало хлопот! Вспомни, сколько глупостей ты сам натворил! А если б ещё знал о моих предосудительных шалостях, ещё бы попрекал меня ими.

– Я же говорил тебе, Эрнесто, Деметрио – славный мужчина! И не одну вершину в жизни покорил! – Довольный другом Джованни поправил свои длинные усы, но увидев мой взгляд, осёкся.

– Ради всеобщего успокоения, могу сказать, в ту пору я был ещё не женат на твоей матери. Она появилась немного позже, меня женили, как заведено, без моего на то особого желания.

– Зато я – женился по любви!

Они оба опустили глаза, не желая говорить об этом.

– Что же вы молчите, словно воды в рот набрали! Патриция ещё жива!

– Не жена она тебе более, – ледяным тоном, не терпящим возражений, произнёс Деметрио.

– Что ж, и её теперь в колодец, или лучше, в монастырь? – я сам начал разговор, которого все избегали. – А в чём её преступление, в том, что негодяи воспользовались её беззащитностью? Или в том, что её никчёмный муж не смог постоять за её честь?

– Эрнесто, успокойся, дорогой! – Борелли положил мне на плечо ладонь, которую я тут же сбросил. – Ты ещё молод, женщин на свете много...

– Я люблю её одну, она – моя! Мне всё равно, что с ней произошло. Пока сердце Патриции бьётся, я буду с ней, хотите вы этого или нет! – слёзы предательски застилали мне глаза, оставалось только уйти.

– Эрнесто, постой! – отец пытался меня остановить, но не стал догонять, он знал, что пока она там, я никуда не денусь. – Какой же ты ещё мальчишка!

Сумерки спустились на землю. Мой единственный верный друг хрипел подо мной от быстрой скачки. Скорость остужает душевную боль. Во всяком случае, отвлекает от скорбных мыслей. Когда я пришёл в себя, стало уже темно. В лесу заухала сова, и где-то неподалёку выли волки.

«Только сейчас не хватало погибнуть, идиот!» – осудил я себя, оглядываясь по сторонам. Незнакомые места чем-то напоминали те, в которых меня отыскал Лучано. Какими далёкими теперь казались эти события. Тогда во мне была другая боль, о которой теперь я почти забыл. Моя душа простилась с Эделиной, как только я встретил Патрицию... Теперь у меня нет ни той, ни другой, но Патриция ещё жива, а это значит, что ещё не всё потеряно! Только бы она дождалась, только бы не сотворила с собой непоправимого! Я развернул коня в обратный путь, ориентируясь по звёздам. Джюсто волновался из-за всё приближающегося волчьего воя и в какой-то момент резко рванул с места и скинув меня с седла, ускакал.

«Ну, спасибо, дружище, услужил!» – я поднялся с земли, влажный мох мягкой периной принял удар на себя, но в голове зазвенело, последствия того удара ещё до конца не прошли.

Стал пробираться сквозь кустарник, спасала луна, тонким, но ярким серпом светившая над головой. Путь, судя по всему, предстоял неблизкий, я примерно представил, какое расстояние мог преодолеть мой конь на полном скаку за это время... Ситуация сложилась неутешительная, но я был сам виноват. Не нужно было давать волю своим эмоциям. Коня не звал, чтобы не привлекать внимания хищников. И хотя меч был при мне, при большом скоплении тварей можно было остаться здесь навеки.

Странное светлое пятно мелькнуло неподалёку. Я вначале подумал, что это, возможно, Джюсто, и даже присвистнул, как делал обычно, подзывая его, но силуэт медленно передвигался, словно зависнув над землёй. Нечто зазывало меня, указывая путь. Почему-то я совсем не ощущал страха, хотя и не находил объяснений происходящему. Туманное светящееся «облако» вело меня вперёд, я даже подумал о Богородице, но тут же отвёл эти мысли: «С чего бы Царице Небесной вспоминать обо мне, грешном?!» Вскоре волчьи голоса остались далеко позади. Звёзды указывали верное направление, устав от нашего утомительного, молчаливого пути я присел на поваленное дерево, не отрывая глаз от колыхавшегося в воздухе полупрозрачного эфемерного сгустка.

Внезапно женский голос нарушил тишину ночи:

– Вставай! Она ждёт тебя!

– Кто?

– Та, которой ты нужен больше жизни, – ответило привидение.

– Кто ты?

В ответ тишина. Но я знал, что меня слышат. Поднялся и продолжил идти вслед за фантомом. Луна почти скрылась из виду, и стало совсем темно, я всё чаще начал спотыкаться и падать. Тогда видение приблизилось ко мне, и стал виднее женский облик. Полупрозрачная девушка, облачённая в свет, исходящий из неё самой, освещала мне тропу.

– Поговори ещё со мною, прекрасное видение, прошу тебя! – взмолился я.

– О чём ты хочешь знать?

– Как спасти жену?

– Ради любви можно пожертвовать всем. Прими всё, как есть. Слушай своё сердце, оно не обманет.

Мы вышли из леса, впереди была поляна, трава доходила до пояса, от росы вся одежда на мне промокла, но всё равно было жарко. Я узнал дорогу, по которой нёсся в этот лес.

– Благодарю тебя, кто бы ты ни была!

– Прощай, добрый рыцарь, и помни: ради любви можно пожертвовать всем, даже честью! – она растворилась на моих глазах, поднимаясь к небу.

Я услышал стук копыт, мирно идущих мне навстречу.

– Джюсто! Ну, где же тебя носило! – я обнял коня за шею и потрепал шелковистую гриву, конь ответил взаимной радостью, ему поскорее хотелось вернуться туда, где отборный овёс и чистая вода. Ещё одна долгая и бессонная ночь подходила к концу.

Часть 1. Глава 6

Безуспешные попытки взять замок продолжались несколько месяцев. Потери были с обеих сторон. Гибли люди. Усталость росла с обеих сторон. И, главное, что всё это казалось бесполезным. Змея, кусающая свой хвост, изображает знак бесконечности. Месть заканчивается новой местью и так по кругу. Значит, нам нужна полная и безоговорочная победа. Враг должен быть уничтожен.

Во время очередной разведки нам удалось перехватить нескольких лазутчиков Романьези. Не сразу, но они признались, что в крепости начались трудности с продовольствием, и что Патриция ещё жива и тщательно охраняется, оставаясь последним козырем в руках графа. Вид у них был жалкий, изнурённый. Нам продовольствие поступало беспрепятственно из нескольких поместий, не только моего отца, но и других знатных вельмож, принимавших участие в этом междоусобном конфликте.

— Ещё немного терпения, синьоры, и они сами откроют нам ворота и попросят о милости, как прошлый раз!.. — кузену из Венеции не терпелось вернуться домой: вяло идущие бои наскучили, к тому же он потерял нескольких хороших воинов, но несмотря на это, вкус грядущего обогащения всё же удерживал его среди нас. Федерико занимал в Венеции высокий пост и возвращаться с пустыми руками после длительных затрат ему было невыгодно. Смотрелся он достаточно импозантно и всё время поправлял свои длинные, густые усы; сросшиеся на переносице брови добавляли лицу суровости. Трое из оставшихся в живых вассалов беспрекословно подчинялись ему, зная взрывной и вспыльчивый характер синьора, следовали за ним повсюду. Он с ними поступал, как рабовладелец, грубо и неоправданно жёстко. От чего меня в глубине души корбило. Даже Деметрио никогда не позволял себе подобного. Видимо, Федерико знал их слабые места и умело манипулировал людьми, раз они всё терпеливо сносили. Блестяще экипированные, они поднимали образ и авторитет своего господина, но за душой у бедолаг ничего не было, а в карманах гулял ветер. Откуда же такая зависимость от хамоватого и беспринципного хозяина оставалось для меня загадкой. Братья походили друг на друга, как две капли воды. Их манера одеваться сильно отличалась от нашей, как и поведение. Я находил несколько смешным обилие золотых вышивок и перламутровых пуговиц на сорочках, используемых на войне, так же как и чрезмерный этикет: все эти нелепые поклоны и петушиное топтание резали глаз. Третий, напротив, молчалив и скрытен, как ворон, одетый всегда в тёмные тона, без излишеств, но из дорогих тканей. Он словно тень повсюду следует за Федерико, совершенно лишённый проявления каких-либо эмоций: ни разу не видел на его лице даже подобие улыбки, не слышал его голоса, возможно, парень вовсе без языка? Всегда скор и чрезмерно бдителен. Сколько ему лет, даже трудно сказать. Тело крепкое, тренированное, взгляд тяжёлый. В бою непобедим. Таких людей хорошо держать при себе, и не дай Бог иметь в противниках.

Его господин подчёркнуто предпочитает общаться с людьми своего уровня, поэтому избирательно-высокомерен с одними и подчёркнуто-расположен к другим, впрочем таких единицы. Ко мне относится с интересом и лёгкой иронией: ну как же, двоюродный племянник — был любовником ведьмы, которую сожгли на костре, неудачник, потерявший жену и побывавший в заточении, наследник большого состояния, на которое он не прочь был бы сам позариться...

Но всё же центром всеобщего внимания остаётся Деметрио. Всё крутится вокруг него. Мне отведена весьма скучная роль — внимать беседам старшего поколения и терпеливо ждать своего часа.

Ночью, когда я вышел по нужде, услышал голоса доносившиеся из отцовского шатра, они звучали тихо, по заговорщицки.

Джованни даже вышел и огляделся вокруг, нет ли лишних ушей поблизости. К счастью, мне удалось быстро укрыться в тени стоящего рядом дуба и остаться незамеченным. Кругом полуночная тишина, лишь караульные вышагивают положенные им часы, борясь со сном, все остальные отдыхают, чтобы набраться сил на новые тяготы грядущего военного дня. Из медицинского отсека доносятся стоны раненых, но к ним уже давно все привыкли, гораздо труднее свыкнуться с вонью ещё тлеющих останков, которые приходится ежедневно сжигать во избежание эпидемий. Борелли вернулся к закадычным друзьям.

– Говорю вам, сын не отступится, упрям мальчишка, я точно знаю! – отец хоть и тихо говорит, но бас его трудно не услышать.

– Весь в тебя! – подпевает ему в тон кузен.

– Это бесспорно, – голос Борелли всегда звучит с некоторой толикой лукавства, как у лисицы в человеческом исполнении. – Ты не думал о том, Деметрио, что иногда можно пойти на уступки.

– Что ты предлагаешь?

– Добейся через Папу развода, жени Эрнесто на нужной женщине, а эту придержи, будет чем его удержать. Разрешай им тайные свидания, и тебе хорошо, и мальчику спокойнее!

– Ты соображаешь, что говоришь?! – возвысил голос отец. – Это уже двоежёнство какое-то! К тому же, при первой же возможности голубки улетят... Мне что, всю жизнь за ним гоняться?!

– Если бы ты послушал моего совета тогда, скольких бы бед не случилось! Ну, бегал бы он к своей ворожее, стругал бы ей бастардов, а дома законная жена рожала бы тебе славных потомков. Устал бы он от своей девки очень быстро, страсть перегорает, а запреты только разжигают огонь, мне ли тебя учить... Осталось бы что? Крепкая и дружная семья.

– Как у тебя просто всё получается! Не хотел он тогда жениться, хоть режь его, как привороженный ходил. Света белого не видел! Если я умру, что он ещё натворит? Кому останется всё, ради чего жили и боролись наши великие предки?

– Ты ещё и сам мог бы детей настругать! Куда уж там о смерти думать?! Вон ещё какой красавец всем на загляденье! – голос дяди, чересчур медовый, вызывал во мне смутные сомнения о его предпочтениях...

– Если бы!.. Ты думаешь, будь я способен, остановился бы на одном?! Проклятое ранение, не оставило надежды.

Я своим ушам не поверил, отец признался в мужском бессилии?!

– Женщин-то я многих перепробовал, да вот только ни одна больше не понесла. Бесполезно всё. Одна надежда на Эрнесто, а у него в голове всякая дурь! Кого теперь принесёт после долгого плена его благоверная, ублюдка Романьези, или ещё чего хуже? Вот Бартоломео-то обрадуется, гореть ему в аду, пусть с голоду подохнет!

– Так ещё полгода можно сидеть в осаде, пока закончатся все их запасы! Это босяки голодные, а они там ещё не бедствуют, и не мечтай.

– Ну, коли беднота перемрёт, кто его защищать будет?.. – на этот риторический вопрос ему никто не ответил, все только дружно вздохнули. – Давайте о деле! Поплачет, Эрнесто, да и забудет. Так надёжнее.

– Эх, Деметрио, потеряешь ты сына! – Борелли впервые сказал что-то дельное. – Подумай ещё!

– Не сегодня-завтра пробьём стену, думать будет некогда, ни ты, ни я этого не сделаем сами. Нужен надёжный человек, кто не проговорится и не пожалеет...

– У меня есть такой, – Федерико явно был доволен собой, – любое самое грязное поручение исполнит и не пикнет, ручаюсь! Мой вассал Амато женщин ненавидит пуще змей... Скажи только как, всё сделает.

– Даже так? Да, ты совсем непрост, братец! – они весело засмеялись.

– Приведёшь мне его с утра, переговорим. Хоть одна хорошая новость! Мне проблемы не нужны. Годы идут, время уходит, нужно делом заниматься...

Я уходил, шатаюсь, будто пьяный. В груди зияла огромная чёрная дыра, убившая во мне все надежды и веру.

Часть 1. Глава 7

«Амато, наверное, и есть тот самый молчаливый вассал, что преданный, как собака, ходит за хозяином, и, в отличие от братьев-близнецов, никогда при мне не получал от Федерико тумачков. Ненавидит он женщин, интересно, за что?!» – мысли не отпускали меня ещё долго.

Сон был тяжёлым и чутким, с первыми трелями птиц я поднялся, чтобы не пропустить встречу Деметрио с «верным человеком». Но при свете спрятаться гораздо сложнее, а подслушать и вовсе невозможно, когда рядом ходят люди, никто бы не понял такого моего поведения. Слуги готовят господам завтрак, выносят ночные горшки, приводят синьоров в боеготовность. Всё время кто-то проходит мимо и, здороваясь со мной, выдаёт с потрохами моё месторасположение.

Сделав вид, что прислонился к дереву в задумчивости, я, наконец-то, увидел усатого родственника, спешащего со своим подданным к отцу. Всё во мне похолодело и застыло как смола, чёрная и густая.

Амато по-своему красив, силен и мужествен, неужели этот человек – безвольная кукла в руках господина? Суровая мрачность черт, застывших на его смуглом лице, заворачивает внимание. Чёрные, как южная ночь, глаза прожигают угольками застывшей в них злобы на всё и всех. Он могуч, словно герой из легенд и страшен, как сам дьявол.

Помедлив какое-то время, я вошёл в шатёр отца. Неожиданно прервав их «задушевный» разговор на полуслове, взгляделся в каменные лица. Здесь явно не ждали моего столь раннего пробуждения. Притворился, что ничего не знаю, и со всеми поздоровался, стараясь придать лицу непринуждённый вид. Уселся в кресло Деметрио и самым нахальным образом взял со стола, накрытого для завтрака, свежую пшеничную лепёшку, окунул её в мёд и принялся жевать, запивая душистым отваром. Они втроём недоуменно смотрели на происходящее.

В руках у вассала застыл, не успев быть убранным, пузырёк с ядом. Мы впервые встретились взглядом.

– Детали обсудим позже... – отец дружески похлопал воина по спине. – Хорошо, что ты зашёл, Эрнесто! – Деметрио обратился ко мне. – Дядюшка твой, к сожалению, нас покидает, но оставляет тебе надёжную защиту, лучший из его воинов будет теперь охранять твой покой круглосуточно!

Колет* Федерико блеснул в солнечных лучах жемчужной россыпью пуговиц. – Дела государственные ждут меня! Далее медлить не имею права.

«Представляю я, какие у тебя там дела!» – всё во мне кипело, но я сделал вид, что расстроен его отъездом.

– Я оставляю тебе своего самого дорогого охранника! Можешь полностью на него положиться! Нет дел, которые Амато не по плечу.

Тот только кивнул, в знак уважения, его глаза по-прежнему внимательно изучали меня, а рука медленно, но уверенно убрала пузырёк за пояс.

– Ценю твою братскую любовь, Федерико, и скорблю о потерянных тобою людях. Я не забуду того, о чём мы договорились, всё, что тебе причитается, ты получишь, и сверх того... – Деметрио обнял кузена. – Спасибо!

Я чуть не прослезился от душещипательной сцены, истекая ядом ненависти.

– Сын, поблагодари дядю, за такой бесценный подарок!

«Ценнее некуда. Теперь я под присмотром убийцы!» – попрощался молча, изобразив печаль от расставания.

– Благодарю, дорогой дядя! С таким ВЕРНЫМ и НАДЁЖНЫМ человеком, – я умышленно выделил эти два слова, – у меня будет шанс уцелеть!

Федерико слегка изменился в лице, но вовремя взял себя в руки.

– Амато, это твой новый хозяин, до тех пор, пока нуждается в защите. А после – я жду тебя с дарами! Деметрио Гриманни умеет держать слово, поэтому я спокоен.

– Всё будет исполнено, мой синьор! – низкий голос вассала прозвучал впервые для меня. Смолянистые кудри упали на лицо, прикрыв шрам у виска. Проводив господина взглядом, он повернулся ко мне, и мы снова встретились глазами, обменявшись душевной горечью наших разбитых сердец.

– Я очень рад, Эрнесто, что рядом с тобой будет такой могучий воин! И мне спокойнее, когда ты в безопасности, сын.

«Конечно, я ведь сам по себе ни на что не годный сопляк!» – ещё минута и я не сдержался бы.

– Благодарю тебя, отец! – глубокий поклон увенчал мой актёрский изыск.

Отныне я решил быть «хорошим сыном» и не перечить ни в чём врагу, ровно до тех пор, пока не всажу в спину Амато ножа. Нужно быть хитрее и действовать, как они, – исподтишка. Я подарю им моё послушание, но лишь для того, чтобы усыпить бдительность и воспользоваться доверием.

– Позвольте проводить моего господина?!

– Да, ступай, но возвращайся, как можно скорее! – я изобразил подобие улыбки. – Какие планы на сегодня, отец? – спросил я после того, как Федерико с вассалом удалились.

– У меня есть к тебе серьёзный разговор, Эрнесто!

«Да неужели?!»

– Я слушаю внимательно!

– Мне не просто это сказать, – он кашлянул, – но я долго думал над сложившейся ситуацией и решил, что не имею никакого права разлучать тебя с любимой женщиной.

«Заметьте, не супругой!» – отметил мой внутренний голос.

– Но при одном условии! – продолжил Деметрио. – Ты, как только получишь развод от Папы Римского, женишься на другой во имя продолжения рода.

«Которую, безусловно, выберешь мне ты!» – подумал я.

– Я найду для тебя самую приемлемую и подходящую партию, – подтвердил отец.

– Как это мило с Вашей стороны, предлагать мне двоежёнство, дорогой отец, – всё-таки я никудышный актёр, опять не сдержался.

– Я так и знал, что ты подобным образом воспримешь мои слова.. и будешь прав! Тогда ты должен понимать, что другого выхода у нас нет, как только отправить эту женщину в монастырь.

– Её зовут Патриция! И ещё совсем недавно Вы называли её дочерью! – я почувствовал, как затряслись руки от напряжения и злобы, как заскрипели зубы, мне хотелось его удушить собственными руками.

– Хорошо, Патрицию, как тебе угодно, – мягким голосом ответил он. – Ты должен понимать, что единственный и последний потомок рода Гриманни, прославленного веками и уважаемого даже Папой, не может иметь детей от женщины, побывавшей в чужих руках, испорченной грязной кровью. Мы все своего рода заложники сложившегося положения, сын мой. Прошу, подумай и сам реши, какой именно вариант развития событий тебе подходит больше.

Я сменил тон на более спокойный.

– Хорошо, отец, я подумаю и сообщу тебе о моём решении.

– Вот, это уже совсем другой разговор! Мною отдан приказ: сделать подкоп и взорвать одну из наиболее слабо укреплённых стен, не сегодня-завтра, победа будет за нами! Работы

уже идут. Готовься к решающему бою, сын, отдохни как следует! – он с чувством обнял меня, а я чуть не лопнул от распирающей меня желчи.

От моего решения, конечно, уже ничего не зависит. Деметрио твёрдо решил избавиться от той, что станет пятном позора на родовом древе семьи.

* колет – верхняя плечевая одежда, короткая, до талии или бедер, распашная с застежкой на пуговицы или со шнуровкой. Колет прилегал по линии груди, талии, бедер, имел отрезную баску и разнообразно оформленную горловину: с высоким стоячим воротником, глубоким треугольным вырезом, овальным со вставкой. Рукава его не вшивались в пройму, а привязывались на отдельных участках (низ проймы, плечо, по бокам). Это обеспечивало необходимую свободу движения. Рукав прорезали на плече и локте. Во все щели и прорезы выпускали ткань нижней сорочки, а затем декоративную ткань отделки, образуя пышные буфы.

Часть 1. Глава 8

Вскоре Амато вернулся, проводив своего господина, он больше не выглядел зажатым в кулак, а наоборот, как-то внутренне раскрепостился, вечно стиснутые скулы ослабили напряжение, и взгляд стал немного добрее. Мне эти перемены пришлись по душе. Лишь в присутствии Деметрио его лицо принимало прежний суровый вид.

Он, как и полагалось, теперь повсюду следовал за мной, «оберегая бесценную жизнь наследника Гриманни», которая, в самом деле, ничего не стоила без Патриции и теряла всякую значимость. Мне было на руку то, что он всегда находился при мне, на виду, на глазах, под присмотром. Так, незаметно для нас самих, мы стали неразлучными. Постепенно завязывалось и общение.

– Откуда у тебя этот шрам, Амато? – спросил я во время обеда, заставляя его есть за своим столом, а не отдельно, как это было принято с нижестоящими.

– Лесная дикая кошка зацепила.

– А мне кажется, это скользящий удар ножом, почти возле самого виска. Ты был на волосок от смерти, – с иронией ответил я, поглощая кусок ароматно приготовленной курицы, почему-то хотелось его разозлить.

– У кошек бывают когти, синьор, – его брови сошлись на переносице, и он насупился.

– Не хочешь, не отвечай, твоё дело! – я откинулся на спинку стула и задумался.

Ветер раздувал полотно палатки, заставляя его трепетать подобно корабельному парусу. Ассоциация пронзила сердце тоской. Патриция так мечтала увидеть море, поместье, в которое мы направлялись, как раз находилось на побережье. Доведётся ли теперь? Вот бы парусник, и увезти её отсюда подальше, всё равно куда, лишь бы не нашли. А там хоть сгнать в пучине, лишь бы вместе, только бы с нею... Я открыл глаза. Главная опасность сидела напротив, заканчивая трапезу.

– Расскажи о себе!

Он молчал.

– Это приказ!

– Не знаю, мой господин, что здесь может быть для Вас интересного. Родился в Венеции, там же рос, обучился военному мастерству, участвовал в походах, сейчас вот здесь сижу, штаны протираю.

– Ходят слухи, что ты не любишь женщин, это правда?

Он весь напрягся как натянутая пружина.

– А за что их любить?

– Ну, хотя бы за то, что одна из них подарила тебе жизнь.

– Я её об этом не просил.

– Интересно ты рассуждаешь. Ну, а как же притяжение, любовь, наслаждение наконец?

Он резко отодвинул тарелку и привстал.

– Вы желаете меня унижить, синьор?

– О чём ты? Просто говорим по душам, как мужчина с женщиной.

Он глубоко вздохнул и медленно выпуская ртом воздух снова сел, остудив свой гнев.

– Ты красивый, статный мужчина, думаю, у тебя нет отбоя от женского внимания.

Он посмотрел на меня так, словно я оскорбил его.

– Прости, если тебе не нравится наш разговор, можем сменить тему, – я сделал вид, что мне просто скучно и нечего делать. Забросив ногу на ногу, вытянулся поудобнее, намереваясь поспать.

– Проверяете меня, ну, что ж, давайте! – сухо ответил тот.

– И думать не думал, не любишь женщин, так и не люби, твои проблемы. Только как жить без нежности и ласки? – я приоткрыл глаза и поймал на себе его негодующий взгляд.

– Кто сказал, что без любви?! У каждого она своя.

– Может ты и прав, Амато, – я сделал вид, что дальнейшее мне неинтересно.

Он всегда ловко уходил от ответов. Вытянуть из него лишнее слово – непросто. Вскоре я действительно задремал. Бессонные ночи дали о себе знать. Тяжёлые мысли не давали мне покоя ни днём ни ночью, во сне я видел кошмары, от которых просыпался в ледяном поту.

Очнувшись внезапно от того, что кто-то находится слишком близко и дышит мне в лицо. Открыв глаза, я увидел вассала, прожигающего меня взглядом. Я вскочил и схватился за меч.

– Что? И меня убьёшь? Давай, чтоб не мучился! Гори всё синим пламенем! – я протянул ему оружие. – Мне всё равно без неё не жить!

Амато сел, застигнутый врасплох, с потерянным лицом.

– Ну что же ты опешил? Тебе ведь поручили убить мою жену, и я не сомневаюсь, что ты сделаешь это, но прежде покончи со мной! Может быть тогда Деметрио оставит её в покое.

– Вы меня не так поняли... – пробубнил он.

– А как тебя понимать? Предпочитаешь удушить во сне? Понимаю! Сам одного, собственными руками давил, непередаваемое удовольствие! – я орал непозволительно громко, нас могли услышать, но вспылит не на шутку и уже не мог остановиться.

– Я не собирался Вас убивать! – оправдывался он.

– Тогда зачем ты склонился надо мной так близко?!

– Вы мне нравитесь, – осёкся он и опустил глаза.

Тут меня как будто окатили кипятком. Я же знал, догадывался, что он не такой, как все, и слова Федерико...

«Вот почему он не любит женщин!» – осенило меня.

Попытался взять себя в руки и обрести спокойствие. Он молчал, потупив взгляд, а после начал говорить так, словно его давно распирало излить кому-то душу.

– Вы вправе выдать меня инквизиторам. Но прежде выслушайте. В пятнадцать лет жена господина принудила мальчишку исполнять её грязные фантазии... Её жирное тело всегда стоит перед моими глазами, и невообразимая вонь кислотного пота тоже. Ничто не внушало мне большего отвращения, даже трупные испарения.

Посмотрел на его подавленный вид и представил себе это, даже меня затошнило.

– Она заставляла приходить к ней по несколько раз в день, пока однажды я не решил свести счёты с жизнью. Но из петли успели вытащить. Слуги доложили хозяину, тот избил меня и отправил на галеры, так я попал к Вашему дяде, он вовремя заметил умирающего подростка и, забрав из гребцов, обучил владению оружием, принял в свою охрану.

– И теперь ты предпочитаешь мужчин?

Он промолчал.

– Не стану тебя обвинять. Только больше не приближайся ко мне так близко!

– Вы не выдадите меня церковникам?

– Вместе с дядюшкой?! – теперь для меня картина была яснее ясного. – Я бы сделал это, чтобы спасти Патрицию.

– Клянусь, что хотел Вам во всём признаться, мне самому ненавистно их желание убить беззащитную... втайне от Вас... простите, если сможете! Вот, – он протянул мне маленькую склянку в кожаном мешочке. – Это яд. Я должен был избавиться от неё при первой же возможности, достаточно брызнуть им на одежду...

– Проклятье! – я с размаху стукнул кулаком по столу так, что чуть не заорал от боли.

– Хотите, я сам выпью его, если это поможет облегчить Ваши страдания. Я давно заслуживаю смерти! – он хотел откупорить пробку.

– Не смей! Не ты, так кого-нибудь ещё подошлют. Послушай, Амато! – я схватил его за руку, отбирая смертельное зелье. – Сделай вид, что договор в силе. Помоги нам сбежать! И мы расстанемся навсегда. Я сохраню твою тайну, а ты обретёшь свободу.

– Вас никто не отпустит, ежедневно за нами следят опытные люди, так что Вы и не заметили. Приказ синьора: если не получится у меня, её устранят они, в любом случае.

– И поднимется рука?!

– На войне ко всему привыкаешь, нет разницы, кто перед тобой, приказ есть приказ. Мой господин поручает мне порой самые ужасные и отвратительные задания, используя мою уязвимость. Я привязан к нему, иначе смерть. Таких, как я, не прощают.

– Как же ты живёшь со всем этим?

– Порой бывает невыносимо, – его глаза налились кровью. – Но жизнь, всё равно, лучше смерти, какая бы она ни была! Если не я, то кто-нибудь другой...

Вздохнул с облегчением. Почему-то вдруг стало ясно, что этот человек больше нам не опасен.

– Клянусь, я сделаю всё, чтобы вам помочь! – Амато опустился на колени и положил руку на сердце.

– В таком случае, тебе нечего бояться, никто не узнает о нашем разговоре. Даю слово... – чуть не сказал «Гриманни», честь семьи больше для меня не имела никакого значения и смысла. – Встань, Амато! – я налил вина и передал ему чашу. – Выпей со мной и больше ни о чём не думай! Если я смогу тебя освободить от повинности моему бессовестному родственнику, то сделаю это, не сомневайся.

– Я ещё не встречал подобного благородства. За это и полюбил Вас с первого взгляда! – он неожиданно горячо поцеловал мою руку.

– Прекрати унижаться!

Возле палатки слышались голоса, один из которых принадлежит Деметрию Гриманни.

Часть 1. Глава 9

Они вошли в палатку, не дожидаясь позволения, отец и ещё четверо рыцарей из знати.

– Наши люди обнаружили тайный лаз. И пока мы были уверены в том, что в крепости голодают, они у нас за спиной всё же получали продовольствие. Пробриться в подземелье не удалось. Но теперь оттуда точно никто не выйдет, мы их попросту замуровали. Когда ты бежал, какой-то человек помог тебе. Говорил ли он что-нибудь о тайных проходах?

– Нет, ничего не говорил.

– Как звали его?

– Анастисио, отец.

– Как выглядел он?

– Лет шестьдесят, седые волосы, белые усы и борода, чуть пониже меня, особых примет не заметил, но, кажется, он самый старший из служащих у Романьези солдат. Зачем тебе?

– Надо сообщить людям, если он уцелел, пусть живёт. Гриманни умеют быть благодарными. Наступление с рассветом. Я устал ждать.

Глаза его союзников обратились ко мне. Одним из них был Джованни. Ещё двое знали отца с юности, а третий, уже совсем древний, годился мне в деды, но выглядел на удивление бодрым и подтянутым.

– Давно пора перейти к решительным действиям! – подтвердил я свою готовность.

– Ты подумал о том, что мы обсуждали в день отъезда кузена Федерико?

– Да, отец.

– Каково же твоё решение?

«Можно подумать, кого-то это интересует?!»

– Я согласен исполнить твоё повеление, если ты оставишь мне её... – я встретился с ним взглядом. А он перевёл его на Амато и, удовлетворённый, согласился со мной.

– Прекрасно. Пусть будет так! – он похлопал меня по плечу и удалился вместе со всеми остальными.

Голос Джованни слабел по мере удаления:

– Я ж говорил тебе, Деметрио, мальчик не глуп, а тебе нужно научиться идти на компромиссы. Тогда всем будет хорошо!

– Помолчи!.. – грубо оборвал его папаша.

Что было дальше, я уже не услышал. Да и не нужно это было. Барон Гриманни никогда не забирал свои слова обратно и решений не менял. Приказ дан, и его исполнят, все, кроме Амато. Ему я поверил. Этот человек преобразился на моих глазах, показав себя настоящего. Мрачное, суровое лицо стало мягче, глаза добрее, в них появились эмоции и чувства. Я буду настороже, но мне необходим соратник, чтобы спасти и защитить Патрицию.

– Позвольте сказать пару слов, синьор!

– Да, я слушаю тебя внимательно, – повернулся к нему, сдерживая нахлынувшие переживания.

– Если есть один лаз, то есть и другие.

– Думаешь, отец не догадался об этом? Всё уже осмотрели в округе.

– Однако обнаружили ход только сегодня. Порой подземная система замысловата, а входы в неё хорошо замаскированы под что-то другое. Я нечто подобное уже встречал. Вот смотрите... – он нарисовал на листе план и объяснил. – Насколько я понял, вход обнаружили здесь. Теперь нужно проверить вот это и то поселение. Здесь я видел храм, часто именно с церквями есть связь, легче незаметно выйти и войти. А враг, как правило, не поклоняется святыням противника, но и не трогает их, если не дикарь.

– Нужно проверить.

– Вот только как оторваться от приставленных к Вам людей, не наделав шума? – он улыбнулся, наверное, впервые, и эта перемена совершенно изменила его черты.

– Я доверюсь тебе. Завтра может быть уже поздно. Деметрио не позволит мне идти в первых рядах, и потом проконтролирует исполнение его приказа.

– Отправимся, как только стемнеет, я всё подготовлю и с людьми, что за Вами следят, управлюсь.

– Где же ты раньше был?!

Амато посмотрел на меня печальным взглядом:

– Я служил дьяволу и исполнял его повеления, мой господин. Теперь только смерть разлучит меня с Вами. Позвольте только быть рядом, и преданнее человека Вам не найти, обещаю, барон.

– Благодарю, Амато. Если Богу угодно, мы обретём свободу, если нет – отыщем свою кончину. Береги яд, он может нам всем понадобиться. И поклянись, что убьёшь меня в случае, если сердце Патриции перестанет биться!

– Нет! За всю жизнь для меня не было человека дороже Вас!

– Тогда ты должен понять... Мне не жить без неё.

– В таком случае, мы умрём оба.

– Пусть будет так. А теперь за дело! Одной ночи слишком мало, даже если она последняя...

Часть 1. Глава 10

Благодаря военной хитрости Амато, мы соорудили из соломы подобие своих силуэтов, нарядили их в одежду, чтобы создать тенями иллюзию присутствия, оставили в палатке зажжёнными огарки свечей (скоро они догорят, и, если нам повезёт, все решат, что молодой барон почивает). Скрыться в темноте удалось незаметно. Передвигались неспешно, обмотав копыта лошадей кроличьими шкурами.

Покинув лагерь, отправились исследовать близлежащие поселения, но безрезультатно.

– Остаётся храм, – Амато пришпорил коня, – как я и думал, он находится в удалении, разведчики Деметрио могли и не подумать о нём...

Я замечал, как ему хочется восхитить меня своими военными навыками, опытом, мастерством, стать незаменимым, нужным, ценным человеком. Амато решил никогда больше не возвращаться в Венецию, и теперь все его надежды были обращены ко мне. Ночь темна, если не считать редких проблесков луны из-за туч. Вскоре и они пропали, небо заволочло непроницаемой серой пеленой, пошёл сильный дождь. Факелы, взятые с собой, пришлось укрывать под плащами, мы так и не зажгли их по дороге, чтобы не привлекать постоянного внимания.

Амато умел здраво мыслить, просчитывая каждый шаг наперёд: иметь такого человека союзником – большое счастье, а соперником – горе. И хотя мы были почти ровесниками, я чувствовал себя перед ним неоперившимся птенцом, тогда как он уже летал в поднебесье орлом, грозным и мощным. Его тяжёлая судьба тронула меня до глубины души, и я стал лучше понимать, почему он ведёт себя таким образом, а не иначе. Слишком много страданий и лишений выпало на его долю.

Отец во время осады не дал мне ни разу себя проявить, всё время прикрывал спинами других. Единственный наследник должен быть сохранён любой ценой. Но теперь он узнает о том, что я не разделяю его взглядов и готов умереть во имя любви, которую он обрёл на погибель.

Как всё меняется в жизни! Те далёкие годы, когда Деметрио навязывал мне женитьбу с Патрицией, теперь казались безоблачными. И вот, когда моё сердце полностью стало ей принадлежать, он отдал приказ избавиться от невестки. Усмешка судьбы, горькая ирония...

Мрачные мысли одолевали меня под этим осенним дождём. У лошадей пар из ноздрей, похолодало. Мрачно всё вокруг в ночь перед наступлением.

– Если не найдём лаз, придётся вернуться в лагерь...

Амато взглянул на меня, молча покачав головой:

– Сердце мне подсказывает, что мы близки к цели.

– Как ты ориентируешься во тьме?

– Я вижу, как дикий зверь! А ещё помогает интуиция, – он гордо поднял к небу лицо, по которому стекали струи дождя, – уже совсем близко.

И, действительно, спустя мгновение, мы увидели очертания храма, сложенного из светлого известняка, с высоким шпилем и колоколом. Двери заперты, на наш требовательный стук никто не ответил, Амато выбил дверь, войдя внутрь, мы зажгли факелы и начали обследовать помещение. Убранство было скудным, образа поблекшие, подсвечники деревянные, крест, возвышавшийся в центре, из простого дуба, но хорошей работы. Одним словом, небогато.

Я встал у распятия на колени и прочёл «Отче наш». Амато стоял за спиной как застывшее изваяние.

«Господи, помоги! Прости мне мои грехи, прости убиенные души. Дай мне спасти одну-единственную, ни в чём неповинную! Она, как голубь небесный, всегда была чиста пред Тобою. Возьми мою жизнь и весь род мой погребь, только о ней молю тебя, Боже!..»

Амато терпеливо ждал, пока я закончу свою безмолвную молитву.

– Ты не веруешь? – спросил его, поднимаясь.

– Таким, как я, нечего делать в Божьем доме, мой господин, разве что искать тайные проходы в подземелье!

– Зачем ты так?

– Ни один священник не отпустит мне мои злодеяния, синьор, а вот предаст казни с удовольствием.

– Что уж тогда говорить обо мне, когда я собственными руками задушил одного из них... Но я верю, и это придаёт силы.

– Я думал, насчёт Вас привирают... – он, приподняв одну бровь, улыбнулся, тронул каменное изваяние святого, и в стене открылся проход, достаточно большой, чтобы даже проехать верхом на лошадях.

– Не может быть! Боже святой! – воскликнул я.

– Так за что же Вы приговорили святошу?

– Он, подкупленный Деметрио, признал ведьмой и проклял мою беременную женщину, а потом её сожгли...

Амато поёжился:

– Вы были связаны с ведьмой?

– Эделина лечила людей и помогала им, её незаслуженно прокляли.

– Как по мне, так все они – ведьмы, только горе от них! – он привёл с улицы лошадей и, подпёр двери изнутри.

Из прохода тянуло могильным застоявшимся холодом. Мы двинулись вперёд по уходящим вниз широким ступеням.

– Ты не видел Патрицию!

– Слышал, что она необыкновенно хороша, но что это меняет? Через Еву пришло грехопадение!

– Не забывай, что и жизнь пришла через неё. Ты рождён не мужчиной!

– Велика ли заслуга?.. Может быть, я вообще предпочёл бы не рождаться на этот проклятый свет!

– Да, с тобой непросто, и всё-таки я надеюсь, что однажды ты переменишь свой взгляд, встретив настоящую любовь...

Он остановился.

– Тише!

Мы прислушались. Где-то на поверхности земли промчались всадники.

«Возможно это за нами уже послана погоня?» – сердце в висках застучало.

– Но Амато жестом меня успокоил, я вздохнул с облегчением, и мы продолжили наш путь.

Туннель становился всё ниже и раздваивался, мы стояли перед выбором: в каком направлении двигаться.

– Хоть бы знак какой-то оставили! – Амато злился.

Джюсто показал своё нетерпение.

– Судя по направлению, я склонен свернуть вправо.

– Пусть будет так.

Животные нервничали, закрытое тёмное пространство внушало им страх. К тому же вдоль стен появились каменные саркофаги. Судя по всему, старинные, но разглядывать их и читать надписи у нас не было ни времени, ни желания. Я погладил морду Джюсто, успо-

каивая. Замкнутое пространство даже человек не всегда хорошо переносит. Через какое-то время мы упёрлись в тупик и пришлось возвращаться.

– Проклятье! Вы были правы, синьор, нужно было идти прямо. Похоже, это тот самый выход, что замуровал вчера Ваш отец.

– Амато, зови меня просто, – Эрнесто!

– Нет, мой господин... Я привык. Мы не равные. И это будет неуважительно по отношению к Вам!

– Оставь ты эти дурацкие правила. Если с твоей помощью мы выберемся и спасём Патрицию – я твой вечный должник, Амато!

Возвращаясь к развилке, ощутили колебание земли, по туннелю прошёл гул, и где-то даже посыпался песок.

– Что это было?

– Не знаю. Только землетрясения нам и не хватало!

– Возможно это взорвали стену?..

– Тогда сейчас начнётся наступление и от того, кто до Патриции доберётся первым, зависит её жизнь!

Мы поспешили, новая волна прокатилась под землёй, как вздох невидимого исполина, это закончилось небольшими обвалами. Кони заржали, испуганно озираясь вокруг.

– Нужно выбираться отсюда, чем скорее, тем лучше!

Мы побежали, ведя за уздцы лошадей.

Но следующий толчок прогремел разрушительнее предыдущих. Скакуны вздыбились, их понесло. Я, выронив свой факел, упал, Джюсто было не удержать, он унёсся в темноту.

– Вы не пострадали? – Амато подал мне руку, помог подняться.

– Нет. Кажется, началось наступление. Деметрио наверняка взбешен тем, что мы исчезли, и будет биться с удвоенной силой...

– Нужно спешить!

Судя по ржанию, конь мой ускакал недалеко. Вскоре мы оказались перед решёткой, перекрывающей вход в помещение, похожее на подземелье замка, в котором я не так давно был узником. Амато, передал мне поводья и при свете факела занялся замком, используя неизвестное мне металлическое приспособление. Его манипуляции увенчались успехом. Мы вошли, и я узнал места своих мучений. Никого внизу не было, видимо, все силы брошены на оборону снаружи.

Отдалённо слышались залпы орудий, крики и звон мечей. Проходя по длинному коридору, разделяющему подземное пространство на различные помещения, я услышал тихий сдавленный стон.

– Постой, Амато! – еле слышно проговорил я.

– Нет времени на узников! – тихо ответил он.

– Очень тебя прошу!

Он не стал возражать.

Камера была закрыта лишь на засов, который с предательским ржавым скрипом поддался. Я не ошибся: на полу, в грязной зловонной жиже лежал седовласый старик, прикованный к стене цепями.

Амато посветил ему в лицо.

– Он Вам знаком?

– Я обязан ему жизнью!..

– В таком случае, отойдите! – Амато попытался разрубить мечом звенья, со всей силы несколько раз ударил по ним, но цепи были прочнее.

Найдя ведро с водой, я вылил его на Анастасио. Он застонал, приходя в сознание. Избитое лицо старика с заплывшими глазами, выбитыми зубами с трудом напоминало того, кого я помнил своим избавителем.

– Я пришёл за тобой, как и обещал!

Он взгляделся в мои черты и протянул дрожащую руку:

– Слишком поздно, сынок, я уже не жилец. Моим дочерям ты тоже не поможешь, Эрнесто, они свободны, потому что мертвы. Синьора в старой башне... Там есть проход, – он указал направление, но его охраняют. Будьте осторожны! – сказав это, старик вновь погрузился в беспамятство.

– Послушайте его! Нам не уйти с такой ношей, нужно спасти вашу жену.

Стон вновь сорвался с губ старца:

– Убейте, умоляю! Нет больше сил терпеть!..

– Прости меня, Анастасио! Прости, что опоздал!

– Позвольте, синьор, я сделаю всё быстро, он и не почувствует боли.

Я отвернулся, последний выдох его был лёгок. Амато не обманул. Лезвие ножа вошло по самую рукоятку прямо в сердце.

Это была ещё одна душа, пожертвовавшая собой ради меня.

– Господи, прости!.. – боль разрывала грудь, словно мою душу пронзило оружие.

– Вам не о чем убиваться, Эрнесто, теперь он свободен! А там... – он указал вверх. – Идёт бой, и если мы не поторопимся, не видать нам Патриции! – Амато схватил меня за руку и потащил в указанном направлении.

Мы оставили коней и стали подниматься по винтовой лестнице в башню. Уже наступило утро. Через маленькие отверстия в стене пробивался свет. Войско отца уже близко. Двух стражей мы настигли внезапно, они наблюдали за ходом сражения, и не услышали нашего приближения. С мечей капала кровь, ступень за ступенью мы приближались к желанной цели.

Часть 1. Глава 11

Комната на самом верху башни тоже заперта. Выбить дверь не получилось, слишком мало места. Выручил вновь миниатюрный нож, которым мастерски владел Амато. Сражение проходило всё ближе, пушки замолчали. Вот-вот враг падёт.

У самой цели я вдруг испытал страх перед тем, что увижу сейчас. Вспомнилось произошедшее в подвале замка.

– Эрнесто, ну же скорее! – Амато, видя мою нерешительность, впихнул меня вовнутрь.

Через маленькие узкие окошки струится лучами свет, в нём сияют, клубясь, пылинки, но сама округлая комната остаётся в полумраке. Я даже не сразу разглядел присутствие в ней дорогого человека, Патриция спряталась за спинкой кровати, как испуганный зверёк.

Эта комната непохожа на темницу, скорее на опочивальню принцессы. Видимо, сюда Романьези перенёс мебель и вещи своей погибшей жены и позволил пленнице пользоваться этим богатством.

«Неслыханная щедрость, за которую, можно предположить, ожидалась награда...» – ревность выиграла в крови, а ещё отвращение, потому что представить Патрицию в объятьях старого графа было выше моих сил.

– Не бойся, это я, твой Эрнесто... – слова застревали в горле, я приблизился к ней.

– Нет! Не подходите! – заорала Патриция нечеловеческим голосом.

Я замедлил шаг, боясь сделать неосторожное движение, чтобы ещё больше не напугать её.

– Убирайтесь! – она закрыла ладонями лицо и, раскачиваясь из стороны в сторону, разрыдалась.

Я прикоснулся к её плечу, взял под локоток и попытался поднять, она отбивалась от меня, пока наши глаза не встретились. В этом взгляде было всё: прошлое, настоящее и будущее; любовь и ненависть, весь ужас произошедшего.

– Ты узнаёшь меня? Патриция, опомнись!

– Не прикасайтесь ко мне! Я – грязь! – она начала драть ногтями до крови своё исхудавшее лицо, и мне стоило немалых усилий удерживать её руки. Откуда в этом тощем теле столько буйства?

– Остановись, Патриция! Всё будет хорошо! Я тебя не обижу, – безуспешно пытался её успокоить, но она походила на сумасшедшую.

– Не смейте меня трогать! Дайте умереть! Патриции больше нет, есть только это! – она вскочила на ноги, и я увидел на её измождённом теле округлившийся живот.

– Уходи, – ледяным тоном повторила она, – у меня теперь другой хозяин.

– Ты не рабыня, а моя жена! Я пришёл за тобой и без тебя не уйду.

Её растрёпанные волосы торчали во все стороны, а безумный взгляд всё время бегал по сторонам, почти не задерживаясь на моём лице, словно это причиняло ей невыносимые страдания. Грязное, порванное платье неопределённого цвета висело на ней, хотя в комнате полно нарядов и украшений.

– Я люблю тебя! – с трудом выговорил, стискивая её в объятьях.

– Убей, если любишь! Избавь от позора!

Времени оставалось всё меньше, оно утекало как песок сквозь пальцы.

– Поторопитесь, синьор! – раздался голос Амато.

– Ты пойдёшь со мной! – заорал я на неё, неожиданно для себя сорвавшись.

Она как-то сразу присмирела и обмякла.

«Лучше уж без сознания, чем она окончательно изуродует себя!» – подхватив её почти невесомое тело на руки, я вслед за вассалом начал спускаться по лестнице.

– Позвольте помочь, – Амато проявил готовность нести её.

– Нет, это моя ноша. А твои мечи очень скоро пригодятся, слышишь?! Всё громче голоса...

Патриция застонала. Руки её безвольно болтались, казалось, что она вот-вот испустит дух.

– Дело плохо! – посочувствовал Амато.

– Она жива – это главное!

– Порою лучше смерть...

– Замолчи, прошу! – я был не в состоянии сейчас не только говорить, но и думать.

Цель была одна – выбраться отсюда и увести её подальше, туда, где ни одна сволочь больше к ней не притронется.

Я вспомнил своё желание омыть здесь всё кровью, но теперь не месть жила в моём сердце, а любовь раненой птицей билась в агонии моей души.

«Хватит смертей! Отец будет щедр на расправу, но станет ли от этого легче Патриции или мне? Прочь из этого проклятого места! Земля большая, где-нибудь да и найдётся уголок, приготовленный для нас Господом Богом! Теперь нас никто не сможет разлучить. Эта женщина, возможно, уже никогда не станет прежней, но дороже её нет у меня никого на всём белом свете. Я буду заботиться о ней, буду её защищать!» – больше не осталось сомнений.

– Помнишь, что обещал?! – обратился я к Амато.

– Не беспокойтесь, синьор, я сделаю всё, как пожелаете!

– Спасибо, друг!

Мы уже находились почти в самом низу, когда ворвались люди из наших. Лица рыцарей и доспехи в крови. Сколько они бились за то, чтобы пробиться сюда? Скольких потеряли?!

Увидев меня с Патрицией на руках, они расступились, Амато воинственно оберегал нас, обнажив оба меча. Его особенностью было умение владеть оружием одинаково хорошо обеими руками и внушать другим страх.

Когда я добрался до коня, Джюсто приветственно застучал копытами.

– Позвольте вам помочь? – один из воинов отца выдвинулся вперёд.

– Стой, где стоишь! – прогремел голос Амато.

Он сам помог мне взобраться, удерживая Патрицию.

– Передайте Деметрию Гриманни, что я не вернусь, – прокричал я, разворачивая коня к проходу в подземелье, – его план не сработал. Моя жена будет жить под моей защитой и останется со мной!

Мы пришпорили коней. Уже знавший дорогу Джюсто рванул вперёд, не дожидаясь команды. Погони не было, всё отдалённое становилось звуком завершающегося сражения. «Это уже не наша война. Всё, что нужно, находится в моих руках».

Амато ехал следом, прикрывая нас. Пригнувшись, чтобы не повредить голову, мы преодолели туннель, проход в церковь всё ещё стоял открытым. В храме Амато пришлось спешиться, чтобы открыть засов на дверях.

Патриция всё реже подавала признаки жизни, её тело иногда вздрагивало, словно в судороге сводило мышцы: какие кошмары видела она в забытии? Даже страшно себе представить. Я смотрел на это истрадавшееся лицо с провалившимися щеками и не узнавал мою возлюбленную, и всё же это была она.

Долгожданная свобода: солнечный свет и вольный ветер, дорога из ада в никуда, лишь бы подальше, лишь бы навсегда...

Часть 1. Глава 12

– Куда теперь? – Амато посмотрел на меня усталым взглядом, мы не спали уже вторые сутки, закончилась и провизия, наспех взятая с собой.

– Мы едем домой.

– Мой синьор передумал и решил подчиниться воле отца? – это было сказано совершенно спокойно, даже с пониманием.

– Боже упаси! – я прижал к себе чуть живую жену с нежностью и теплотой. – Деметрио не вернётся так скоро. Подумай сам. У него сейчас есть дела поважнее: показательные казни, раздел графского имущества, им нужно насладиться победой и отпраздновать, – положение обязывает. Он даст мне фору, чтобы потом настигнуть во всеоружии. Нам необходимо забрать ценные бумаги и пополнить денежные ресурсы. Драгоценности моей матери помогут продержаться какое-то время.

– Вы предусмотрительны, мой господин, Вашей супруге нужен отдых, она совершенно истощена.

Я горько вздохнул, взглянув на Патрицию. Показалось или нет, она прижалась ко мне крепче, пришла в себя, но не открывает глаз.

– Ваш отец может оставаться там, но что мешает ему послать за нами людей?

– Об этом я тоже думал. Будем наготове. Другого выхода пока нет. Без средств мы далеко не уедем.

– Он это тоже понимает, потому знает куда Вы направились.

– Безусловно. Как только прибудем на место, дам приказ никого не впускать и не выпускать. Без Деметрио его люди не рискнут брать штурмом замок. Лошади тоже нуждаются в отдыхе, пище и сне... Такими темпами мы всё равно не уйдём от преследования.

– Они могут устроить нам засаду, когда будем покидать замок.

– Мы подготовимся, Амато. Я по-прежнему могу рассчитывать на тебя?

– Моя жизнь в Ваших руках, синьор.

– Вот и хорошо, значит, прорвёмся!

Он улыбнулся. И у меня на душе стало светлей. Патриция притворялась спящей, пусть так, лишь бы ей было спокойно.

Вдали показались очертания родных башен. Что бы ни творилось у меня на душе, и какие бы я не переживал проблемы с отцом, там мой дом, там я родился и рос, был счастлив, отчаивался, любил...

Мы успели въехать в городские ворота до наступления темноты. А там и до дома – рукой подать.

– Молодой хозяин вернулся! – слуги с радостными возгласами выбежали приветствовать нас.

– Есть ли новости? Война закончилась? Что с госпожой?.. Боже правый!!! – со всех сторон доносились причитания.

– Всё расскажу, но прежде отнесите синьору в дом, позаботьтесь о ней! – я передал её в надёжные руки Маркелы и горничных.

– А теперь слушайте мой приказ: запретить все ворота и никого не впускать! Без моего особого позволения. Охранять замок даже от своих.

– Что же такое происходит, кто-нибудь объяснит?

– Жизни синьоры угрожает серьёзная опасность. Мы будем её защищать. Этого господина зовут Амато. Он мой близкий друг и помощник, во всём слушайтесь его и подчиняйтесь, как мне. В рядах наших людей скрываются злостные заговорщики, поэтому никому не доверяйте. Приказам якобы от барона Гриманни не верьте! Тех, кто ослушается меня,

ждёт немедленная смерть! Мы пробудем недолго. После этого перейдёте в распоряжение своего старшего хозяина, но только после его прибытия. Всех гонцов отсылайте назад, посланий не принимать! Всё очень серьёзно...

Амато осматривал владения опытным взглядом, не скрывая своего восхищения могуществом нашей семьи:

– И Вы, господин, способны отказаться от всего этого ради женщины?!

– Эх, Амато, даже золотая клетка всё равно остаётся клеткой! Тебе этого не понять.

– Вы правы, синьор, я вырос в бедности, и ещё не встречал человека, способного отказаться от такого богатства и власти ради чего бы то ни было!

– Значит я – первый.

Патрицию занесли на руках в дом, я пошёл за нею, опасаясь очередного приступа её помешательства, и не ошибся, из покоев вскоре донеслись дикие крики.

– Господин, она отбивается от всех и не позволяет себя раздеть. Никак наша голубка тронулась умом, – пожаловалась Маркела, любимая служанка покойной матери моей и кормилица.

– Уйдите все, я сам справлюсь.

– Как можно, чтобы синьор...

– Можно всё, Маркела, приготовь необходимое и ступай!

– Будьте осторожны! Она совершенно не владеет собой и может быть опасна.

Служанки в смущении удалились. Патриция, сжавшись в комок, сидела на полу в порванном платье, прикрывая руками грудь, дрожала всем телом.

– Не трогайте меня!.. умоляю, не трогайте! – повторяла она, как заведённая.

– Любимая, это я, твой муж, – говорил с нею, как можно мягче и ласковее, – я люблю тебя и никогда не обижу. Посмотри на меня, Патриция! – я приподнял её и дождался, пока она взглянет в мои глаза. – Мы дома, тебе больше нечего бояться, дорогая. Все здесь готовы услужить тебе, в том числе и я. Ну, давай же, моя радость, тебе нужно принять ванну, успокоиться, смыть с себя все беды и печали...

Взгляд, блуждающий в потёмках сознания, всё же сфокусировался на мне.

– Видишь, это я, твой Эрнесто, всё у нас хорошо! – я осторожно протянул к ней ладони и робко прикоснулся к спутанным кочкам волос. – Доверься мне, любимая, ты в полной безопасности...

Её глаза налились слезами.

– Позволь снять с тебя эти грязные лохмотья, моя донна, – продолжал я полушёпотом, не отрывая взгляда от её голубых глаз.

Я понял, что можно её направлять, но очень спокойно и ласково. Стараясь не прервать установленный между нами контакт, я медленно спускал с её острых плеч рубашку. Боль разрывала мне душу при виде выступающих костей, почти лишённых плоти, только живот, высасывающий из неё последние жизненные силы, выглядел здоровым. Грудь обвисла, потеряв прежнюю девичью прелесть. Исцарапанная кожа стала смуглой и выглядела усохшей. Это была уже совсем другая женщина, которую я совсем не знал. Жалость сжимала сердце, ничего другого я не мог к ней испытывать. Взяв её на руки, как ребёнка, опустил в тёплую воду с ароматными маслами розы и лаванды. Она даже застонала от удовольствия. Я мыл её волосы, втирая в них приготовленные слугами отвар из трав, разбирал аккуратно и местами срезал сбившиеся в комки пряди. Когда я закончил с волосами, начал не спеша омыwać её тело, бережно, как самую хрупкую драгоценность на свете. Чего мне стоило удерживать улыбку, знает лишь Господь Бог. Постепенно добавлял горячую воду до тех пор, пока щёки на её лице приобрели розовый оттенок.

Никогда не думал, что буду прикасаться к любимой женщине, не испытывая ничего, кроме сострадания и скорби. Вытащил её, поставил на коврик и укутал чистой, нагретой

возле огня простынёй, отнёс на руках в опочивальню. Одел, словно неживую, в чистое бельё. Она больше не теряла сознания и не сопротивлялась, но была совершенно лишена каких-либо эмоций и воли. Уложил в кровать, накрыл тёплым одеялом и поцеловал, не в губы, в лоб, как целует отец своё больное дитя перед сном. Но стоило мне отойти, как раздалось рыдание. Пришлось вернуться, лечь рядом, дожидаться пока уснёт.

Куда можно увезти это несчастное существо? Застрявший в кошмарах пережитого разум её увял, подобно цветку. Я старался не думать об этом, чтобы самому не свихнуться. Просто делал то, что мог. Когда она проснулась, покормил её с ложечки, как ребёнка. Слуг она по-прежнему не подпускала к себе, а сама отказывалась есть.

Амато постучал, попросив разрешения войти, я позволил. При виде чужого мужчины, у Патриции вновь началась истерика, успокоить бедняжку стоило огромных сил.

– Дело совсем плохо?

– Хуже некуда! Я – единственный, кого она признаёт, – еле слышно ответил я.

– Нам нужно уходить с рассветом, иначе будет поздно.

– Куда её везти в таком состоянии?

– Здесь у неё вообще не будет шансов, как только явится барон, ни Вы, ни я ничего не сможем поделать. Меня в лучшем случае отправят в Венецию, но по мне лучше погибнуть рядом с Вами.

– Ты прав, Амато, тысячу раз прав. Подготовь всё необходимое в дорогу, отбери людей для охраны, кто сам пожелает и поклянется оберегать синьору.

Он приступил к исполнению, а мне предстояло уговорить Патрицию.

– Нам нужно ехать, любимая. – я гладил её поверх одеяла, пока она сама не открыла лицо. – Мы не расстанемся больше, обещаю. Я всё сделаю ради тебя, никто больше не причинит нам зла.

– Я тебе верю, – вдруг тихо ответила она, так, словно разум вернулся.

– Патриция, милая, нужно одеться, чтобы тебе было удобно и тепло. Понимаешь?

– Да, – слабая улыбка промелькнула и погасла на её лице.

– Вот и умница. Сейчас придут женщины и помогут тебе, а мне необходимо собрать важные документы и бумаги, которые могут нам помочь. Хорошо?

– Да, иди...

Но стоило мне уйти, как я вновь услышал всхлипы, но обращать на них внимания уже не было ни времени, ни сил. На сборы ушло несколько часов. Мы так и не поспали.

– Глотните, синьор! – Амато достал из своих пожитков небольшую бутылку.

– Что это?

– Этот эликсир я купил когда-то у одного мага. Зелье даёт силы не спать, я использую его в крайних случаях, когда нужно долго держаться на ногах.

Я сделал глоток, и горькая обжигающая настойка прогрела все внутренности.

– Только не увлекайтесь, а то сердце не выдержит, – предупредил Амато, забирая бутылочку. – Прощайтесь с людьми, нам пора!

Часть 2. Глава 1

– Возьмите меня с собою, синьор! Я буду заботиться о Вас и о госпоже тоже. Вы же знаете, я всё умею и люблю Вас, как родного. Не оставляйте меня здесь, пожалуйста, и матушке Вашей покойной я обещала, что позабочусь о Вас, покуда жива.

– Маркела, путь неблизкий, я вообще не знаю, что нас ждёт впереди!

– Позвольте дать совет, синьор!

– Говори...

– Нужно нашу голубку в родной дом отвезти, там и стены лечат! Родительская любовь, детские воспоминания.

Я обвёл взглядом комнату, в которой вырос, но здесь уже ничто не напоминало мне о прошлом.

– Боюсь, дорогая Маркела, что её не примут.

– Неужто сердце матери не дрогнет?

– Теперь там правит старший брат, а он, говорят, несговорчив.

– А Вы скажите, что это Ваше дитя, – Маркела покраснела и смущённо опустила глаза, – простите, старушку, что лезу не в своё дело, мой господин.

– Может, ты и права, только вряд ли ей это поможет. Сколько тебе нужно времени, чтобы собраться?

– Уже всё взяла, да и многого мне не надо. Вещи госпожи подготовлены.

– Хорошо, садись в экипаж!

Я вернулся в дом и отнёс Патрицию на руках. Мы обложили её подушками и накрыли тёплым меховым покрывалом. Теперь она выглядела гораздо лучше прежнего: волосы уложены и взгляд другой, платье на худеньких плечах висит, а там, где живот, пришлось ослабить шнуровку. Нынешнее положение моей супруги сделало бы меня счастливым, если бы не то, что произошло, теперь я не знал, чьё это дитя, воспринимал его скорее как неприятный и тягостный недуг, болезненный для нас обоих.

Амато согласился, что можно попытаться спрятать госпожу в родовом поместье у её матери (отца к тому времени уже не стало, он так и не пережил трагедии, случившейся с его любимой дочерью).

Теперь всё зависело от того, как отнесётся к Патриции родной брат и станет ли на её защиту. С Винченцо первый и единственный раз мы встречались на свадьбе, но там даже поговорить не было возможности, слишком много гостей, да и занимался я, честно говоря, совсем другим... Воспоминания наполнили сердце любовью: какую же божественно-красивой и желанной была невеста!..

«Ничего, мы справимся и с этим!» – пообещал я сам себе, согревая её холодные ладони дыханием.

Шестеро солдат, отобранных Амато для охраны, будут нас сопровождать. Никто не знает, чего ожидать впереди...

Паника вновь охватила Патрицию, ей не хотелось уезжать. Наш замок выглядел надёжным и хорошо защищённым, но как можно объяснить ей в таком состоянии, что мой родной отец теперь является главной угрозой её жизни?

Тяжело вновь покидать семейный очаг. Постоял у могилы матери и простился с домашними, многие, наверное, догадывались о причине нашего бегства и со слезами провожали. Тронулись в путь. Пришлось ехать в экипаже: Патриция не отпускала меня ни на секунду без слёз.

Вскоре послышался топот копыт, одинокий всадник летел во всю прыть и махал нам рукой.

– Я проверю, синьор, – Амато двинулся к нему навстречу.

Мы остановились. Я выглянул, чтобы посмотреть всё ли хорошо. Он, переговорив, позволил незнакомцу приблизиться к нам.

– Должен вручить Вам, лично в руки, барон Гриманни, послание Его Святейшества, – он с трудом дышал, так же, как и его конь после долгого пути.

Сердце словно оборвалось в груди и упало куда-то вниз. Я совсем забыл, что отец отправлял прошение. Развернув послание, скреплённое папской печатью, я прочёл его.

– Благодарю, Вы свободны.

– Ответа не последует? – посланник выглядел уставшим.

– Передайте мою глубочайшую благодарность и признательность Святому Отцу! Вернитесь в замок и отдохните, как следует! Прощайте!..

Мы продолжили путь. Амато не спускал с меня глаз, сопровождая нас рядом на своём гнедом скакуне.

– Это, конечно, не моё дело, но что там, синьор?

Идти против воли главы Церкви не рискнул бы даже самый отчаянный и могущественный человек, слава Богу, мне и не придётся этого делать.

– Это смертный приговор для Романьези и отказ в разводе для Эрнесто Гриманни.

Патриция вздрогнула всем телом и посмотрела на меня.

– Нет, любимая, не я о нём просил, это мой бессердечный отец решил разлучить нас с тобою. У него ничего не получится, обещаю тебе! – я поцеловал её. – Ты мне веришь?

«Кажется, разум начинает у неё проясняться, взгляд становится всё более и более осмысленным, если бы не слёзы, всё было бы очень даже неплохо, но они текут рекой, почти без остановки. Маркела по-матерински старается утешать несчастную, по мере сил и доброты душевной, и Патриция начала подпускать к себе пожилую женщину без опаски. Хоть в чём-то мы продвинулись, это радует и дарит надежду.»

– Кажется, приговор не только для Романьези, – тихо заметил Амато. – Теперь у Деметрио ещё меньше выбора, – он прищепил коня и отъехал немного вперёд, оставляя мне время на раздумье.

«Было б ли легче сохранить жизнь Патриции, если развод одобрил Папа? Деметрио, как советовал его друг Джованни, мог бы закрыть глаза на её существование при некоторых условиях... А теперь только смерть может разлучить нас. В любом случае, я не позволю ей умереть в одиночестве, Амато сдержит данное мне слово», – я всё больше убеждался в его преданности и любви.

Вечерело, когда прибыли к поместью Де Росси. Спрятав послание за пазуху, я на руках вынес жену из экипажа. Увидев родные стены, она сразу же ожила, и даже подобие улыбки впервые появилось на её губах. Нас выбежали встречать слуги, но при виде Патриции прикрывали рот, они помнили свою молодую госпожу совсем иною.

– Какое несчастье! Наша бедная синьорина!.. – прошелестели возгласы, слетевшие с уст людских подобно дыханию ветра.

Нас пригласили в дом. Он был гораздо меньше нашего, но так же хорошо укреплён. Каждая знатная семья старалась позаботиться о своей безопасности, чтобы при надобности держать оборону.

Мать Патриции в траурном платье вышла к нам.

– Дитя моё!.. – слёзы заполнили её глаза, – Что они сделали с тобою! – она, качая головой, злобно смерила меня уничижительным взглядом. – Отпустите мою дочь, барон Гриманни, не нужно её всё время держать на руках!

– Вы не понимаете, она слишком слаба...

– Слуги, примите госпожу! – прозвучал властный приказ.

– Нет! – вскрикнула Патриция, как только к ней приблизились мужчины, и, закричав, уткнулась лицом мне в плечо.

– Ваша дочь не доверяет больше никому, кроме меня, – с горечью ответил я.

– Никогда не прошу Вам того, что случилось с нею! – сквозь зубы промолвила тёща, провожая нас в гостевую комнату.

– Положите её здесь! Я хочу поговорить с Вами наедине.

Я исполнил повеление. Патриция попыталась протестовать, ею вновь овладела паника.

– Подожди, любимая, я скоро вернусь! С тобою побудет Маркела... – опустив её на постель, вытер бегущие по щекам слёзы, если бы их кто-то собирал, наверное, уже наполнилось бы ведро. – Твоя матушка что-то хочет мне сказать, будет невежливо, если я откажусь её выслушать, понимаешь?! Успокойся, ты дома и в полной безопасности...

– Вы говорите с ней, как с ребёнком, Эрнесто, это возмутительно! Патриция, немедленно прекрати истерику, возьми себя в руки! Это мерзко так раскисать! – негодовала Сла-рисса.

– Она ещё не пришла в себя! Неужели Вы не видите, синьора?! – я пытался её образумить.

– Слава Богу, Рональдо не дожил до этого позора! Иначе бы не пережил, – она покинула комнату, кипя от негодования.

Я ещё раз поцеловал заплаканное лицо Патриции, она притихла, и лишь после этого вышел.

– Слушаю Вас внимательно, донна Де Росси.

– С рассветом вы должны покинуть наш дом! – сухим голосом произнесла она. – Вам повезло, что Винченцо отсутствует. Он бы даже не впустил эту умалишённую. Будет лучше, если Вы послушаете отца и отправите её в монастырь, где монахини позаботятся о её душе и теле. К чему привела Ваша забота, уже видно! Несчастное создание. Во что Вы превратили моё дитя! – она смахнула скупую слезу, набежавшую внезапно, шёлковым платком. – Мы доверили её Вам, но Вы ни на что не способны Эрнесто Гриманни! Всё, к чему Вы прикасаетесь – гибнет. Будьте прокляты!

Я потерял дар речи.

– Зачем Вы привезли её? Для того, чтобы окончательно разбить моё материнское сердце?! – она не унималась, а я изумлялся всё более и более: «Да неужто это речи той, что родила и лелеяла своё дитя?! В ней нет ни капли жалости, она не мать, а чудовище!»

– Нельзя разбить то, чего нет, – скорбно констатировал я неоспоримый факт.

– Как Вы смеете, оскорблять меня в моём собственном доме!

– Я надеялся найти у Вас приют до тех пор, пока ваша дочь не окрепнет и не поправится хотя бы в той мере, чтобы выдержать долгую дорогу. Но теперь вижу, что напрасно рассчитывал на Вашу добросердечность.

– Хам! Убирайтесь, немедленно вон! – она заорала так, что эхо пронеслось по коридорам.

– С превеликим удовольствием! – я театрально раскланялся.

– Ни одна приличная семья вас больше не примет! – злоба изливалась из неё бурным потоком, оскорблённая синьора Де Росси уходила с гордо поднятым каменным лицом.

Я вернулся в комнату, взял мою лёгкую ношу на руки. Патриция молчала. Даже слёзы высохли на лице, она всё слышала и поняла. Маркела, опустив голову, виновато проследовала за нами. Амато открыл дверь экипажа. Уже стемнело. Ехать в такое время – самоубийственно. Но у нас не осталось выбора. Слуги открыли ворота. Холодная ночь приняла скитальцев.

– Встреча была недолгой, – голос Амато звучал сочувственно.

– Прочь из этого дома и поскорей!

Амато закрыл за нами дверь и вскочил на коня.

Маркела всхлипнула в углу:

– Простите меня, синьор, это всё я, дура старая, насоветовала.

– Ты ни в чём не виновата, успокойся, добрая женщина. Кто же знал, что у этой змеи только яд в крови и больше ничего. Мир большой, где-нибудь найдётся и для нас пристанище!..

Кони рванули с места так, словно и им было невыносимо оставаться здесь ещё хотя бы мгновение.

– Эрнесто, отвези меня в монастырь! Мама права... – Патриция приподнялась на локтях, собрав всю свою волю в кулак.

– Нет, моя дорогая, не слушай их, эти люди думают только о себе, – я улыбнулся и крепче прижал её к сердцу. – Я люблю тебя, и мы будем счастливы вопреки всем бедам и проклятьям!

Часть 2. Глава 2

Ехали всю ночь, не останавливаясь. Бог миловал: обошли разбойников стороной. Экипаж поскрипывал, кони устало передвигали ноги по осенней сухой листве. С рассветом вдаль показалось какое-то поселение, места становились незнакомыми и чужими, изменился ландшафт. Патриция лежала, положив голову на мои колени, а я, время от времени, поглаживал её лицо и волосы, то впадая в полудрёму, то возвращаясь в тревожную реальность.

Маленькая, хрупкая женщина, её безопасность и покой стали смыслом, заботой моей жизни. Потеря статуса и покровительства отца, роскоши и власти совершенно не тревожили: всё это мною уже пройдено однажды. Много ли нужно для жизни?... Я обучен грамоте, смогу быть полезен во многих, в том числе финансовых делах, в монастыре я переписывал манускрипты и книги, работал в саду, помогал на кухне. Приобретённый опыт может ещё пригодиться... И вдруг меня осенило! Имение во Флоренции, подаренное нам на свадьбу Деметрио, всё ещё принадлежит мне с Патрицией. Если приехать туда и занять оборону, можно продержаться какое-то время, попросить покровительства у великого герцога тосканского. Медичи, говорят, умён и собирает вокруг себя людей неординарных, способных глядеть в будущее, имеющих прогрессивные идеи. Он крепко держит власть и не терпит, когда ему перечат, но благосклонен к тем, в ком видит перспективы. Деньги семьи Гриманни рано или поздно перейдут ко мне. Это может его заинтересовать, к тому же, Деметрио там человек новый и связей особых, насколько мне известно, не имеет... Впервые надежда зажглась в душе. Нужно испробовать все возможности и не отчаиваться!

Амато был начеку, как опытный воин он не позволял себе расслабиться ни на минуту. Всем нужен отдых, люди и животные устали. Единственный человек, кому удалось по-настоящему поспать в эту ночь из всего нашего маленького сообщества, была Маркела, которая, несмотря на тряску, крепко похрапывала в углу экипажа.

Моя голубка всё время вздрагивала. Даже когда глаза её были закрыты, слёзы всё равно текли. Кормилица мне как-то сказала в детстве: «Мужчины не плачут, поэтому так мало живут.» Из чего я сделал вывод: «Женщины плачут и живут долго». Поэтому слёзы Патриции не вызывали во мне раздражения или страха, как у многих мужчин, только сочувствие и понимание её тяжёлого душевного состояния. Гораздо хуже было, когда она впадала в оцепенение или билась в истерику, раздирая кожу до крови ногтями. Эх, как же не хватает заморского лекаря Джованни, он, наверняка, мог бы ей помочь!

Вспомнил и о брате Лучано. Даже вдаль от друга я ощущал его духовную поддержку и любовь, твёрдо зная: мы ещё живы, благодаря молитвам моего доброго монаха.

Въехали в поселение, отыскивали таверну, расспросили местных о хозяевах. Теперь я ещё больше недолюбливал постоялые дворы, но другого выхода не было. Всем нужен отдых, в том числе и лошадям. Пожилая вдова со своей взрослой дочерью, ещё не вышедшей замуж, встретили нас радушно, но без излишнего подобострастия. Это меня немного успокоило. Я представился чужим именем и щедро заплатил, попросив на время нашего пребывания никого больше не принимать. Она с радостью согласилась, увидев сумму, которую ей предложили. Вид моей измученной супруги вызвал в женщине искреннее сочувствие. Людей разместили по комнатам, предварительно как следует накормив. Лошадей отправили в конюшню, экипаж спрятали от любопытных глаз на задний двор. Вдова поклялась, что никому не расскажет о том, какие у неё постояльцы и сколько их. Я дал ей понять, что нас могут разыскивать, и негодяи, которые преследуют мою больную жену, очень опасны и желают ей смерти.

— И помните, я всегда заплачу вам больше, чем пообещают те люди!

Комната не отличалась ни простором, ни обстановкой. Небольшое помещение с деревенской грубой мебелью, с самым необходимым. Но что ещё нужно уставшим до смерти путникам? Только покой и крепкий сон.

После трапезы Маркела помогла приготовить синьору ко сну. Заботясь о Патриции, я и сам постепенно оттаивал душой. Сострадание переполняло моё сердце новыми, неведомыми прежде чувствами. Трогательная беззащитность и уязвимость любимой женщины вызывали особенную привязанность между нами. Мне стало необходимо ощущать её присутствие рядом, быть уверенным в том, что с нею всё хорошо. Она – моя, как никто и никогда, мы нуждаемся друг в друге – и этим всё сказано.

Несколько дней, все только и делали, что ели и спали, набираясь сил. Патриция понемногу начала приходить в себя, отогревалась израненным телом, прижимаясь ко мне. Днём и ночью мы всё время были рядом, словно приклеенные один к другому. Я старался быть с нею нежным и ласковым, таким, каким она хотела видеть меня: поглаживал её руки и голову, целовал целомудренно, по-человечески жалел. Избегал я только одного – живота, даже смотреть на который мне было невыносимо горько. Там, под её сердцем, кто-то растёт и развивается, но пришёл он в этот мир не с радостью, а от зверского насилия...

А что если это всё-таки мой ребёнок? Я ведь взял в жёны невинное создание, не знавшее мужчины. И у нас было несколько недель большого человеческого счастья. Я много раз исполнил супружеский долг, и если Бог милостив, то дитя может быть нашим. В таком случае, они вместе пережили весь ужас прошлого, и мне нужно заботиться о нём с той же трепетностью и сочувствием, как и о его многострадальной матери. Эта идея согрела мне сердце, подарила надежду и помогла принять всё, как есть. Конечно, никто не может изменить прошлого, но взглянуть на всё иначе – вполне достижимо.

Когда я впервые, робко, прикоснулся к её животу, Патриция вся напряглась, словно это причиняло ей мучение. Моя ладонь легла на чрево, и я почувствовал тепло, исходящее от него, словно кто-то придвинулся и замер, прислушиваясь ко мне. Слабое, еле ощутимое движение внутри перевернуло моё сознание.

Патриция посмотрела на меня с немым ужасом:

– Как ты можешь?! – тихо прошептали её губы.

– Я не знаю, мне кажется, что он мой, – от этих слов стало удивительно светло на сердце. – Давай представим, что всё случившееся с нами – кошмарный сон, и постараемся жить будто ничего и не было. Мы можем научиться быть счастливыми: я, ты и он.

– Как же это возможно, Эрнесто? Мне хотелось бы избавиться от него и родить тебе других детей.

– Не говори так! В тебе есть жизнь, чьей бы она ни была, ребёнок уже существует. Он – часть тебя...

Патриция во внезапном порыве покрывала поцелуями моё лицо.

– Ты удивительный, неповторимый, Эрнесто! В мире нет другого такого человека. Родная мать отвернулась от меня, а ты принял и окружил заботой...

– Я просто люблю тебя, Патриция, и в этом нет ничего удивительного. Хочет того Деметрио или нет, я признаю этого ребёнка своим и сделаю всё, чтобы сохранить его жизнь.

«Ты так боролся за честь нашего рода, отец, что получишь по заслугам! И даже, если ты никогда не смиришься с этим, я буду бороться с тобой до конца, покуда один из нас не умрёт, либо ты примешь их, либо потеряешь всё.»

Часть 2. Глава 3

Патриция начала поправляться, у неё появилось желание жить. Я всё время старался находиться рядом с нею, и лишь в случае крайней необходимости оставлял с Маркелой. Кормилица превратилась в заботливую мать для нас обоих, днём и ночью хлопоча о нашем спокойствии и удобстве.

Солдаты радовались возможности побездельничать, хоть Амато и не позволял им чрезмерно расслабляться. За долгими трапезами с вином они наслаждались обществом вдовы-хозяйки и её не очень красивой, но удалой дочери, которая, в свою очередь, не сводила влюблённых глаз с Амато.

Он стал моей правой рукой, защитником и опорой, я радовался, что есть на кого положиться, и, благодаря этому, могу всецело посвятить себя супруге. Она ещё чуждалась людей и отказывалась покидать комнату. Если ко мне кто-то приходил, Патриция снова превращалась в жертву, напряжённо ожидающую нападения. Поэтому я предпочитал выходить сам, чтобы переговорить с нужным человеком, оставляя её в любящих руках служанки. Теперь, пусть ненадолго, мне удавалось сделать это без лишних слёз и переживаний Патриции.

Во время одной такой беседы Амато признался:

– Теперь я беглец и предатель, Федерико узнает, что замок Романьези взят, приказ не выполнен, а я с Вами, мне тоже вынесут приговор. Нет, я ни о чём не жалею и предпочту умереть возле Вас, синьор. Но меня тревожит то, что мы так долго стоим на одном и том же месте, всё ещё недалеко от владений Деметрио...

– Ты видел, в каком Патриция была положении. Дальнейший путь мог стать для неё губительным.

– Дела пошли на поправку, как я вижу?

– Слава Богу, разум возвращается к ней, и она хоть немного окрепла.

– Да, были бы кости целы, а мясо нарастёт, особенно, когда тебя окружили такой заботой и любовью!.. Вашей жене повезло, мой господин, простите, за прямоту, не каждый на такое способен.

– Ты бы разве не радел о любимом человеке?

– Я только этим и занимаюсь, оберегая Ваше спокойствие, синьор.

– Когда-нибудь научишься говорить со мной, как равный, Амато?!

– Какой же я равный барону Гриманни?

– Отпрыску его, которого уже никто из знати не признаёт, – я ухмыльнулся. – Разве важно, кем ты родился? Кровь, Амато, одинаково красная у всех. Благородство заключается не в сословии: можно быть королём и оставаться порядочной скотиной.

Амато встревоженно посмотрел по сторонам:

– Что Вы такое говорите, синьор?!

– Правду, – я встал со ступеньки, на которой мы оба сидели.

Он тоже поднялся, отряхнул одежду:

– Я ещё не встречал столь свободных духом людей. Это больше всего восхищает меня в Вас.

– Тогда научись говорить мне «ты».

Он покачал головой.

– Проблема в том, что я не могу себе этого позволить. В меня с детства вдальбивали понятие о том, кто я есть, и где моё место под солнцем.

– Оно рядом со мной.

Он посмотрел на меня горячим взглядом тёмных, как южная ночь, глаз:

– Моя жизнь в Ваших руках, Эрнесто. Вы знаете об этом.

– Завтра с рассветом отправимся в путь. У меня было время поразмыслить. Думаю, что последнее место, где отец решит нас искать – это подаренное на свадьбу имение. Там я – владелец и господин. Мы укрепим оборону и сможем противостоять отцу. Он не ожидает такого и скорее всего решит, что гордость не позволит мне воспользоваться его подарком. Для меня же сейчас нет ничего дороже выздоровления Патриции.

– Направление выбрано, что ж испытаем на прочность судьбу, это мне по нраву! – Амато улыбнулся, даже морщинки разгладились на лбу, в такие минуты лицо его преобразилось и становилось совсем другим, светлым.

– Распорядись, чтобы приготовили нам провизию. Предупреди людей, пусть лягут пораньше и как следует выспятся, никто не знает, когда будет следующий привал!.. – я вернулся в опочивальню.

Патриция сидела возле единственного в доме зеркала, услужливо принесённого хозяйкой, и расчёсывала гребнем свои длинные и такие необычайно светлые, густые волосы.

– Завтра отправляемся в путь, моя голубка! – я прикоснулся к шелковистой пряди и взглянул в её печальные глаза.

– Куда, любимый? – с тихой покорностью спросила она.

– Я покажу тебе море, как и обещал, мы едем во Флоренцию!

– Как, снова?! – она не знала радоваться ей или плакать.

– Именно там нас не станут искать. Отец и представить себе не сможет, что я обнаглед настолько, чтобы воспользоваться его дарами. А тем временем, мы попросим покровительства Козимо Медичи, укрепимся и создадим свою, пусть и небольшую, но защищённую крепость. Не станет же он, на самом деле, воевать с единственным сыном под носом у Великого герцога Тосканы?

– Хитро придумано, муж мой! Пусть Господь поможет нам. Мы так уязвимы...

– Не думай об этом. Доверься мне, на этот раз я тебя не подведу! К тому же, у нас есть Амато, который один стоит целой армии.

– Я боюсь этого человека, он внушает мне ужас.

– Ты узнаешь его лучше и полюбишь.

– В нём есть что-то роковое! Эти чёрные глаза, – её плечи содрогнулись, – он так задумчиво смотрит на тебя...

– Не бойся! Я доверяю ему.

– Но с чего бы, Эрнесто, сколько вы знакомы?

– То, на что он пошёл ради меня, стоит многих лет дружбы. К тому же, я знаю нечто, известное не многим. Он признался в том, что может стоить ему жизни, тем самым предав себя в мои руки.

– Тем хуже, ты можешь быть для него опасен...

– Любимая, ты ещё не совсем оправилась и, поэтому, в каждом человеке видишь врага.

– Я не могу объяснить, но чувствую смерть и зло исходящие от этого человека.

– Да, он многих убил, он же воин и участвовал в походах, исполнял приказы.

– Беда идёт от него, Эрнесто, будь осмотрителен!

– Он просто не любит женщин, и ты это почувствовала.

– Как это?

– Поверь мне, и не такое бывает, – я обнял её за плечи и прижал к себе. – Амато помог мне тебя спасти, без него я бы не справился в одиночку. Поэтому мы оба должны быть ему признательны, дорогая.

На улице стало совсем темно. По окнам застучал холодный осенний дождь, но мне было тепло и уютно, рядом со мной находился мой свет, моя любовь и единственная награда.

Часть 2. Глава 4

Мне не спалось, в сотый раз обдумывал свой сумасшедший план, желая убедиться в том, что не подвергну смертельному риску Патрицию, но другого выхода не видел. Отправиться в чужие страны без денег и протекции – ещё более опасно.

Голубка тихо почивала, чтобы не тревожить её, я тихонько вылез из-под одеяла, оделся и вышел подышать во двор: нужно как-то успокоиться.

Дождь закончился, ветер гонит облака, словно пастух отару овец. Луна – как зоркий глаз, что следит за нами свысока. Прохлада ночи освежает. Я немного отошёл от дома, и вдруг услышал странные звуки, доносящиеся из сарая. Он устроен так, что сквозь щели постоянного проветривается сено и дрова. Ненадёжное укрытие для любовников, но этим, видимо, всё равно: страсть кипит, стонов и охов не сдерживают. Я отчётливо разглядел слившиеся стоя тела. Женщина не сопротивляется, мужчина крепко держит её за волосы, находясь позади неё, действует как дикий жеребец. От этого зрелища мне стало не по себе и я поспешил убраться восвояси.

Всякие мысли полезли в голову. Может, кто-то из наших солдат соблазнил хозяйскую дочку? Было неловко, что я стал невольным свидетелем этого совокупления, иначе и не назовёшь. Налил в чашу вина, разбавил водой: всегда так делаю, чтобы утолить жажду и не опьянеть, сел погреться возле камина, подбросил ещё несколько поленьев, пока не стало совсем жарко. Немного отодвинулся, так, чтобы было комфортно и тепло. Только что увиденное мной зрелище не выходило из головы и вызывало отвращение. Не успел я допить вино, как в дом вошла та самая девушка, растрёпанная, в слезах, с порванной на груди сорочкой. Заметив меня, она ещё больше испугалась и исчезла за одной из дверей. Я решил дожидаться того, кто был с ней, чтобы отчитать прелюбодея, если он один из наших людей. К счастью, Патриция ничего не ведает о случившемся, для неё подобная сцена могла бы быть губительной.

Спустя время на пороге появился Амато. Вот тут я уже окончательно потерял дар речи и чуть не подавился вином, пошедшим не в то горло. Кого угодно ожидал увидеть, но только не его. Даже если б это был сам дьявол, я бы меньше поразился.

Одежда нараспашку, потухший взгляд. Он без позволения сел напротив меня и виновато поднял глаза.

– Вы всё видели?

– Так получилось.

– Она сама затащила меня в сарай...

– Зачем оправдываешься?

– Глупая девчонка, я не могу дать женщине ничего, кроме ярости, – его губы скривились, – Вы теперь презираете меня?

Я не знал, что ответить.

– Подобное поведение недопустимо, она даже не замужем...

– Поверьте, я не первый.

– Избавь меня от подробностей!

– Я причиняю им боль, но есть те, кому это нравится, – он продолжал говорить, будто вовсе не слышал моего протеста. – Простите, если сможете!

– Мне не за что тебя прощать. Тебе жить с твоими грехами, меня они никак не касаются.

Патриция была права в том, что интуитивно чувствовала в нём угрозу. Те, кто насиловал мою жену, мало чем отличались от него. В моей душе всколыхнулась невыносимая горечь.

– Вы осуждаете меня, Эрнесто?

Я не ответил.

– Повторяю, она сама меня хотела, иначе бы я не притронулся к ней.

Поставив недопитую чашу с вином на стол, я отвернулся от него, смотря на огонь.

Он поднялся, подошёл ко мне и встал передо мной на колени.

– Сколько раз говорить тебе, не унижайся! – вскочил с кресла, но он задержал меня, обняв за ноги с такой силой, что я не смог сдвинуться с места.

Беззвучные рыдания сотрясали его. Если бы нас кто-то увидел, мне бы пришлось его убить, чтобы смыть этот позор.

– Амато, опомнись!

– Ты единственный можешь простить меня, Эрнесто! – впервые он обратился ко мне, как равный.

– Тебе нужна исповедь, Бог прощает!

– Он есть в тебе, я знаю. Для меня нет человека дороже, и если ты не простишь меня, лучше убей.

Нет ничего на свете страшнее мужских слёз. Особенно если это человек подобный Амато. Такого я ещё никогда не видел! Это была не скупая слеза, а взорвавшийся Везувий. Казалось, если бы боль имела физическую силу, то разорвала бы его на части.

– Прости меня, мой господин! Только ты один!

Мою душу выворачивали наизнанку противоречивые чувства: хотелось его оттолкнуть, ударить, прогнать, в одно и то же время я испытывал к нему сострадание, презрение, стыд и сильнейшую привязанность, схожую с любовью, всё смешалось внутри так, что и не разберёшь.

– Отпусти меня! – я расцепил его ослабшие руки.

– Я убью себя, если ты сейчас уйдёшь! – он вытащил нож и поднял на меня решительный взгляд.

– Не уйду, но ты должен взять себя в руки. Подобных сцен я больше не потерплю!

– Клянусь, что больше ни к кому не притронусь, если ты простишь и не прогонишь меня прочь, как паршивого пса.

– Хорошо, я прощаю тебя и больше никогда не вспомню об этом, при одном условии... Ты пойдёшь к ней и попросишь прощения, посмотришь ей в глаза и постарайся компенсировать нанесённый ущерб.

– Я сделаю, как ты хочешь, – он словно окаменел, всё ещё продолжая стоять на коленях. Потом с трудом поднялся, словно все силы покинули его и, подойдя к двери, за которой скрылась девушка, тихо постучал, так, словно каждое движение давалось ему с невероятными усилиями.

В двери щёлкнула задвижка. Она впустила его к себе. Что было дальше, осталось для меня неизвестным. Думаю, он всё-таки выполнил наложенную на него епитимью. Мы больше никогда не говорили с ним об этом, стараясь вычеркнуть из памяти всё, что произошло той ночью.

С рассветом мы отправились в путь. Амато был молчалив и угрюм. Покидая гостеприимный дом, он даже ни разу не оглянулся. Дочь хозяйки тоже не появилась, чтобы нас проводить. Я щедро расплатился за постой и попросил прощения за всё, чем мы могли их обидеть. Но мать, судя по всему, ничего не знала и удивилась моим словам.

Кто знает, может быть на свете всё-таки есть потомки Амато, славного воина с искалеченной душой.

Часть 2. Глава 5

Мы продвигались к поставленной цели медленно, день за днём, черепашьям темпом преодолевая расстояние до Тосканы. Поместье, приобретённое моим отцом, находится возле Ливорно. Со временем живописная бухта, благодаря её выгодному расположению на западном берегу Лигурийского моря, в нескольких милях от устья реки Арно, ведущей через Пизу к Флоренции, может стать крупным портом и торговым центром Флоренции.

Отец всегда придавал большую важность и значимость подобным приобретениям, освоению земель, которые в будущем, при правильном их использовании, могут принести хороший доход. Чутьё его не подводило. Его ясный и холодный рассудок, волевой характер, железная хватка помогали успешно управлять как крестьянским хозяйством так и ремесленниками. Было чему у него поучиться, если б не наше вечное противостояние.

Сферы влияния семьи расширялись год от года и, конечно, Деметрио стремился всеми силами примкнуть к флорентийской золотой жиле, рассчитывая, что Медичи обратят внимание и примут ко двору столь блестящую молодую пару. Но его планам, в которые входила красота Патриции, не суждено было исполниться. Увы, невестка опозорена, и теперь не вхожа в благородные дома. Надежда на то, что сын когда-нибудь поумнеет, тоже рухнула, чаяния родителя не оправдались.

Со дня нашего побега прошло несколько недель, я дивился тому, что до сих пор не настигнут «летающей» конницей Деметрио, которой он занимался всегда с особенной любовью и щедростью. Тишина, казавшаяся затишьем перед бурей, приносила в наше путешествие терпкий привкус страха и настороженности. После осады и взятия крепости Романьези прошло достаточно времени для того, чтобы воины отдохнули и привели в порядок свои ряды. В том, что Деметрио не смирится и не отступится от своих целей, я не сомневался и не питал никаких иллюзий на этот счёт, поэтому, несмотря на наше внушительное удаление от его земель, постоянно ожидал возникновения его, как чёрта из табакерки.

Чтобы защитить Патрицию, мы старались избежать этой встречи, поэтому петляли и заматали следы, продвигаясь к намеченной цели окольными путями, иногда не останавливаясь даже по ночам, не считая коротких передышек. Бог миловал, и пока особых препятствий на пути не возникало. Несколько попыток разбойничьего ограбления мы предотвратили без особых усилий и потерь.

Я лелеял надежду приобрести свой корабль и в случае опасности покинуть берег с любимой. Множество невероятных идей посещали меня в дни монотонного продвижения по пыльным дорогам Родины под скрип колёс и цокот лошадиных копыт. Но самым важным всегда оставалось желание уберечь Патрицию от опасности, всегда быть рядом с нею.

Как-то раз мы проезжали по улицам небольшой деревеньки и стали свидетелями презабавного происшествия. Маленькая девочка буквально бросилась под копыта коня Амато, беды, к счастью, не случилось, конь вовремя отпрянул в сторону, чуть не скинув своего всадника из седла. Солдаты спешили и обступили ребёнка. Малышка, будто вовсе не испугавшись, улыбалась. Выбежал её отец и у всех на глазах отшлёпал дочь тяжёлой рукою, но девчушка даже не заплакала. Всё продолжала смотреть на нас огромными восхищёнными глазами, словно на небожителей или сказочных героев, явившихся её освободить. Мы пополнили провизию в местном трактире и ещё не успели отъехать, как кроха, снова сбежав от родителей, устремилась к нам с пшеничной лепёшкой в руках. Она протянула хлеб Амато и, поклонившись, словно маленькая принцесса (откуда деревенская девочка так умела, остаётся загадкой), сказала:

– Благодарю тебя, мужественный рыцарь, что спас мою никчемную жизнь! Забери меня с собою, и я буду любить тебя до конца моих дней!

Все дружно расхохотались, а я вдруг увидел глаза вассала, и улыбка сползла с моего лица. Амато было не до смеха, его тронуло до глубины души её наивное признание. Он подхватил малышку на руки и усадил в седло. Мы отъехали до конца деревни, но девочки так никто и не спохватился, хотя шли мы нарочито медленно и важно. Всадница восседала впереди всех, подобно царице Савской, а Амато пешим вёл коня под уздцы. Нужно было видеть счастливое лицо наездницы, казалось, что сбылась мечта всей её детской жизни. Прекрасный рыцарь увозит красавицу в своё тридесятое королевство... Они о чём-то переговаривались, и лишь у последнего дома расстались. Спустив девочку на землю, Амато поцеловал её в обе щеки и отправил к родителям, но она стояла, как вкопанная. Прежде чем мы скрылись из виду, он ещё несколько раз оглянулся на становившийся всё меньше вдалеке силуэт.

Никто больше не решился над этим подшучивать. Амато погрузился в сумеречное настроение, таким его трогать было опасно. Я пытался понять, что происходит в его душе. Какой ледник в нем обрушился и почему так сильно тронули могучего война слова ребёнка?

Ночью мы разожгли костёр и расселись вокруг него, вкушая только что приготовленную пищу и согреваясь. Патриция, по обыкновению, жалась ко мне, как ребёнок к отцу во время внезапной грозы, пряча лицо от присутствующих. Рядом с нею с другой стороны сидела Маркела, отделяя её от мужчин, и тем самым успокаивая и защищая. Страх, который всё ещё преследовал мою жену, не проходил. После всего пережитого ею, это было не удивительно, а скорее естественно, и это все хорошо понимали.

Амато сидел напротив, а рядом с ним ещё четыре воина, двое других стояли на страже. Одного из солдат звали Густаво, он был у отца самым лучшим фехтовальщиком и обучал всех, в том числе и меня, владению оружием. Именно его отец оставил главным защитником своего замка, уходя в поход. К моему удивлению, Густаво сам проявил желание нам помочь и сопровождать в пути. Он не был женат и не имел детей, поэтому не привязан ни к кому, как многие из тех, кто предпочёл остаться. Второй воин, сидевший рядом с ним, был ещё совсем молод, но уже хорошо вышколен и расторопен, его звали Дрэго.

– А девчушка-то бесстрашная была, – вспомнил Густаво, отпивая глоток вина из фляги, – похоже, приглянулись Вы ей, Амато. Нужно было взять малышку с собой, воспитали бы по-своему усмотрению и вырастили себе красавицу жену!

– Что ж сам не женат, если такой умный? Вон скоро седина полезет, а всё в холостяках ходишь? – отпарировал Амато.

– А мне так: что не баба – то жена, – самодовольно ответил Густаво.

Дрэго поддержал его одобрительным смехом.

– А Вы, Амато, покатали девочку и опустили...

– Опустил, говоришь? – в голосе Амато прозвучали железные нотки.

– Ну да, с небес на землю, она даже расплакалась, мечтала ведь уехать с рыцарем в далёкие края, так и льнула к Вам!

– Да, была мысль приручить оленёнка, только всё равно бы охотник убил, – уклончиво ответил Амато, опустив глаза. – Была б постарше, другое дело!..

От этих разговоров Патриция и вовсе занервничала, Маркела увела её спать в экипаж. Звёздное небо священным куполом древнего храма смотрело на нас миллионами глаз. Я слушал их болтовню и молчал, представляя себе, как выросла бы эта девчушка и растопила айсберг в сердце Амато. А потом возник образ дочери вдовы после свидания в сарае, она явно не ожидала к себе подобного отношения, и я понял всю бессмысленность этой идеи. Какой должна быть женщина, чтобы исцелить его изувеченную душу?..

Вина хватило на всех, мужчины разогрелись, беседы пошли всё более жаркие, воспоминания удали мужицкой, и кто кого сильнее, да лучше. Мне стало скучно. Я отправился проверить посты. Поговорил с одним солдатом, потом с другим, отошёл в лес по нужде.

Тишь. Лунный свет создаёт атмосферу таинственности этой прохладной ночи. Где-то прокричала ночная птица. Глаза привыкли к темноте. Я вначале подумал, что мерещится, но после понял, нет. В десятке шагов от меня появился призрачный женский силуэт, когда-то подобное видение помогло мне выбраться из непролазной чащи со стаей волков.

Словно тонкая игла пронзила сердце, а в игле той нить, и она потянула меня за собой, я сделал несколько шагов навстречу и остановился. Иллюзия не исчезла, а стала ещё ярче.

– Кто же ты?!

– Догадайся сам!.. – она ещё приблизилась, и я разглядел языки голубого пламени, облизывающие её эфемерный стан. Смутный образ ускользал, не поддаваясь глазу, но сердце билось всё быстрее.

– Благодарю, что вывела меня тогда!..

Будто бы кивнула в знак согласия.

– Кто же ты такая, прекрасная нимфа, что ходишь за мной по свету, оберегаешь и выручаешь меня. Матушка ли моя?

Она покачала головой из стороны в сторону. Её размытый образ что-то смутно бережил в моей памяти.

Я отступил назад. Вспомнилось, как лаская это божественное тело, я содрогался от страсти, переполняющей всё моё существо. Такое было только с ней...

– Не бойся, я не причиню тебе зла.

Она протянула руки, и я почувствовал, что погружаюсь в какое-то странное состояние. Силы внезапно покинули меня, падаю на землю, как подкошенный, но сознание остаётся ясным, – это не сон, всё вижу и понимаю, только больше не владею собой и не могу шевельнуться.

– Я так истосковалась по тебе, любимый! – светящаяся сущность прильнула ко мне, и обжигающий холод прошёл волной по телу от ступней до макушки, наполнив пламенем.

– Эделина! – выдохнул я тщательно погребённое в памяти имя.

– Наконец-то, узнал! – в этот момент по ней пробежали красные огненные всполохи.

Всё задрожало, словно земля отторгала меня, подбрасывая вверх.

– Ничего не бойся!

– Ты меня убьёшь?

Она засмеялась.

– Я ради тебя осталась между мирами, прошла сквозь тысячи преград...

– Прости меня, Эделина!

– О, глупый, несмышлёный мальчик, что ты мог изменить?! Такова плата за бессмертие! Я нарушила закон и плачу за это, но ради тебя я готова на всё! И если надо, переверну этот свет! Больше ничто не станет между нами...

Её призрачное тело будто растворялось во мне. И я ощутил невыносимый жар, испепеляющий мои внутренности. Невыносимая жажда одолела меня. Я пылал, подобно костру, у которого только что грелся. Возбуждение, похожее на сумасшествие, овладело мной. Я катался по земле, еле сдерживая крик, пытавшийся вырваться из моей груди. Меня бы сочли одержимым, если бы увидели в таком состоянии. Наверное, так оно и было. Какое-то мучительно-бесконечное мгновение, но потом блаженство пронзило каждую клетку моего естества. Тело обмякло и приросло к земле. Испытав нечто, не поддающееся объяснению, я почувствовал себя частью чего-то необыкновенно огромного и неизмеримо мощного. Мышцы наливались силой, словно заново возрождённые к жизни. Яркий свет сиял внутри,

но не слепил, не обжигал, а наполнял теплом. Как только я успел осознать это, всё исчезло. И призрак Эделины вновь очутился надо мной.

– Ты ещё вернёшься? – еле шевеля губами, прошептал я.

Но она растворилась в воздухе, будто её и не было.

– Эрнесто! – голос Амато звал меня, я увидел его: он приближался с зажжённым факелом в руке.

– Эр-нес-то-о-о! – ответило эхо.

– Я здесь, – голос не подчинялся мне.

– Что-то случилось? – вассал подбежал и помог подняться.

– Споткнулся, наверное...

Тело показалось тяжёлым, будто налитым свинцом.

– Вставай, я тебе помогу! Что-нибудь болит? – он протянул мне руку.

– Да, нет, вроде бы всё хорошо. Спасибо, Амато!

– Ты всех напугал, – он редко говорил со мной на равных, – тебя уже час все ищут по округе.

– Мне показалось, что прошло всего несколько минут.

– Мы уже проходили здесь, возможно, ты лежал, потеряв сознание, и тебя не заметили во тьме? – он ломал голову, как такое могло случиться.

Что я мог ему ответить, что встретился ночью в лесу с призраком сожжённой возлюбленной?

Ещё одно необъяснимое изменение произошло со мной – теперь я видел в темноте намного лучше, за границами света, исходящего от факела, так, словно днём, только в другой цветовой гамме. Всё было ярко-синим, а очертания деревьев и кустов оранжево-красные, как огненные языки пламени, в которых я только что побывал.

Часть 2. Глава 6

– С тобою, правда, всё в порядке? – он ещё раз внимательно посмотрел на меня, осветив пламенем факела моё лицо. – Пока мы наедине, Эрнесто, позволь тебя попросить... – он не решался сказать.

– Ну же, говори, я слушаю!

– Мне очень нужны деньги.

– Сколько?

– Достаточно много, чтобы выкупить одну жизнь.

– Я дам тебе их.

Голоса других воинов, зовущие меня, долетали с разных сторон.

– Он здесь! Всё хорошо! – заорал Амато так, что верхушки деревьев покачнулись.

Наверное, даже разбойники, будь они поблизости, испугались бы, услышав этот голос, и разбежались в разные стороны.

Когда я заглянул в экипаж, то нашёл Патрицию в слезах, дрожащей в объятьях Маркелы.

– Всё хорошо, госпожа, синьор уже здесь! – Маркела целовала её волосы и гладила по голове, как родная мать своё дитя. Они обе просияли, увидев меня.

– Любимый, ты жив!

– Всё хорошо, моё сокровище, я просто залюбовался звёздами и нечаянно заснул.

Мы крепко обнялись.

– Я вся извелась, жизнь моя!..

– Никогда ничего не бойся! Чтобы не случилось, всегда верь в лучшее! Чего вы все переполошились? Всё в порядке: руки-ноги целы, видишь, и голова вроде бы на месте, – я протёр глаза в надежде, что скоро пройдёт моё непонятное ночное виденье, но оно не проходило.

– Ты какой-то не такой, – Патриция вглядывалась в мои черты, – что-то произошло, просто ты не хочешь признаться...

Разве можно обмануть любящую женщину? Она всегда почувствует другую, даже если это дух, не имеющий плоти. Эделина ещё жила во мне, сладостной негой разливаясь по крови, я чувствовал себя так, будто только что вернулся из объятий пылкой любовницы полностью удовлетворённым. Но совесть меня не тревожила, это была совсем другая любовь, случившаяся ещё до Патриции. Ведь приняла же она меня таким, и вышла замуж, зная про связь с колдуньей. В любом случае, Эделина не оставила мне выбора, а значит и вины нет. Огненная душа овладела мной, как болезнь, которая не спрашивает, можно ли войти? А приходит и берёт то, что ей принадлежит.

– Мне не о чем рассказывать, любимая. Я здесь, рядом, и по-прежнему твой...

«Ага, попробовал бы я сказать правду, чтобы с нею стало?!»

– Успокойся и поспи, скоро тронемся в путь.

Я достал из потайного места под сиденьем деньги, спрятанные на случай ограбления, и передал обещанную сумму Амато, не унижая его лишними вопросами. Он благодарно поклонился, вскочил на коня и, не прощаясь, умчался быстрее ветра. Я не знал, вернётся ли он, чью жизнь или смерть ему вздумалось купить, выбор оставался за ним. Те, кто рядом с тобой по доброй воле, не наёмники и не рабы, они – свободные люди и их решения нужно уважать, с ними приходится считаться.

– Куда отправился этот страшный человек? – спросила Патриция.

– Он мне не сказал.

– И ты дал ему денег?

– Я ему по гроб жизни обязан, Амато сделал для нас очень много, и если он счёл, что пришло время расстаться, то так тому и быть. Он – вольный человек! – я замолчал, вдруг стало невыносимо тоскливо, от того, что его рядом нет. Наверное, впервые в жизни я ощутил, что значит настоящий друг. Отпрыски благородных семей, с которыми я провёл юность, умели только совместно развлекаться, но не дали мне и сотой доли того чувства. Брат Лучано был скорее духовным отцом. А Амато делил со мной беды и радости пополам, прикрывал в случае надобности своей грудью, стал незаменим.

«Зачем я его отпустил?!»

– Надеюсь, он больше не вернётся, – голос Патриции подлил масла в огонь.

– Как ты не понимаешь, нет вернее человека, если бы не он, я бы не смог вызволить тебя из плена и укрыть от Деметрио! – наверное, слишком грубо ответил, Патриция тут же вспомнила про своё умение плакать. Она боялась Амато и в чём-то даже была права: он не из тех добрых душ, что дарят другим покой и благодать. Он свиреп и беспощаден, в его душе много тёмных сил, но...

Я вышел из экипажа, оставив её без извинений.

– Густаво, теперь ты будешь за старшего! Собери людей, мы выезжаем.

– Будет сделано, мой синьор!

К утру мы достигли города, известного своими чудесными, целебными источниками. Сюда стекается множество народа, с разных уголков Земли. Амато будет сложно найти нас среди всех этих паломников, но и Деметрио тоже, а значит, есть возможность как следует выспаться и отдохнуть.

– Любимая, не желаешь окунуться в целебные купели? Гроты здесь издавна славятся чудесами.

За время пути мы не сказали друг другу ни слова, и моё предложение Патриция с радостью приняла как попытку примирения.

«Пусть так. Женщине не понять, что значит мужская дружба! Спорить с нею тоже бесполезно, а вот терпения не хватает, ещё и Эделина подбавила в мою душу огня. Я виноват перед ними обеими. Что ж, буду исправляться и проявлю максимум спокойствия и терпимости».

Патриция окунулась в священные воды, невзирая на холод, это делали многие немощные и больные, да и просто те, кто желал укрепить своё здоровье. Говорят, даже чума всегда обходила эти места стороной.

Молитвы слышались отовсюду, причитания отчаявшихся и возгласы надежды, фанатики и богомольцы, говорящие на разных языках, нищие и увечные, всё здесь гудело как пчелиный улей.

Я закутал мокрую Патрицию в тёплый горностаевый плащ и еле вытащил из толпы. Найти свободное место в постоялых дворах тоже оказалось непросто: все они были переполнены. Пришлось размещаться всем в одной комнате. В тесноте, да не в обиде, как говорится. Солдаты предпочли спать на полу, Маркелу пристроили на шкуре заморского зверя, которая спасала нас в пути от холода. А мы с женой спали на постели, рассчитанной разве что на одного постояльца. Так прошла следующая ночь. Несмотря на храп Маркелы и скрежет зубов кого-то из воинов, нам удалось выспаться.

После купания в лечебных водах, Патриция перестала бояться знакомых людей, стала гораздо менее скованна и даже начала понемногу разговаривать с Густаво. Перед отъездом мы посетили местный собор, чтобы возблагодарить Бога за всё и принести наши жертвоприношения.

В храме светло и необыкновенно красиво. Величественные колонны с воздушными арками, увитыми каменным кружевом, завоораживают воображение, бело-голубые тона создают небесную атмосферу, фрески на потолках, расписанные лучшими мастерами про-

шлого, заглядывают ликами святых прямо в душу. Сюжеты из Евангелия воссозданы, как живые! Пока я любовался ими, Патриция решила исповедоваться.

Я же пребывал в растерянности и не знал, что делать с моею грешною душой. Эделина, Мичелэнджела, Анастисио, это только те жертвы, кого я знал по именам... Так или иначе, именно я стал причиной их безвременной гибели. Покаяться в убийстве священника тоже не мог, ибо случись подобное сегодня – вновь поступил бы так же. Такой груз, казалось, не выдержит ни один исповедник, мне его и нести дальше. Как ни просила, как ни смотрела на меня умоляюще супруга, я не сдвинулся с места.

«Добрый Бог, если Ты есть, помоги моей голубке, пусть исцелится от скорби и страданий душа её! Пусть тот, кого она носит под сердцем, будет Тобою любим и будет здоров. Сохрани друга моего Амато, и если нам не суждено больше свидетелься, пошли ему милосердного господина. Мне же отвечать за поступки мои, которым нет прощения... Да будет воля Твоя!»

Часть 2. Глава 7

Ещё два дня пути и накатила смертельная усталость. В какой-то деревушке попросились на постой, все буквально валились с ног, на бедной Патриции не было лица, её рвало целые сутки то ли от беременности, то ли от того, что съела что-то испорченное.

Там мы застряли надолго. Я уже поимённо знал всех детишек хозяина, его прислугу, жену и даже любовницу. Мне всегда было интересно и занимательно наблюдать за течением жизни: будь то гуси, важно шагающие по двору, или люди со своими тайнами и интригами, любовью и ненавистью, низменностью и благородством. Тайны человеческих душ содержат в себе целый мир. Любознательному уму всегда найдётся пища для размышлений.

Я стоял возле дуба, растущего посреди двора, и смотрел, как малышня играет с собакой. Беспородная лохматая псина имела добрый нрав и терпела все детские шалости, носилась за костью под дружный хохот детей, прыгала в речку и даже возила на спине кота.

Прислонившись к вековому стволу, я думал о том, что будет, когда Патриция родит. Не стану ли я мучительно вглядываться в лицо младенца, разыскивая в нём чужие черты или стараясь найти свои? Сомнение удушает, но мне нужно научиться с ним жить, если не удаётся побороть. В кошмарных снах я ещё видел то проклятое подземелье и слышал крики Патриции. Понятно, что отец камня на камне не оставил в крепости Романьези и покарал всех участников тех мучительных событий, но почему-то это не уменьшило моей боли. И тогда я думал об Амато и понимал его адовы муки: его унижали куда больше, и жить с этим стыдом порой невыносимо. Оттого и ведёт он себя соответственно.

Зачем ему понадобились такие деньги? Куда он так торопился, что даже не сказал слова на прощание? Так ли поступают со своими друзьями, или он относится ко мне иначе? Если правда то, в чём он клялся, почему покинул меня?

Вышла Маркела с тазом и, ополоснув его, подозвала меня.

– Господин, плохо ей совсем, надо бы священника позвать...

Я поспешил к больной. Патриция была в полузабытьи, взгляд отрешённый, блуждающий. Взял влажную ладонь, прижал к своему лицу. Она посмотрела и тихо застонала:

– Я умираю, Эрнесто?

– Нет, всё будет хорошо! Я найду тебе врача. Вот увидишь, это временное недомогание, всё пройдёт, – погладил её бледное лицо, покрытое испариной, и вышел, не в силах смотреть, как её снова выворачивает.

Расспросил деревенских, ближайший лекарь живёт далеко, и местные его не жалуют: он всем делает лишь кровопускание. Только этого Патриции сейчас и не хватало!

– Как же вы лечитесь?

– Ходим к знахарке, – полушёпотом сказал старший сын хозяина дома и огляделся вокруг, стараясь, чтобы никто его не услышал. – Люди поговаривают, что она ведьма. Как-то раз местный священник народ собрал, чтобы разобраться с ней, да так и не смог, заколдовала она его, парализованный до сих пор лежит. С тех пор все боятся её, но куда деваться, всё равно тайком ходят, когда прижмёт какая-нибудь хворь.

– Покажешь дорогу?

– Отец узнает, что я рассказал, вылупит!..

– Я буду нем, как рыба.

– Ладно, пойдёмте! – он снял передник для работы, и мы ушли со двора.

– В лесу дорог нет, только тропы, и то малоприметные, труднопроходимые, без меня потеряетесь!

Парень спешил, и я еле поспевал за ним. На вид ему было не больше четырнадцати лет, крепкий и рослый мальчик, с густыми чёрными как смоль волосами.

– Тебя Валентино зовут?

– Да, мой господин.

– Спасибо, что согласился помочь, я тебя отблагодарю и если нужно от отцовского гнева прикрою.

– Благодарю, синьор! Мне искренне жаль Вашу донну. Мамка моя тоже с последним братишкой, ох как намучилась, чуть не померла! Что ж мы, нелюди? Всё понимаем!

– И как ты ориентируешься в этих дебрях?

– С детства я тут, каждый кустик знаю, все тропинки знаю, и с закрытыми глазами, если надо, бабушкину лачугу найду.

– Как ты ворожею назвал?

– Бабкой Филореттой все кличут. А я её люблю, она добрая ко всем, кто к ней с добром: всегда угостит, приголубит. В слухи я не верю, хорошая она. А священник сам виноват, нечего попусту обвинять, вот Бог его и покарал. Мамку мою она с того света вернула. Чтоб мы без неё делали?! Отец бы сразу на этой своей гадине женился, а она, стервоза такая, терпеть нас не может, по миру пустит. Пригелась змеюка на его груди, и никак от неё не избавиться, – парень даже кулаки сжал от злости, – Простите, не должен я такие срамоты рассказывать Вам, да только сил нет терпеть. Безвольный родитель наш рядом с нею, как телок на привязи.

– Я уже и сам догадался.

– Мамке больше нельзя, ну, вы понимаете, вот он совесть-то и потерял, ни Бога, ни людей не боится, кобелина проклятый, а девка и рада стараться, так и крутится возле него!..

Мы всё шли, а конца и края этому пути не было.

– Думаешь, успеем до темноты вернуться?

– Наверяд ли, ох, и задаст мне отец!

– Я с ним поговорю.

– Ладно, что будет, то будет. Бабушка говорит: «Добро дорого стоит, да без него и жить не стоит!»

Старое ветхое сооружение с трудом напоминало человеческое жильё и, казалось, вот-вот рухнет. Он постучал в приоткрытую дверь.

– Заходи, сынок, и гостя зови! – послышался сиплый голос старухи.

Мороз пробежал по коже.

– Валентинко, кого привёл, покажи!

– То постоялец наш, бабушка, жена у синьора захворала сильно.

Старуха даже ко мне не обернулась, так и сидела спиной.

– Вижу, как не видать?! Знатный сокол, не из наших краёв, большая птица... Да ты подойди, не бойся!

– Забыл сказать, – прошептал мне мальчик на ухо, – слепая она.

– Ну-ка, золотой, сбегай-ка на полянку, да орешков нам принеси!

Валентино убежал. Старуха подозвала меня к себе, глаза смотрят, да не видят, неподвижные, как два белёсых камня.

Не успел я и рта раскрыть, как она протянула ко мне руку:

– Наклонись, дай тебя рассмотреть, – корявые пальцы ощупали моё лицо. – Ведьмин ты, весь опалённый. Костёр сжигает только плоть, а дух крепчает. Эко она тебя силой-то наделила! Поди, сам не знаешь, чем ведаешь?!

От её слов мне стало не по себе, а она продолжала:

– Заговоренный ты. Жизнь свою сам оборвёшь. Без вины виноватый!.. – она вздохнула горестно, словно ей стало больно дышать. – Нельзя тебе было жениться, беду ты на неё навёл лютую. Ведь предупреждали же! – вздрогнула и посмотрела невидящими глазами наверх, начала что-то бормотать, только слов уже не разобрать больше было.

Я терпеливо ждал, пытаюсь осознать её пророчества.

– Ведьму свою помочь проси! Разжалоби её сердце, пообещай, что захочет взамен, да слезами ей ноги омой, может, и оклемается жена твоя. Ребёнок в ней неживой, – она встала и прошла шаркающей поступью в каморку. Там позвенела какими-то склянками и вышла с одной из них в руке.

– Как неживой?! – до меня только сейчас начали доходить её слова.

– Мертвее не бывает, дашь выпить жене вот это, сразу, как придёшь, вылей в рот до конца, иначе умрёт, копь не очистится.

Прибежал Валентино, держа в подоле рубашки целую кучу авелланы*.

– Забирай себе, малец, братишек с сестрёнками покормишь! – Филоретта потеряла мальчику вихор. – Мне белки ещё принесут.

Валентино поклонился, словно она могла его видеть.

– Приходи на неделе, ягоды сушёные дам! А мне соли щепотку принеси, мало уже осталось.

Парень обнял старушку как родную и горячо поблагодарил.

– Торопитесь, сынки, стемнеет скоро! – она повернулась лицом к окну, но глаза были, как и прежде, неподвижные. – Помни, Эрнесто, что сказала тебе! Силы её на исходе...

Я даже не удивился, что она назвала меня по имени. Эта слепая женщина видела лучше зрячих.

На предложенные мною деньги она засмеялась:

– На кой мне твои золотые?! Оставь мне частичку себя, – не успел я сообразить, что от меня требуется, как она уже накрутила волосинку на палец и вырвала её. – Вот и вся плата. Ступай, да поспеши, не то горе не минует.

Не помню, как возвращались в деревню, если бы не мальчик, точно бы не нашёл пути. «Мертвее не бывает... – звучало в ушах. – Ведьму свою проси...»

*авелланы – большие (крупные) лесные орехи типа фундука в Италии.

Часть 2. Глава 8

Когда мы вернулись, Патриция уже была без сознания, влив в неё содержимое бутылочки, как и сказала старуха, я начал ждать и молиться. Чаще всего в бреду она называла моё имя. Куда и в какие неведомые дали звала меня её душа?

Рвота прекратилась, но начались судороги. Тело вздрагивало и замирало, всем своим видом выражая адскую боль.

– Маркела, выйди! Оставь меня с нею наедине.

– Но мой господин! – она поднесла руки ко рту, закрывая его в испуге, видимо, выглядел я совершенно безумным. – Она ещё может поправиться! Вы же не причините зла нашей голубке?!

– Ты в своём уме, женщина?! Не собираюсь я её убивать, хотя думаю, что именно об этом она сейчас и просит. Я благодарен тебе за преданность госпоже! Но сейчас ты мне не понадобишься. Иди и отдохни, впереди ещё долгая ночь. Если понадобишься, позову! – не терпя возражений, я вывел её и запер дверь.

За окном темно. Несколько свечей тускло горят, мертвенно-бледное лицо Патриции обездвижено, словно она уже умерла.

– Эделина, призываю тебя, приди!

Пламя затрещало, словно на него попала влага.

– Приди ко мне, возлюбленная моя! Это я, – твой Эрнесто, вспомни обо мне!

Хоть я и ожидал её появления, оно всё равно было внезапно и даже напугало меня.

– Ты стала ещё сильнее и ярче прежнего!

– Благодаря тебе, жизнь моя! Наше свидание разожгло во мне огонь любви пуще прежнего.

– Богом молю, помоги ей!

Мы оба посмотрели на измученное лицо Патриции.

– Даже не проси меня об этом! – Эделина вспыхнула голубыми языками пламени так, что свет озарил всё вокруг.

Я опустился перед ней на колени.

– Если моя жизнь что-то значит для тебя, помоги ей!

– Нет! – новая вспышка сильнее прежней. – Ты не представляешь, каких усилий стоит мне ей не навредить! Порвать эту тонкую нить проще, чем слиться с любимым.

– Я понимаю, что прошу тебя о невозможном и причиняю боль, прости меня за это!

Но без неё мне незачем жить... – я достал нож и поднял его вверх, намереваясь вонзить себе в сердце.

– Остановись, безумец!

– Чего же ты испугалась? Сейчас я приду к тебе.

– Нет. Ты придёшь не сюда. Здесь миллионы миров и нам не дадут быть вместе.

– Значит, я нужен тебе живой?

– Да, – тихо ответила она, огонь внутри неё стал тусклее. – Пообещай мне...

– Всё, что захочешь, только спаси её!

Она протянула руку и прикоснулась к моему сердцу. Причём показалось, что она держит его на ладони, прямо в моей груди, бережно и любя, но стоило ей сжать кулак... и я бы упал замертво.

– Клянись, что не забудешь меня, где бы ты ни был, и позволишь быть с тобою рядом всегда!

Нож выпал из моих рук.

– Да будет так. Обещаю, что спасу твою душу, чего бы мне это ни стоило!

Она раздумывала, вспыхивая всеми цветами радуги, при этом рука, державшая моё сердце, светилась ровным золотым цветом.

– Забери моё сердце, делай со мной всё, что хочешь, только верни Патрицию! – этих слов оказалось достаточно.

Она отпустила моё сердце и прильнула к губам, от чего всё во мне ожило и завибрировало, словно пронзённое молнией. Это была столь глубинная связь, что разрушить её не смогла бы и тысяча смертей: сколько бы мы не умирали и не рождались вновь – она во мне, а я в ней на веки вечные.

– Раздень её.

Я порвал рубашку, полностью обнажив тело моей жены, ещё не окрепшее после одних несчастий и уже поражённое другими. Дух Эделины повис над ней. Она медленно передвигала руками, словно поглаживая её живот, но не прикасаясь к нему, мышцы реагировали на каждое её движение волнообразно, то напрягаясь, то расслабляясь вновь. Патриция стояла и изгибалась, приходя в себя, а потом закричала так, что содрогнулись стены, неистово, как раненый зверь, из которого вытаскивают живьём потроха. Кровь хлынула из неё и растекалась по постели, схватки становились всё сильнее и каждая причиняла её невыносимые страдания. Она, как безумная, схватила меня за руку так, что затрещали кости, и с воплем откинулась на кровать.

– Принимай, Эрнесто, – голос Эделины звучал скорбно, – здесь я тебе уже ничем не помогу...

Я вытащил мёртвый плод, появившийся на свет весь в крови, которая не переставала истекать из материнского чрева, перерезал ножом пуповину, разъединил их. Всё казалось бесконечным кошмарным сном, который никак не закончится и уже никогда не забудется.

– Спаси её, умоляю тебя! – слёзы текли по моим щекам, и сердце разрывалось в груди.

Мёртвое крошечное тельце я завернул в простыню и положил на стол. Эделина продолжала воздействовать на внезапно притихшую Патрицию, но уже медленнее и спокойнее, постепенно тая и исчезая на моих глазах. Тело расслабилось, и она открыла глаза.

– Что это было? Что со мной?! – она попыталась приподняться, но не смогла.

– Лежи, родная, всё будет хорошо, я накрыл её одеялом. Сейчас я позову Маркелу и она омоет тебя.

Патриция схватилась за живот и начала ощупывать его.

– Там больше никого нет, – тихо сказал я. – Ты родила мёртвого сына.

Патриция была удивительно спокойна, словно всегда хотела избавиться от этого ненавистного бремени. Даже слезинки не промелькнуло в её глазах.

– Я видела страшный сон... – её голос охрип от криков. – Тут была огненная женщина, ты клялся ей в любви, стоял перед ней на коленях, умоляя меня спасти.

– Это был только сон, любимая. Ты бредила, и тебе померещилось. Здесь нет никого, кроме нас.

– Она целовала тебя, – Патриция дотронулась ледяными пальцами до моих губ и задумчиво провела по ним, – она целовала тебя так, как будто имеет на это право, и ты всецело принадлежишь ей одной... – словно подтверждая собственные слова, она кивнула головой и, устало закрыв глаза, отвернулась.

– Всё пройдёт. Завтра ты поймёшь, что ничего подобного быть не может.

Я поднялся с колен, отворил дверь и позвал Маркелу. Она никуда и не уходила, всё это время стояла рядом и ждала.

– Я здесь, мой синьор! Мать Божья, бедное дитя!.. – её причитаниям не было конца, а страх в глазах говорил о том, что она всё слышала и даже если не поняла, что именно происходило, всё равно ужасно испугалась.

– Позаботься о госпоже! – я взял на руки завернутого в простыню младенца и, шатаясь, покинул комнату.

Растревоженные хозяева с детьми и солдаты грелись у костра во дворе. Густаво подошёл первым, за ним все остальные. Без лишних слов, всё и так было понятно. Молчаливое сочувствие лучше соболезнований и причитаний.

Пока копали могилу, я смотрел на маленькое лицо ещё не сформировавшегося до конца плода. Никогда не думал, что увижу нечто подобное и возьму в руки. Его кожа была почти прозрачной, и сквозь неё виднелись вены и капилляры. Ещё недавно я чувствовал, как он шевелится во чреве моей жены. Мой или нет это сын стало совершенно неважно. Он уже никогда не увидит этот мир. Душа покинула маленькое тело ещё находясь в утробе. Может быть, это и к лучшему, слишком страшен и жесток этот человеческий мир.

Горе переполняло меня, и последние силы были на исходе, но я был не один. Где-то рядом невидимой оставалась та, что скорбела вместе со мной, переживая всё, что чувствую я, и её любви не было конца и края.

Часть 2. Глава 9

Прошла неделя, прежде чем мы смогли прийти в себя. Патриция быстро начала поправляться, при этом стал меняться и её внешний облик, видимо, беременность забирала у неё слишком много сил, а теперь организм использовал их на своё восстановление.

Эделина больше не появлялась, я вспоминал о ней с благодарностью, молился за упокой её души, как мог, как умел. От этого всегда становилось тепло и хорошо. Теперь я знал, как выглядят чувства в цвете. Сколь много в них оттенков и какова гамма палитры: от синего до бордово-чёрного, но прикасаясь ко мне её ладонь всегда излучала золотистый свет, который не ранит и не жжёт, а бережно согревает сердце. Вот это и есть любовь.

Зима выдалась сухая и солнечная, по ночам бывали заморозки, и трава покрывалась ледяными иглами инея. Утром на солнце он таял, наполняя воздух влагой и удивительной свежестью. Я всё ещё не решался отправиться в путь, чтобы не рисковать хрупким здоровьем моей жены.

От вынужденного простоя солдаты скучали. Держать караул там, где жизнь течёт, как медленная река, было тоскливо и бессмысленно. Я дал им волю, приказав только одно: не покидать пределов постоянного двора и всегда стараться быть наготове.

Девушки-крестьянки из соседних дворов навевались к хозяевам в гости, чтобы полюбоваться на статных парней и пококетничать с молодыми солдатами. Густаво смотрел на всё это как бывалый герой романтических историй, со стороны. Его больше притягивала любовница хозяина, и мне казалось, что она отвечала ему взаимностью, неизвестно каким образом поспекая между двумя мужчинами и умудряясь при этом не сталкивать их лбами.

Валентино, хозяйский сын, часто беседовал со мной, а однажды сказал:

– Господин, возьмите меня с собой! Что я здесь в деревне увижу, кроме коров да гусей, всю жизнь скотину пасти буду... А мне бы так хотелось служить Вам! Я бы жизнь отдал за Вас, и пусть я пока ничего не умею, но все говорят, что я способный и расторопный, нет такой работы, которая была бы мне не по плечу! Всё быстро освою и не пожалею себя...

– Ты мне очень нравишься, Валентино, и я бы взял тебя с собой, но подумай сам, кто тогда помогать отцу твоему будет? Подумай о своей бедной матери! Бабку Филоретту кто навестит?

Мальчик горько вздохнул.

– Я ведь говорил Вам, что она добрая, вот и супруге Вашей помогла!

– Да, ты прав.

– Я сегодня пойду к ней за ягодами, может чего передать?

– Передал бы, да она ничего не пожелала взять от меня, ты же видел. А кстати, что это за история с белками?

– Так они в услужении у бабушки, кормят её целый год, да ещё и нам перепадает от их стараний: орехи да ягоды, грибы сушёные заготавливают, сообщения передают.

– Как это?

– Да, очень просто. Прибегает ко мне белка, прямо в лицо лезет, значит, срочно что-то понадобилось Филоретте, всё бросаю и бегу. Правда, батяка потом хворостиной отстегает, но что делать? Она слепая да старая совсем, все её боятся, а я жалею. Любовь дорогого стоит...

– Да без неё и жить не стоит, – продолжил я.

– Вы запомнили! Да, так она и говорит.

– Ты по-настоящему добрый парень. Я бы хотел иметь такого друга рядом.

– Друга? Правда? Как можно, мой господин, Вы – благородный, а я – обычный крестьянский мальчишка... – он с грустным видом опустил глаза.

– А что мешает мне, скажи, прямо сейчас, взять и крепко обнять тебя?! – я прижал мальчика к сердцу, он даже прослезился. – Валентино, если твой отец согласится, я щедро заплачу ему и возьму тебя с собой, и выращу, как родного.

Он поднял глаза и такое счастье осветило его лицо лучезарной улыбкой, что и моя душа дрогнула.

Словно подслушав наш разговор, откуда ни возьмись, появилась рыжая пушистая белочка, прыгнула с ветки мальчику прямо на плечо, зазывно попрыгала на нём и исчезла в ветвях старого дуба.

– Бабушка зовёт, что-то срочное.

– Я пойду с тобой. Можно?

– Буду очень рад! – он снял с себя замызганный передник для грязной работы и повесив его на дверь сарая, помыл в ведре руки. – Только идти надо быстро.

– Я готов.

В этот момент на пороге дома появился Дрэго.

– Передай госпоже, что я прогуляюсь с Валентино, пусть не ждёт к обеду! – сказал я ему.

Мне самому было необходимо проветриться и задать старушке ещё несколько вопросов. Ведь всё, что она говорила о Патриции, сбылось.

В этот раз путь показался мне гораздо ближе и не таким мрачным, как в предыдущий раз. Птицы пели, то тут, то там мелькал какой-то зверёк: то заяц прошмыгнёт, то лисица, то белка. Валентино здесь чувствовал себя как дома.

– И не страшно тебе по лесу одному бегать?

– Не-а, совсем нестрашно. Волки меня стороной обходят, бабушка заговорила, а грабителей у нас отродясь не было, что им тут делать? В такой глухомани и воровать-то нечего, разве что утку да гуся, так этого добра кругом навалом, – он улыбнулся, а после тяжело вздохнув признался, – Как же я хочу с Вами, синьор! Мне снятся по ночам рыцарские сражения, а я за коровами навоз убираю, да овец пасу...

– Пройдёт время, и ты будешь вспоминать свою жизнь в деревне, как тихое безоблачное счастье, Валентино! Мне тоже очень хотелось повзрослеть, стать могущественным и сильным, чтобы отец мною гордился, да только не так всё... Если и есть настоящая свобода, то только в детстве, когда душа ни за кого не болит, совесть не мучает, любовь не скручивает...

Он удивлённо посмотрел на меня своими тёмно-карими глазами, и я вспомнил про Амато. Первым делом про него спрошу: трудно жить в неведении, лучше знать правду.

Мы подошли к хижине травницы, когда солнце было в самом зените и стало припекать голову. Она сидела на том же месте, словно за эти дни и не вставала с него.

– Заходите, гости дорогие! – проскрипел старушечий голос вместе с проржавевшими петлями двери. – Знала, что вместе придёте!

– День добрый, бабушка, вот соль, как и обещал! – Валентино положил ей в руки тряпочный мешочек.

– Спасибо, сынок, но так много и не понадобится. Я щепотку возьму, остальное домой отнеси, жалко ведь, пропадёт.

– Так впрок возьми!

– Помру я скоро, малец, а из ведьмино дома ничего уже люди добрые не возьмут, сожгут меня вместе с хатой и хоронить не станут.

– Что такое говоришь, бабушка, тебе ещё жить и жить!

– Нет, мой мальчик, всего два дня осталось. Не спорь со мной и не плачь, всё так, как надо. Знания свои я уже передала, уйду с миром... – она повернула ко мне своё морщинистое лицо с неподвижными глазами. – Что молчишь, сокол? Жива твоя голубица?

– Жива! Благодарю всем сердцем, если бы не Вы...

– Выкать герцогам будешь, а мы люди простые. Подойди ко мне!

Я подошёл и опустился перед ней на корточки. Она вновь ощупала моё лицо сухими скукоженными пальцами, улыбнулась, словно «увиденное» доставило ей удовольствие.

– Хорош ты, Эрнесто, красив, как Бог, столько женских сердец в руках держишь! Вот, возьми, тебе приготовила, – она протянула мне маленький сосуд с мутной жидкостью, в которой плавает волос, видимо, тот самый, что вырван с моей головы. – Примешь это, когда совсем неумогу станет.

– Что это? Яд?

– Нет, заговор, ведьма твоя подсказала. Она знает, что делает, сильна чертовка, и души в тебе не чаёт. Только изменит это твою жизнь, касатик, лучше не рискуй.

– Что это значит?

– Дорога это твоя к ней, чтобы неразлучные вы были, чтоб не потерялись никогда. Не успела она при жизни своей. Только уже поздно, вместе вам всё равно не соединиться, ангел стоит между вами, бережёт тебя. Но если обещал, сдержи слово! Спасла ведь она жену твою?! А коль не соблюдёшь клятвы, обеих потеряешь. Только не торопись! Время у тебя есть, побудь ещё собою, – она попыталась встать и не смогла, я помог её подняться на ноги. – А ты что, родимый, уши-то развесил, беги на полянку, там всё уже приготовлено!

Валентино словно очнулся ото сна и быстро ушёл.

– Мальчишку возьми с собой! Человеком сделай, его мать скоро умрёт, сразу же после меня. Держу её, пока силы есть. А тогда девка на трон взойдёт, поедом есть их будет, особенно его, за то, что мать защищал. Забери Валентинко, Бога ради, пропадёт здесь малец.

– Заберу, обещаю, никаких денег не пожалею.

– Вот и молодец, а мне старой и помирать легче будет, одной обузой меньше! Всё любовь, проклятая, покоя не даёт, за всех душу рвёт на части. Вот и ты появился, не постыдился... Теперь и за вас переживаю! Спрашивай, что хотел.

– Друг у меня есть, Амато, уехал не попрощавшись. Что с ним? Свидимся ли ещё?

– Хорошо всё с ним, не переживай, скоро вернётся. Только на беду твою он рядом. Смерть твоя в руках у него, сам отдал.

– Ты же сказала, что я свою жизнь оборву.

– А нечего клятвы попусту брать! Чьи бы руки нож не держали, а воля всё равно твоя. – она подошла к «кровати», которой служила горка сена, покрытая дырявым одеялом, и с трудом забралась на неё. – Устала я, силы уходят. Помолись, коль отблагодарить захочешь, через два дня за упокой моей души.

– Помолюсь и свечку поставлю, и молебен закажу!

– Вот за это спасибо! Трудно нам уходить, ведьме твоей повезло. Только жаль, что рано. Жизнь ваша совсем другою б была, если бы отец твой не вмешался. Но ежели Бог допустил – принимай, такова значит Его воля.

– За что вам смерть тяжёлая дана?

– За то, что вмешиваемся в судьбы людские, поперёк Его воли идём, свою вершим, грешные. Да ты и сам всё поймёшь скоро.

Прибежал Валентино с мешком в руках, набитым, как подушка.

– С ним поедешь часть с собой возьми, остальное детишкам оставь. Отцу не давай, девка отберёт и не останется. Если Эрнесто не договорится по-хорошему, сделай вид, что смирился, а сам сбеги! Иначе погубит тебя бесстыжая, – она протянула руки к мальчику, и они обнялись. – Больше сюда не приходи! Только слёз мне твоих не хватало! – она потрепала его волосы. – Свиток береги, Валентино, всегда при себе держи, да никому не показывай! Это твоя сохранная грамота. Читать научишься, откроешь, прочтёшь только сам. Понял? – она прижала к себе голову мальчика и слёзы покатались из старушечьих глаз. –

Мочи нет вас больше терпеть! Уходите оба! Да что сказала помните! Слово моё пустым не бывает, – она закрыла глаза и замерла как изваяние.

«Свиток? Когда научишься читать, прочтёшь... Откуда Филоретта деревенская знахарка писать-то умеет?» – подумал я, но промолчал. Мы уходили, взяв всё, что она дала с глубокой тоской в сердце. Я окинул напоследок взглядом убогое жилище и увидел в нём множество теней, непонятно откуда взявшихся.

– Спаси тебя Господь, добрая женщина!

Валентино шмыгнул носом, стирая рукавом слёзы:

– Прощай, бабушка, я люблю тебя!

Мы шли медленно, вслед за солнцем, погружающимся за кроны деревьев, и долго молчали, не решаясь сказать ни слова, уже перед домом мальчик спросил:

– Как же я уеду, а матушка?!

– С нею всё будет хорошо, так Филоретта пообещала. Завтра с рассветом тронемся в путь. Я поговорю с твоим отцом, но будь готов к решительным действиям, может и запретить...

Часть 2. Глава 10

У могилки потерянного сына Патриция, как мраморная статуя, была холодна и неприступна. Ни одной слезинки по ребёнку она так и не пролила. Физически ей стало гораздо лучше, душа же лечится намного труднее.

Валентино отец ни за что не отдал, хотя предлагал я большие деньги, но помощь уже почти взрослого сына и любовь к нему не продаётся. Применять силу я посчитал в данной ситуации недостойным. Мальчика заперли на чердаке, хотя он и не сопротивлялся, на всякий случай, видимо, чтоб не было соблазна. Но я твёрдо верил, что он, рано или поздно, нас догонит, иначе его ждёт незавидная судьба. Солдаты обрадовались нашему передвижению: пусть сеновал и не пустовал последнее время, но приключения дороже женщин.

Густаво воспользовался моментом выяснения отношений отца и сына и тоже бурно провёл последнюю ночь в объятиях любовницы хозяина дома. Все они выглядели с утра слегка потрёпанными, но удовлетворёнными.

К полудню мы устроили привал на обед у небольшого трактира в соседнем поселении. Кроме того, Патриция тяжело переносила резкие перепады температур, ей просто необходимо было укрыться от палящего полуденного солнца.

Я испытывал угрызения совести от того, что не выполнил обещания, данного Филоретте, и надеялся на Валентино, но он мог передумать, не находя сил оставить больную мать...

Солдаты шумно делились впечатлениями за соседним столом, Патриция с Маркелой молчаливо вкушали трапезу, ужасаясь их откровенному бахвальству на тему, о которой вообще следует молчать в приличном обществе. Местная еда была сытной и острой, вино терпким, крепким и насыщенным. У всех поднялось настроение и галдёж за соседним столом стал на пару тонов выше после очередного возлияния.

– Закругляйтесь! Дрэго осмотри двор! – я отдал распоряжение и с нетерпением уставился в окно, будто там с минуты на минуту должен появиться мальчик.

Так и вышло! Валентино приближался, сидя на ослике, которого ему, видимо, удалось стащить у собственного отца, за спиной знакомый тряпичный мешок. Вид у парня был совершенно счастливый: улыбка до ушей, во все зубы. Я выбежал его встретить и обнял, как родного.

– Рассказывай, дружище, как удалось тебе сбежать?!

– О, это было целое приключение! Я вылез через маленькое окно на крышу и спустился по карнизу, но меня заметил младший брат и всё рассказал отцу, хорошо, что я по лесу тайные тропы знаю, так бы вовек не ушёл от батьки! – он покраснел. – Если поймают, забудёт!

– Не забудёт. Теперь ты – мой, потому что сам так решил, и я постою за тебя! Сейчас же отправляемся в путь!

Ослика мы оставили, взяв с хозяев обещание вернуть его обратно на хутор. Я усадил Валентино на Джюсто, конь принял его не без разочарования, он ждал меня, но я ехал в экипаже с Патрицией. Валентино ни разу на таких скакунах не ездил. В деревне, где лошадей держат для работы и тяжёлых перевозок, а потом съедают, когда подходит их срок, не водится такой красоты. Это же элитный жеребец невиданной красоты! Восседая на нём, мальчик чувствовал себя на вершине мира, чем вызывал всеобщее одобрение и улыбки. С малолетства умеющий управляться с животными, Валентино моментально влился в седло. Джюсто не оставалось ничего другого, как подчиниться ещё кому-то, кроме любимого хозяина, но он, то и дело, укоризненно поглядывал в мою сторону за то, что я променял его на женщину и трясусь в пыльном экипаже вместо того, чтобы ощущать его горячие бока и нестись с ним навстречу ветру.

Молчание Патриции начинало всё больше меня угнетать, безэмоциональная пустота между нами пугала. Будто умерло в ней что-то вместе с потерянным ребёнком, или поцелуй, который она увидела всё ещё не давал ей покоя?..

Мы сидели рядом, но как чужие смотрели в разные окна. Угрызений совести я не испытывал, потому что сделал всё, что мог, ради её спасения. А поцелуй?.. Это сильнее меня.

На поясе, надёжно прикреплённый, находится сосуд, подаренный Филореттой. «Моя дорога к Эделине», с которой уже не свернуть. Знахарка недвусмысленно сказала, что иначе потеряю их обеих. Рано или поздно мне придётся его выпить, и что будет потом – одному Богу известно.

Чувствовала ли жена, на какую сделку я пошёл ради того, чтобы сохранить ей жизнь? Видимо, так, потому что её осуждающему молчанию не было конца, холодные глаза говорили: «Ты предал меня и нашу любовь», – уста молчали. А у меня кончалось терпение.

– Остановись! – резко скомандовал я возникшему, он немедленно исполнил повеление. – И долго ты собираешься молчать? – я повернул лицо Патриции к себе, несмотря на все её усилия не делать этого. – Что с тобою происходит, можешь сказать? Сколько будешь дуться и делать вид, что тебе безразлично всё вокруг?!

В её взгляде лишь отторжение и напряжённость. Словно две половины её естества борются между собой: одна меня по-прежнему любит, другая ненавидит, потому что в ней поселилась ревность. И было бы к кому! К призраку, до которого даже не прикоснуться рукой!

– Я больше так не могу! – взорвался я.

Маркела было открыла рот, чтобы заступиться за любимую госпожу, но встретившись со мной взглядом, тут же его прикрыла, не произнеся ни слова. В такие минуты я чувствовал себя истинным сыном Деметрио и мог испепелить кого угодно.

– Ты целовал её!.. – упрямая ревнивица не отступала от своего.

– Да! И что теперь? Или ты считаешь, что твоя жизнь не стоит поцелуя? – я перешёл на повышенные тона. – Я бы что угодно сделал, лишь бы вернуть тебя! Она – всего лишь фантом! Сильный, самодостаточный, свободный как ветер в поле, бестелесный дух, однако она спасла тебя!

Маркела перекрестилась, будто перед ней явился сам нечистый.

– Ты примешь меня таким или мы расстанемся? Я спросил тебя ещё до свадьбы, ты знала про нашу связь, и всё же решилась на замужество. Что изменилось с тех пор?

– Ты целовал её на моих глазах...

Я вышел из экипажа, хлопнув дверцей так, что она чуть не отвалилась. Джюсто словно только этого и ждал, даже затанцевал от радости.

– Придётся тебе, Валентино, уступить мне место, полезай в экипаж, утешь госпожу! – мальчик безропотно слез и исполнил моё повеление.

– Густаво, я отъеду вперёд. Разведаю обстановку, продвигайтесь в том же направлении, я вас подожду. Охраняйте синьору!

– Будет исполнено. Места здесь дикие, дон, будьте осторожны!..

Я уже мчал коня во всю прыть, это было лучшим средством, чтобы остудить вскипающее во мне негодование. Джюсто и я стали единым целым, он ощущал все мои эмоции и порывы, как будто был продолжением своего всадника.

«Поцелуй ей, видишь ли, не понравился! Я ради неё готов был умереть! Пожертвовать своей душой, а она...» – голос злости не умолкал. Только когда я почувствовал, что Джюсто утомился, я немного сбавил ритм.

«Она тебя любит, а ты причинил ей боль. Ты взвалил на её плечи непосильную ношу, взяв себе в жёны. Это из-за тебя все её несчастья!» – говорила совесть, и я не находил чем ей ответить. Постепенно мы остановились. Я слез с коня и отпустил его попасться, а сам сел

на гранитный валун, возвышающийся возле дороги. Он был совершенно тёплый, нагретый на солнце и немного успокоил меня.

«Они с их черепашьими темпами не скоро здесь появятся. Ну и хорошо! Очень хорошо! А я никуда не поеду. Буду сидеть и ждать. Пусть подумает, каково ей без меня!» – мысли, мысли, мысли... бесконечный и бурный поток.

«А не проще ли просто сказать: „Прости! Я люблю тебя и только тебя одну!“ – успокоить и без того слабую и беззащитную женщину?!» – не унималась совесть.

«Почему всегда я?! Неужели я мало страдал за всё это время?..»

«А какова была её плата за то, чтобы быть твоей?» – жжение в груди не прекращалось.

«Всё Эделина со своей любовью, что я мог поделаться?»

«Не лги самому себе. Тебе понравилось слияние с ней. Ты испытал дикий, необузданный восторг и жаждешь повторить его вновь! Так ли уж неправа Патриция в том, что стала холодна с тобой? Чем лучше ты отца Валентино, имеющего любовницу при больной жене? У Эделины нет тела, но есть мощная и живая энергия, способная подарить тебе блаженство!» – я схватился за голову, борьба не прекращалась, ненавистный голос заставлял меня смотреть на всё иначе, с её стороны, не давая мне шанса оправдаться.

«Она не оставила мне выбора!»

«Просто признайся, что всё ещё любишь свою ведьму и ждёшь, когда она появится вновь!»

«Да, это так. И это сильнее меня!» – признался себе, и, сняв шляпу, вытер вспотевший лоб.

«Тогда прекрати хотя бы злиться на жену, она имеет полное право упрекнуть тебя в связи с другой!»

Рука сама потянулась к склянке. Я вытащил её и посмотрел на мутную жидкость, наполняющую сосуд. Разбить его, значит не сдержать слова, нарушить договор и потерять их обоих. Выпить – это уйти к Эделине. Что произойдёт после, мне никто не объяснял. Я прикрепил бутылочку обратно. На душе было скверно, сердце моё раздваивалось, и обе половины болели.

«Не надо было жениться! Но разве я мог противостоять нашей любви? Патриция явилась в адскую пустыню моего сердца, как родник с живой целебной водой.»

Джюсто кого-то почуял и зафыркал, обращая моё внимание на несущегося вдали во всю прыть по пыльной сухой дороге всадника. Чем яснее становился его силуэт, тем больше радости испытывала моя душа. «В руках этого человека находится моя смерть. Пусть так! Нет большего счастья, чем умереть от надёжного удара верной руки!»

Он спешил в клубе пыли, и мы бросились навстречу друг другу. Обнялись, как два самых близких на земле человека.

– Как же мне тебя не хватало!

– Я знал, Эрнесто, что ты тосковал обо мне! Теперь я весь твой и больше никогда не покину тебя.

Часть 2. Глава 11

Я не спросил, на что он потратил деньги. Это неважно. Амато вернулся, он здесь, и я счастлив, что не потерял своего друга!

– Прими мои соболезнования. Скорблю о вашей потере. Я видел могилу...

– На всё воля Божья. Тут уж ничего не поделаешь, к счастью, Патриция жива.

– Благодарение Небесам! Ух и разозлили же вы того хозяина побегом мальчишки! Думал, он на меня все проклятия мира обрушит! – Амато улыбнулся, вспоминая. – Хорошо, хоть дочка его рассказала всё, как есть, тоже умоляла нас забрать её с собой.

– Вас?

– Я теперь не один. Тебя ждёт сюрприз, мой господин!

Я насторожился:

– Рассказывай!

– А вот и словом не обмолвлюсь, пока всё сам не увидишь!

– Ну и не говори! – я толкнул его плечом.

Мы засмеялись. Лошади мирно цокают в такт, а мы разговариваем, будто и не разлучались, и так хорошо на душе...

– Скоро сильно похолодает. Даже не верится, что после такой жары может пойти снег...

– С чего ты это взял?

– Старуха одна нашептала. Странная такая, появилась откуда ни возьмись и беседу завела. Кто, куда путь держу, чем сердце успокою...

– Слепая?

– А ты откуда знаешь?

На этот раз я хитро улыбнулся, сделав загадочный вид.

Всегда поражался, почему мне с ним так легко, чувство такое, что знаю его целую вечность и испытываю полное безоговорочное доверие. Даже слова Филоретты ничего не изменили. А осознание того, что я сам вручил ему в руки свою смерть, непонятным образом утешает. Почему? Сам не знаю.

– Когда это случилось?

– Накануне. Мы ехали через лес ранним утром, остановились. Я отошёл в кусты, сам понимаешь, а тут эта ведьма старая как из-под земли выросла.

– Здравствуй, – говорит, – добрый молодец, куда путь держишь? – он изобразил её скрипучий голос. – Я ей: «Чего тебе, бабка, надо?» А она: «Покушать бы, сыночек!» Я дал ей кусок хлеба из того, что был припасён. Она поблагодарила, поклонилась и говорит: «За доброту твою помогу тебе. Те, кого ты ищешь, будут завтра там-то, там-то». Откуда, говорю, знаешь? «Да, знаю! – отвечает плутовка. – Всё про тебя знаю!» Меня аж в холодный пот бросило. А глаза неподвижные, как два белёсых пятна, даже зрачков не видать. Ну вот, она и говорит: «До холодов два дня осталось, после снег пойдёт. Укрыться вам надо до этого времени, найти надёжное место. Потом две недели дороги непролазные будут. Всё ровным ковром заметёт...»

«Дались ей эти два дня, вчера ж я её сам видел. Как могла она в разных местах быть одновременно, старая и слепая? Но и совпадений таких не бывает...» – подумал я.

– А как звать её, не говорила?

– Сказала: «У синьора своего спросишь, он поймёт».

– К чему эти игры? Решила показать нам свои способности, чтобы во всё поверили и не усомнились в словах её?

– О чём ты, Эрнесто? Ты знаешь эту чокнутую старуху?

– Она не чокнутая... – я поведал ему обо всём, умолчав только об Эделине и отведённой ему роли. Он внимательно выслушал, не сильно удивляясь.

– Так это благодаря ей Патриция выжила?

– Только дитя было уже не спасти.

– Прости, но может, оно и к лучшему?! После всего пережитого вами он был бы вечным напоминанием того кошмара...

– Не знаю, Амато, не знаю. Когда я держал его в руках, я чувствовал совсем иное.

– Прости, Эрнесто, не хотел тебя обидеть.

– Что ещё сказала Филоретта?

– Так вот как её зовут! – Амато рассмеялся.

– И чем же ты сердце своё успокоишь?

– Вот этого я не скажу, прости. Теперь, тем более, её слова приобрели вес. Если завтра снег ляжет, так и вовсе поверю в чудеса! – он пришпорил коня и ускакал вперёд, это напоминало игру в догонялки.

Мы ещё какое-то время посоревновались, кто кого быстрее. А потом остановились, решив, что всё же пора возвращаться.

– Как там моя жена, Амато?

– Это ты меня спрашиваешь? Знаешь, что она меня, мягко говоря, недолюбливает. Но мой подарок растопит её лёд, я больше чем уверен!.. – он широко улыбнулся.

– Ты меня заинтриговал, придётся ехать смотреть, что за сюрприз ты нам приготовил!

Я наблюдал, как он подшучивает надо мной, и думал о том, что этот человек совсем не похож на того угрюмого, зажатого в тиски, вечно молчаливого воина, от которого и слова невозможно было услышать. В каком напряжении его вечно держал Федерико? К каким низменностям принуждал, используя его уязвимость?..

Это были два совершенно разных человека: Амато до... и после.

Возвращаться было легко. Моё настроение во много раз улучшилось, я выветрил все свои сомнения и обиды, все негативные чувства ушли на задний план, теперь я был готов расцеловать мою жену и попросить у неё прощения. Даже если не считаю себя виноватым, лучше прекратить эту сору и попробовать наладить отношения. Мы столько выстрадали, что было бы глупо именно теперь всё разрушить.

Мы застали их на коротком привале. Патриция приняла спокойный вид, но красные, опухшие от слёз глаза, выдавали её переживания.

– Ты простишь меня? Я был неправ. Не хочу больше ссор и выяснения отношений, Ты мне нужна, я люблю тебя, – поцеловал, она не сопротивлялась. Это уже что-то!

Рядом с нею сидели Валентино, Маркела и та самая маленькая девчушка, что бросилась когда-то под копыта коня Амато.

– Её зовут Амелия. Ей семь лет. И теперь я её настоящий и единственный опекун.

– Хитрец, завёл себе готовое дитя, пелёнок не нюхал, и по ночам спокойно спал! – пошутил Пьетро, один из наших охранников.

– А тебе и завидно, да, рыжий?! – отпарировал Амато и показал ему кулак.

– Молчу, молчу, мой господин! – ретировался тот, покрасневший от горячей еды и вина.

Погода менялась на глазах. Поднялся сильный ветер, тучи заволокли небосвод. Наспех поев, мы затушили костёр и отправились в путь по уже разведанной нами дороге. Теперь дети и женщины занимали весь экипаж, чему я был несказанно рад, это давало мне возможность ехать на любимом коне, беседовать с верным другом и не видеть печальных, обиженных глаз моей любимой.

Часть 2. Глава 12

Всю ночь и ещё полдня пришлось ехать, прежде чем мы обнаружили небольшое поселение у подножья гор. Замёрзшие, уставшие женщины и дети нуждались в отдыхе. Приняли нас охотно, нечасто в эти места заглядывает знать. Старый, но добротный дом из серого камня стоит чуть поодаль от остальных и прикрыт со всех сторон зелёными зарослями. Садовника у обедневшей дворянской семьи давно уже нет, судя по всему.

К счастью, никто не знает здесь барона Гриманни, несмотря на его богатство и могущество, он известен лишь в своём узком кругу, тут у людей другие господа.

Разместились благополучно, нам отвели целых четыре комнаты. Я не сомневался в том, что слова Филоретты исполнятся: скоро нас завалит снегом, это подтверждал и всё усиливающийся холодный ветер. Непогоду лучше переждать, сидя у огня в камине под надёжной крышей. Путешествие наше было долгим и утомительным. После сытного обеда все отправились спать.

Мы остались с Патрицией наедине. Этого момента я ждал и боялся одновременно, намереваясь поговорить по душам и разрешить сомнения и переживания Патриции без вездесущих глаз Маркелы. Но она не хотела со мной разговаривать, может быть, от усталости. Она тихо и смиренно лежала, ожидая меня.

Трогательно-беззащитная и хрупкая, но только внешне, внутри неё находится стальной стержень, который невозможно согнуть. Если этой женщине что-то взбредёт в голову, её уже не переубедить.

– Дальше будешь обижаться? – я, недолго думая, обнял её и притянул к себе, ощущая, как кровь заиграла во мне. За всё это время я не прикасался к супруге, как к женщине, и воздержание становилось невыносимым. Но смел ли я думать о чём-либо подобном рядом с той, которой пришлось пережить столько горя, ведь совсем недавно она потеряла ещё и ребёнка. Я и не надеялся на то, что Патриция когда-нибудь подпустит к себе кого-то, даже меня.

Пригрелись рядышком, стало хорошо и спокойно, а за окном свирепствовал лютый ветер и бил в окно струями ледяного дождя. «Как же вовремя мы нашли прибежище! Слава Богу! А ведь если бы не Филоретта, не знали б мы о приближении непогоды, не торопились бы, а то и застряли б где-нибудь на полпути и замёрзли от холода...» – я мысленно поблагодарил слепую пророчицу и помолился о ней, прежде чем усталость накатила, увлекая в страну воспоминаний.

Снится старый дом Эделины, запах лекарственных трав и жаркие объятия. Её огненные локоны щекочут мне лицо. Она обнажена и смеётся, и дух захватывает от её природной спелой красоты. Никуда моя любовь не делась, я по-прежнему желаю эту богиню всем своим естеством, отгоняя мысли, что видение всего лишь сон, а на самом деле всё давно не так, и произошло непоправимое. Страсть пылает и бьёт во мне ключом, я прикасаюсь к её атласно-белой коже, вдыхаю горьковатый аромат огненно-красных волос. Только где-то глубоко внутри назойливый раздражающий голос твердит о том, что я женат на другой. Сладострастный сон превращается в кошмар. Рядом с нами на постели оказывается Патриция и со слезами на глазах наблюдает за тем, что происходит между мной и Эделиной. Она уже никогда меня не простит! Более тягостных чувств я ещё не испытывал. Взревев, я вскочил весь покрытый потом.

– Эрнесто, с тобою всё хорошо? – голос Патриции звучит взволнованно, я понял, что проснулся.

– Дурной сон увидел, спи родная!

Плоть моя изнывала, жар, словно в лихорадке по всему телу... Если б я был волком, то завыл бы. Тусклый свет наступающего дня наполняет комнату. Угли в камине давно остыли,

холодно, но я пылаю и больше не могу находиться под одним одеялом рядом с женщиной, которой боюсь навредить.

Я поднялся и подошёл к окну. Земля, словно саваном, укрыта ровным белым покрывалом. Только теперь я осознал, что Филоретты больше нет, и её холодное тело лежит на куче соломы в старой покосившейся лачуге. Почему-то представил, как снежинки, кружась, покрывают её застывшее в глубоких морщинах лицо мягким, белым пухом и не тают. Увидел так явственно, что даже не удивился тому, куда же подевалась крыша, возможно, она просто рухнула накануне. Угасшие навеки глаза устремлены в серую мглу. Её найдут лишь спустя время, когда очередного деревенского бедолагу скрутит недуг, и, узнав, что колдунья умерла, подожгут «нечистый» дом. Она всё знала и заранее подготовилась: солома пропитана маслом и будет хорошо гореть, предавая бrenные останки живой и вечной стихии огня. Я увидел это и, осознав, ужаснулся. Моя душа не испытывала горечи и сожалений, словно всё так естественно, как и должно быть. Смерть – это не конец, а только начало нового этапа бесконечности. Ещё один дар Эделины или прощальное послание Филоретты? Как если б она наставляла меня: «Ни о чём не жалеи!» Откуда эти видения? Может быть, я обезумел?! Или окончательно прозрел?..

– Любимый, иди ко мне! – Патриция протянула руки, призывая в свои объятья. В её глазах томилаcь неистовая любовь.

Я не верил своему внезапному счастью, покрывая поцелуями худенькое тело моей жены, отдавая ей всю свою мучительную нежность, столько времени копившуюся внутри.

Она не боялась, не робела, а, получая наслаждение, таяла от моих ласк, пробуждаясь от зимней стужи подобно весеннему подснежнику. В какой-то момент, когда меня охватила волна приближающегося экстаза, я увидел лицо Эделины и застонал. Сон обернулся явью или мой воспалённый разум уже безвозвратно болен?

Я ощущал их обеих одновременно и чувствовал, что схожу с ума. Тот жар, с которым отдавалась мне жена, был несвойственен её натуре. Патриция никогда не знала ничего подобного. Я закричал от адской боли и райского наслаждения. Сердце стучало так, что грозилоcь выскочить из груди.

«Теперь ты счастлив, любимый?!» – прозвучал в голове томный голос Эделины.

«Не навреди ей, умоляю тебя!» – мысленно ответил я, опустившись в изнеможении и закрыв глаза, чтобы не выдать себя ничем и не причинить страданий жене. Я медленно поглаживал её, пытаясь вернуть себе самообладание.

– Я счастлива, Эрнесто, – тихо призналась Патриция, – такие необъяснимые чувства переполняют меня!

Открыв глаза, я внимательно посмотрел на разбуряившееся лицо возлюбленной: оно сияло каким-то волшебным, загадочным светом.

– Жена моя!

Грешная и святая одновременно.

Часть 3. Глава 1

Ещё какое-то время я не мог прийти в себя после случившегося. Все чувства перемешались: счастье обладания Патрицией, муки совести перед ней же за то, что представлял Эделину, взлетая на вершину блаженства. Любовь к одной и страсть к другой – всё сплелось в единый тугой невообразимый узел сердца моего.

О, это блаженное лицо Патриции и стыд мой перед нею – созданием небесным!.. Она не подозревала ни о чём. Казалось, что её душа наполнилась счастьем до краёв. Все раны, нанесённые насилием, предательством близких, потерей ребёнка, ревностью и обидой, образовавшие пустоты в её сердце, утонули в ярком свете обновлённой любви.

Как удалось Эделине сделать это? Почему она пошла на такое? Всё ради слияния со мной? Она отказалась от собственного «я», пожертвовала, чтобы помирить и соединить нас? Или просто стремилась вновь овладеть тем, кого любила? И как дальше жить?

«Ничего этого не было, просто я сошёл с ума, так объясняются все слуховые и визуальные галлюцинации. С чем, собственно, я себя и поздравляю! – успокоиться непросто, когда в твоей жизни происходят подобные чудеса. – Мне нужно побыть одному, чтобы разобраться в своей душе, если такое вообще возможно! «Амато! Вот кто мне нужен! Я расскажу ему обо всём. Он – здравомыслящий человек и даст мне правильный совет!» – решил я, одеваясь и покидая спальню.

«Не смей! – голос Эделины опять проник в мой разум. – Не бери его чувства. Мы справимся сами.»

«Нет никакого „мы“, дорогая. Ты умерла! Ты – всего лишь призрак, воспоминание моей больной души!» – подумал я об этом сгорая.

Услышав тяжёлый вздох, будто ей нечем дышать, я обернулся. Патриция по-прежнему лежала на кровати, но совершенно изменилась в лице. Румянец сошёл с её щёк. Блеск в глазах потух. Передо мной лежало прежнее болезненно-бледное создание, из глаз которого вновь потекли уже невыносимые для меня слёзы.

– Что случилось, любимая?!

– Не знаю, словно все силы покинули меня, и снова стало страшно. Эрнесто, не уходи! – она беспомощно протянула ко мне руки, и я обняв её, крепко прижал к себе. Ещё несколько мгновений назад жена выглядела исцелённой и совершенно довольной жизнью...

«Эделина! Я обидел её. Я сказал, что её больше нет. Тупица! Болван! Идиот! Она ведь помогала ей, чтобы сделать меня счастливым!»

– Как же было хорошо! Откуда этот мрак? Мне плохо, Эрнесто! Я не могу с этим бороться. Этот кошмар никогда не закончится. Мне показалось на миг, что твоя любовь свершено преобразила этот мир, и снова захотелось жить, любить, рожать тебе детей. Увидев тебя там, у окна, я вспылала такой нежностью, что всё будто перевернулось и нет этого проклятья...

– О чём ты говоришь? Какое проклятье, Патриция?

– Кто-то проклял нас, я знаю, поэтому и начались все несчастья. Бесконечный непрекращающийся ужас! Почему ты не убил меня тогда в башне? Ты бы смыл позор с твоего рода и освободил бы меня! Прав был твой отец! Нужно было позволить ему действовать, я бы уже была в раю и не вздрагивала от каждого шороха...

– Что ты говоришь, как можно такое думать? Пока мы живы, можно ещё что-то исправить! Смерть ничего не наладит, она только лишает нас возможности существовать! – хотя после возвращения Эделины, я и в этом уже был не уверен.

– Никто не вернёт мне себя. Я вижу, ты устал от моих слёз и терзаний и скоро совсем возненавидишь меня. Зачем тебе такая жена?! Ты красив, как Аполлон, любая девушка

почтёт за счастье быть рядом с тобою и рожать тебе здоровых детей! Я – единственная преграда на этом пути!..

– Жена моя, любимая, не смей! Дороже тебя нет у меня никого на этом свете. Только что мы были так счастливы с тобой. Ты сможешь! Мы справимся!.. – последние слова пронзили моё сердце чувством вины перед Эделиной, я только что причинил ей боль, я отверг её помощь, разрушил своими руками то, что ей каким-то чудом удалось установить.

«Прости меня! – кричала душа в пустоту. – Я был неправ!»

В ответ лишь тишина. Мне хотелось уйти, найти укромное место и попытаться вызвать её, чтобы вымолить прощение, но я не мог оставить Патрицию в её нервном расстройстве, переходящем в истерику. Боялся, что она что-нибудь сотворит с собой. Её слёзы текли рекой, и мысли о смерти не прекращались. Я лёг рядом, обнял её и лишь тогда она понемногу начала успокаиваться, пока не уснула.

Только к обеду мы спустились вниз. Люди избегали смотреть в глаза моей жене. Вечно опухшие красные веки, потерянный, загнанный, как у раненой лани, вид – все старались не замечать. Амато вышел из-за стола, приветствуя нас. Остальные просто поздоровались, продолжая трапезу. За окном слышались детские возгласы и крики. Валентино с Амелией и деревенскими ребятишками играли в снежки. Залюбовавшись этим зрелищем, я на какое-то время забыл про свои беды.

Хозяйка дома подала на стол тарелки с горячим супом. Запах был волшебный, а я, как оказалось, зверски голоден. Патриция почти не ела, на неё вновь напала хандра, отрешённость от всего мира. Пустой, равнодушный взгляд не сулил ничего хорошего.

Амато что-то увлечённо мне рассказывал, а я кивал головой, делая вид, что слушаю, на самом деле, мои мысли были далеки от происходящего. Я испытывал непреодолимое желание остаться где-нибудь наедине с самим собой и попытаться вернуть Эделину. Я осознал, насколько был неправ. Закончив второе блюдо и поблагодарив хозяйку, отдал Маркеле распоряжение позаботиться о госпоже и ушёл. Амато догнал меня у дверей.

– Что-то случилось?

– Нужно пройтись.

– С удовольствием составлю Вам компанию, мой синьор.

– Прости, Амато, не в этот раз, мне просто необходимо побыть одному. Я похлопал его по плечу в знак благодарности, и, наклонясь ближе к уху, прошептал: – Глаз с Патриции не спускайте, ни на минуту!

– Будет исполнено, – ответил он.

Снег хрустел под ногами, обувь оказалась слишком тонкой, и холод быстро достиг ступней, особенно пальцев. Но мне было всё равно. Хотелось уйти, как можно дальше, от неё, от себя, ото всех. Направился к горе, местами увязая в снегу почти по колено. За всю свою жизнь я не видел подобного снегопада. Вскоре, устав, остановился. Уйти можно далеко, но придётся потом возвращаться назад. Ни дорог, ни тропинок не видно, всё замело ровным белым покрывалом. В воздухе ощущалась неземная свежесть, будто пух ангельских крыльев оставил своё благоухание, падая с небес на землю.

– Эделина, вернись! Прости меня! Я – неблагодарная свинья! Знаю, что причинил тебе боль. Я был неправ, – кричал, озираясь вокруг, и голос таял в пушистой белой мгле. – Вернись, умоляю! Хочешь, встану перед тобой на колени? Пойми, я испугался, не понял твоего самопожертвования. Тебе ведь стоило огромных усилий переступить собственную гордость и чувства, но ты сделала это ради меня. Ты совершила настоящее чудо! Ты столько раз спасала меня, дурака... Прости, ради Бога! Хочешь, я прямо сейчас выпью содержимое этой склянки и тогда сам найду тебя?! – я достал из-за пояса нужный предмет и приоткрыл сосуд. Запах смерти, по-другому и не назвать отвратное содержимое с плавающей на дне волосинкой. Меня перетрясло.

– Ещё не время! – вначале Эделина возникла сгустком тумана, постепенно проявляясь всё ярче, как пламя пожара. В глазах её отражались молнии, а волосы обрели цвет пылающего заката. – Убила бы тебя, если б не любила! Всю душу мне вымотал, неблагодарный мальчишка!

Я послушно закрыл сосуд, тем более, что у меня не было никакого желания пробовать зловонную жидкость.

– Ты прощаешь меня?!

– Что делать с тобой? Ждать, пока ты окончательно отморозишь себе ноги или простить? – в её глазах промелькнула улыбка. – Поднимайся, Эрнесто! Я не могу долго сердиться на тебя. Между ненавистью и любовью я избрала любовь. Ты не оценил моих усилий в попытке вернуть тебе счастье. Так что ж? Люди никогда не ценили доброту. Они предпочитают страх и боль... Так устроен этот мир. Так устроен и ты.

Часть 3. Глава 2

Проснулся рано, встал, оделся. Патриция даже не шелохнулась: теперь её мучило чувство вины за вчерашние слёзы. Вечернее выяснение отношений не помогло нам. Меня порядком это всё раздражало, и тот наш любовный эпизод, казавшийся теперь чем-то нереальным, больше не повторится. Эделина права. Какой бы могущественной силой ты не обладал, невозможно сделать людей счастливыми, если они хотят страдать.

За последнее время сам вид мук стал для меня невыносимым. Хотелось убежать от всего этого, чтобы больше не видеть и не слышать всхлипываний и рыданий. Слишком много их было. Но мы находились в снежной ловушке. Оставалось только набраться терпения. И ждать, когда растает держащий нас в плену снег.

Эделина хоть и простила меня, больше не появлялась, не вмешивалась в наши семейные дела. Мне жизненно важно было сейчас увидеть хоть одну улыбку, почувствовать радость, что угодно, только не тоску и отчаяние. С такими мыслями я спустился вниз, позвякивая креплениями на поясе, мой меч слишком долго лежал в ножнах, и если бы на нас кто-нибудь сейчас напал, я был бы счастлив сразиться. Но всё было слишком тихо, мирно и белым-бело вокруг. Снег всё ещё продолжал падать белыми пушистыми хлопьями, ветер совершенно стих. Небо, полностью затянутое непроницаемыми облаками, монотонно-серо. Эта блеклая картина, лишённая красок и жизни, тоже действовала мне на нервы. Хотелось рвать и метать.

В доме ещё все спали, а я ходил и не ведая, чем заняться. Первой вышла хозяйка, за нею две дочери, уже почти совсем взрослые, на кухне закипела жизнь. Слышались их разговоры, звон посуды, негромкий смех. Готовить завтрак на такое количество постояльцев, наверное, непросто. Обедневшая семья не держит слуг. Мы своим появлением добавили им хлопот, с одной стороны, а с другой, – внесли разнообразие в повседневную жизнь и доход, – думал я, не зная, куда себя деть. Книг в доме было достаточно, но я не смог бы усидеть сейчас на месте, и потому слонялся из угла в угол в ожидании Амато. Рядом с ним я не ощущал одиночества и мог рассчитывать на моральную поддержку. Совершенно запутавшись в себе самом, в своих женщинах и чувствах, я желал мужского дружеского присутствия, как земля – солнечного света.

Наконец-то Амато спустился вниз со своей новоиспечённой подопечной. Девочка щебетала рядом с ним, словно маленькая беспечная птичка и радовалась этому миру и жизни, просто потому, что она есть.

Увидев меня, он приветственно поклонился и тут же заметил:

– Что-то ты совсем невесел, мой господин! – Амато улыбнулся своей неповторимой улыбкой, немного прищурив глаза.

«Вот то, чего мне так не хватало!»

– Наконец-то ты встал! – раздражённо ответил я, будто мой вассал и компаньон обязан знать, когда я проснулся и что нахожусь в дурном расположении духа.

– Хочешь поговорить?

– Боюсь, что истеку ядом, как змея, и искусаю себя самого.

– Вина?

– С утра? Нет. Увольте.

– Тогда остаётся только одно средство, – он показал на меч, – славный поединок!

– Вот это с превеликим удовольствием!

– Амелия, ты останешься здесь, а мы с доном поупражняемся, хорошо?!

Девочка кивнула кудрявой головой и назвала его милым папой. Меня это позабавило, и лёгкое подобие улыбки пробежало по моей мрачной физиономии.

О, да, это было именно то, чего требовала душа! Мы сражались, всё больше разогреваясь. Амато – сильный противник, он придерживал свои способности, чтобы не навредить мне, что ещё больше распаляло моё желание вынудить его сражаться по-честному, в полную силу. Звон металла разлетался по округе. Разгорячённые тела источали пар. Глаза в глаза, удар за ударом, высекая искры... Даже сердца стучат в ритм, позабыв обо всём, что тяготит и угнетает.

Вскоре собралась целая толпа домохозяев, чтобы посмотреть на наш бой. Мне удалось разбудить в Амато дух соперничества, но несколько моих приёмов, унаследованных от Деметрио, выбили меч из его крепких рук. Можно было считать поединок выигранным, но во мне ещё было много прыти. Я тоже отбросил оружие, и мы ринулись друг на друга в рукопашную, повалились, борясь, на снег и стали кататься по земле, как разъярённые волки, решающие кто из них главней.

То он, то я оказывались сверху, но никто не желал уступать, пока силы не стали уходить и тяжёлое дыхание замедлило бег времени. Оказавшись в очередной раз подо мной, Амато позволил мне одержать победу и сдался. Какое-то мгновение в его взгляде я почувствовал не пыл соперничества, а нечто совсем другое, гораздо более сильное. Я вскочил на ноги и, подав ему руку, помог подняться. Все зааплодировали, видимо, спектакль удался на славу. Мы отряхнулись от снега и, по-дружески пожав друг другу руки, проследовали в дом.

Там, возле окна, я увидел Валентино. Его печальный отсутствующий взгляд был направлен в никуда.

– Тебя кто-то обидел? – я приподнял ему голову и посмотрел в глаза.

– Нет, синьор. Сегодня во сне я видел маму, она была с Филореттой, – мальчик всхлипнул, – их больше нет с нами. Они обе простились со мной.

– Знаю, парень, – сочувственно похлопал его по плечу. – Поэтому я тебя и забрал. Мне очень жаль...

– Как, Вы знали?!

– Филоретта сказала мне, что когда её не станет, твоя мама тоже уйдёт, потому что старушка держала её на Земле ради тебя, твоих братьев и сестёр. Она знала, что так будет. Поэтому просила меня позаботиться о тебе. Мачеха не дала бы тебе покоя... Отпусти их с миром, Валентино, они сделали всё, что могли. Хочешь, я отвезу тебя в церковь, и мы вместе помолимся о них.

– Очень хочу!

– Хорошо. Тогда поешь, и отправимся в путь на поиски священника.

Хозяйка слышала наш разговор.

– Так зачем его искать? Это мой брат и живёт он неподалёку. Я провожу вас к нему.

– Благодарю, добрая женщина.

Я подвинул к себе тарелку с горячей кашей, от одного вида которой заурчало в животе. Зверский аппетит после утренней разминки заставил забыть про всё на свете.

К завтраку Патриция не спустилась, так же, как и Маркела, видимо, вновь утешающая её. Может быть, это даже и хорошо. У меня было время подумать и побыть среди шумной и весёлой компании мужчин.

Амато бросал на меня долгие задумчивые взгляды и чуть заметно улыбался, всё ещё находясь под впечатлением от поединка. Валентино не притронулся к еде, переживая свои утраты. Солдаты и Густаво в очередной раз, подтрунивали над Дрэго, как над самым молодым и неопытным среди них. Амелия кружилась в танце, представляя себя маленьким эльфом, напевала какую-то весёлую песенку.

Жизнь продолжалась. А за окном, равнодушно и спокойно ко всему происходящему, падал белый пушистый снег.

Часть 3. Глава 3

Кони продвигались по снегу почти беззвучно, пар валил от дыхания Джюсто и оседал на морде белым инеем.

– Ну и холод! – сказал Амато, который, вопреки всем мои приказаниям, всё ж отправился сопровождать нас.

Передо мной сидел Валентино, и, погружённый в своё горе, даже не смотрел по сторонам. Священник должен был нас ждать в храме, так договорилась хозяйка со своим двоюродным братом. Теперь я мог заказать панихиду по обеим женщинам, дорогим мальчику и сдержать своё слово.

– Первый снег в моей жизни навсегда запомнится этой утратой...

– Не грусти, мальчик, я тоже потерял свою мать и даже не смог с ней проститься. Но жизнь продолжается и после смерти, близкие живут в наших сердцах и продолжают нам помогать.

– Вы верите в это, мой господин? – он обернулся ко мне, взглянув своими печальными глазами прямо в душу.

– Я это знаю. И ты верь! – покрепче прижал его к себе, укрыв своим тёплым плащом от непогоды. Снегопад закончился, и теперь ветер разгонял тучи, как стадо отъевшихся ленивых коров с большим выменем, еле плетущихся к дому.

Нужно будет позаботиться об одежде для Валентино, как только появится такая возможность, парнишка не защищён в холода. Его детская доверчивость вызывала во мне отцовские чувства.

– Повезло тебе, малыш, – Амато придержал своего коня, чтобы идти с нами вровень, – меня в твоём возрасте уже заставляли делать невообразимые гадости. Ты же нашёл покровителя с золотым сердцем, под плащом которого ты – как у Христа за пазухой... Помни об этом! – он пришпорил гнедого и умчался вперёд, оставляя за собой снежную пыль.

«Что это было? Никак ревность? И к кому, к бедному ребёнку-сироте?.. – я улыбнулся. – Иногда дети кажутся мне более разумными, чем взрослые люди. Видимо, глядя на Валентино, Амато вспомнил своё болезненное прошлое и от этого ему стало тяжело. Что ж, можно только посочувствовать несчастному. Такие раны не заживают, и я уж позабочусь о том, чтобы подобное не случилось с мальчиком, доверившим мне свою жизнь и судьбу!»

Церквушка была небольшая и внешне напоминала чем-то ту, в которой мы отыскивали подземный ход, ведущий к замку Романьези (гореть ему в аду!). Кто знает, сколько тайн хранит это деревенское сокровище?! Мои отношения с Церковью с некоторых пор были совсем непростыми.

Привязав лошадей, мы вошли в храм. Познакомились со священником, на вид отцу Венценце было лет тридцать-тридцать пять, но ранняя седина уже покрывала виски и часть небольшой бороды, которую он носил.

Мы зажгли свечи и помолились за упокой матери Валентино и незабвенной Филоретты. Конечно, я промолчал о том, кем она являлась, думая, что Богу лучше нас всех это известно. Ведь кто бы ни была эта женщина, она сделала много добра простым людям, которым и заплатить-то ей особенно было нечем.

Амато, немного постояв за моей спиной, вскоре вышел.

– Ваш друг не желает присутствовать на панихиде?

– Я не принуждаю моих людей что-либо делать, если на то нет их доброй воли, – сухо ответил я.

– И правильно поступаете, барон. Просто на улице непогода... – он вздохнул, и я внимательнее к нему пригляделся. Что-то сильно настораживало меня в этом человеке.

Во время молебна Валентино с трудом сдерживал слёзы, стараясь быть настоящим мужчиной, но лучше бы он разрыдался, чем носить всё в себе!

Потрескивали свечи, напоминая о присутствии потусторонней силы. Появление Эделины (я уже заметил), тоже всегда сопровождалось характерным подрагиванием огня. Но в этот раз её здесь точно не было. Постепенно Церковь заполнялась людьми, пришедшими на вечернюю службу. Многие с интересом нас разглядывали, как какую-нибудь редкостную диковинку. Мой внешний вид отличался от здешних, Валентино же был частью такого же простого люда, как они. И всё же стоял рядом со своим господином. Вот все и гадали, кто же он мне, как попал в свиту? Шёпот за спиной то и дело доносился до слуха обрывками фраз, отвлекая от молитв. Кто-то даже предположил, что ребёнок мой бастард.

«Да нет, слишком молодой получается папаша, – отпарировал другой, – Да и своего одел бы побогаче...»

«Об одежде я подумаю в первую очередь, как бы не промёрз малец.»

Наверное, я должен был пригласить Патрицию с нами, но не хотел раскрывать истинной причины, почему и ради кого мы здесь. Имя Филоретты ей бы ни о чём не сказало, а вот Эделину она бы вспомнила точно, к тому же мы не говорили друг с другом со вчерашнего вечера.

Пытаясь настроиться на молитву, я всё равно не переставал думать, и мысли путались в голове.

«Женись обязательно. Если повезет, станешь самым счастливым человеком на свете, если нет – философом», – гласит изречение Сократа. Повезло ли мне? От чего я стал таким несчастным? Я ведь искренне люблю Патрицию, как никого и никогда. Но мрачное состояние её духа стало неподъёмным бременем для нас обоих. Как помочь, если она сама ничего не хочет? Как воскресить убитое в ней чувство покоя и чистоты, в котором раньше пребывала она? Мне казалось, что я сделал уже всё возможное и невозможное ради этого. Даже призвал душу Эделины и вступил с нею в сделку, за которую могу сам быть сожжён на костре... Силы кончаются. А где их взять, никто не объяснит.

Когда заупокойная служба закончилась, священник поинтересовался, желает ли кто-нибудь исповедоваться?

«Надорвёшься, если узнаешь о моих грехах», – подумал я и вежливо отказался.

Валентино же с радостью пошёл за отцом Венценце и появился после исповеди с лицом заплаканным, но просветлённым.

– Мальчик мне сказал, что супруга Ваша больна, я бы мог помолиться о её выздоровлении, – священник посмотрел на меня с тревогой.

Я достал монеты.

– Нет, Вы не так меня поняли, синьор, я делаю это бескорыстно, просто желаю помочь. Мне нужно знать её имя.

– Валентино не сказал? Её зовут Патриция, – я посмотрел на него с удивлением.

– Позвольте ли Вы, барон Гриманни, навестить Вашу дону сегодня вечером и поговорить с нею. Возможно, я смогу быть полезен.

– Будем рады! – ответил я, а про себя подумал: «С чего бы такое великодушие?»

Он как будто считал мои мысли:

– Вы пожалели простого деревенского мальчика и облагодетельствовали его. Мне бы хотелось сделать что-то доброе для вас.

– Какое вам дело до ребёнка, он ведь не Ваш? – это было совсем невежливо с моей стороны, раздражала его неожиданная заботливость и то, что он совал нос не в свои дела.

– У Бога нет чужих детей.

– Поэтому вы сжигаете их на кострах?

– За время моего служения здесь не было ни одного сожжённого.

– Как же так? Лишаете народ зрелищ, или с ведьмами проблема?

– В Вас много боли, а у меня есть лекарство от неё, но я не могу заставить больного вылечиться, если он сам того не желает.

– Скажите лучше это моей жене при встрече! Возможно, она будет более сговорчивой.

– Не зря Вас Господь привёл сюда, господин Гриманни. Моё сердце подсказывает, что дороги заволокло снегом, ради того, чтобы мы сегодня встретились. Я не стану Вас торопить. Но помните, у меня есть средство, гораздо более сильное, чем то, что Вы носите у себя за поясом.

– Откуда вы знаете? – у меня округлились глаза. – Я никому не говорил...

– Свет истины доступен тем, кто его ищет. Не опускайте голову! Всё ещё можно исправить. Итак, до встречи! Дайте мне Вашу руку! – от его прикосновения по моему телу разлилось странное ощущение умиротворения и покоя.

«Кто он? Кто этот человек?»

– Потом Вы сами всё поймёте, он улыбнулся.

«Какие потрясающие глаза, где я мог их видеть? Я уже многое испытал на своём веку, но чтобы так: провидец в сутане?!»

Он попрощался и ушёл к прихожанам, многие из них целовали ему руку, словно епископу или самому Папе Римскому.

«Станный, какой же странный всё-таки человек, где же я мог раньше встречаться с ним?» – до меня не доходило очевидное...

Часть 3. Глава 4

Священник не заставил себя долго ждать. Когда он появился, все в доме оживились, будто пришёл святой или мессия. Племянницы не сводили с дяди влюблённых глаз, сестра, души в нём не чаявшая, обняла так, как если бы они не виделись тысячу лет. От приглашения поужинать отец Венченце сразу отказался, сославшись на нехватку времени. В его худощавом силуэте угадывалась энергичная натура проповедника, фанатично преданного своему призванию, не любящего терять времени без пользы. Он зачем-то сбрил бороду и сразу же стал выглядеть намного моложе, лишь седые волосы по-прежнему напоминали о том, что человек многое пережил и повидал на своём веку.

Увидев меня, он приветственно поклонился и дружественно протянул руку, я ответил взаимностью, непонятная сила тёплой волной вновь прошла по мне.

– Счастлив видеть Вас, синьор Гриманни! Позвольте без промедления и лишних церемоний поговорить с Вашей супругой.

Именно в этот момент я заметил, что глаза у него необычайно тёмно-синего цвета, как у новорождённых.

Я проводил его в наши покои и представил Патриции. Венченце благородно поклонился, как вельможа в присутствии королевы. Супруга держалась несколько отстранённо, но её напускной холод скорее относился ко мне, а не к падре, ему она как раз, благоволила. В течение дня мы всего несколько раз встречались с нею взглядом. Слёзы высохли, но появилось упрямство. Словно жена выставила между нами щит. Зачем? Ведь я безоружен.

Выслушав обмен любезностями, я откланялся и оставил их наедине, позвав с собой Маркелу. Странная надежда затеплилась в моей груди: показалось, что этот человек способен помочь Патриции, но для этого нужно, чтобы никто не мешал им. Спустился вниз, где играла музыка. Соседский мальчик играл на флейте печальную мелодию. Голоса присутствующих становились всё тише, пока не смолкли вовсе, все взгляды были обращены к юному дарованию и прониклись сопереживанием.

Амато сидел за столом, на его колене застыла Амелия. Сегодня на ней было новое платье, не такое, как носят крестьянские дети, а господское, розового цвета, украшенное обильным кружевом. Опекун не пожалел денег, это был по-настоящему щедрый подарок малышке, теперь она выглядела настоящей принцессой. И где он успел обзавестись гардеробом для неё? Я вновь подумал о Валентино. В чём ушёл он из дома, в том и ходит. Маркела перестирала его одежду и починила, поставив, где нужно, заплатки. Но разве так должен выглядеть воспитанник барона? Решено: в первом же городе одену мальчонку с ног до головы, а пока нужно спрашивать деревенских, где раздобыть ему тёплые вещи. Сидя возле камина, Валентино переживал свои утраты. Ему было не до того, как он выглядит, музыка ещё больше разбредила его душевные раны. Потеря двух самых дорогих в его жизни женщин тяжёлым грузом легла на детские плечи.

Я не стал беспокоить его и тем более утешать. Лучший лекарь здесь – время. Нужно, чтобы непоправимое улеглось в сознании, дабы смириться с тем, что есть. Любое проявление доброты сейчас расклеит парня. А плакать он не хочет, и я его за это уважаю.

Присев рядом с Амато, я потянулся за кубком, в который хозяйка тут же услужливо налила вина, оно отличалось от привычных мне сортов и на вкус было терпко-сладким, будто с примесью мёда. Я поймал женский взгляд, глаза у неё обычного, тёмно-карего цвета, как у всех окружающих меня людей, кроме Патриции и таинственного человека в сутане.

– Я бы хотел спросить Вас, синьора, о Вашем брате!

В этот момент раздались бурные аплодисменты юному дарованию, заглушив мои слова. Хозяйка, видимо, не расслышала их. Похлопав вместе со всеми в ладоши, она вышла

на кухню. Зазвучала другая мелодия, веселая, танцевальная и подопечная Амелия пустилась в пляс. Солдаты и домашние хлопали девчужке в такт музыке и даже притоптывали ногами. Мой друг улыбался, но глаза его были грустны. Похоже, предыдущая мелодия глубоко проникла в его сердце.

– Какой живой ребёнок! – искренне восхитился я, отпив хороший глоток вина.

– Ты прав, в ней много куража. Она ещё всем вскружит голову, когда подрастет...

Я наклонился к его уху и спросил:

– Как же ты решился на это?! Зная о твоих чувствах к женщинам, мне до сих пор трудно в это поверить.

Амато пронзил меня тяжёлым взглядом:

– Возможно, это последний шанс что-то исправить?!

Я понимающе кивнул головой. Вернулась хозяйка с полным кувшином и стала разливать по кубкам красное вино. Веселье в самом разгаре, как на празднике. За всё заплачено, почему бы не порадоваться? Когда ещё занесёт судьба в эти дальние края богатых гостей?..

Юный музыкант и маленькая танцовщица пользовались всеобщим одобрением и даже получили денежные вознаграждения в этот вечер.

То и дело я поглядывал на лестницу, ожидая, что Патриция вот-вот появится в сопровождении падре. Но никто не выходил из покоев. Это раздражало, я начал нервничать, и, чем больше переживал, тем дольше тянулось время. Сколько было выпито, не помню, но поднимаясь наверх, я уже покачивался. Остановившись у порога, прислушался. Чего я ожидал услышать? Любовные стоны? Страстную возню? Ревность уже вовсю играла моим воображением. Резким толчком я отворил дверь, чтобы увидеть всё собственными глазами. Священник с необыкновенно-синими глазами и колдовством своих прикосновений сидел напротив моей жены и держал её ладони в своих руках.

Патриция от неожиданности вздрогнула и выдернула руки. В её глазах отразился испуг и недоумение.

И я, как последний идиот, рассмеялся от этого зрелища, а затем ушёл, хлопнув дверью. Сердце громко билось где-то под горлом. «Возможно, я помешал таинству исповеди. А может быть, мои внезапные подозрения оправданы?! Как он смотрел на неё! Сколь трогательная духовная близость возникла между ними!.. Невыносимо здесь больше оставаться!» – я накинул зимний плащ и вышел во двор. Ветер обжигающим холодом ударил в разгорячённое лицо. Но именно этого и хотелось! Вру. Я желал большего, чтобы кто-нибудь по-настоящему ударил меня, а лучше – убил, скопившаяся желчь, злость и обида на весь белый свет искали выход и не находили. Каким убогим я показался самому себе, каким безумцем и дураком! Всё вдруг опротивело. Я потянулся за склянкой и с трудом достал её. «Уж лучше уйти к Эделине!» – меня штормило, как на палубе корабля.

– Не надо! – услышал я голос священника за спиной. – Хватит пить и тем более травиться. То, что вы увидели сейчас, не более чем человеческое сочувствие. Ваша жена чиста, как Ангел, и очень любит Вас. Не делайте глупостей, Эрнесто! За них приходится расплачиваться.

Он стоял в своём тонком облачении на ветру, и сутана трепетала, как натянутый чёрный парус.

– Дайте мне это! – голос спокойный и уверенный, власть имеющий, глубокий.

Я повернулся к нему лицом и покачал головой:

– Не имею права, отец Венченце. Это часть договора, который мне уже не расторгнуть. Я могу лишь отсрочить его, но не нарушить, нет!.. Я не хочу потерять их обеих. Не могу. Не имею права. Эти две женщины – часть меня самого! – я говорил, словно он и так всё знает. «Откуда взялась такая уверенность? Кто этот человек? Зачем пришёл? Откуда взялся на мою голову? Почему имеет на меня такое воздействие?..»

– Хорошо. Оставьте это. Положите на место. И вернитесь! Мы вместе спокойно поговорим.

Я последовал его советам и вернулся в дом, как нашкодивший сорванец. Он дотронулся до моего плеча и стало так тепло и спокойно, всё негативное куда-то ушло, будто его и не было.

– Пойдёмте к ней! Не нужно волновать и без того израненную душу. У вас всё будет хорошо, я знаю. Вы оба справитесь, Эрнесто!

– Как ты мог?! Ведь не имеешь права вмешиваться, Эрик, и тебе это хорошо известно. Представляешь, какие могут быть последствия?! Прошное остаётся в прошлом, оно неизменно, любое вмешательство может перевернуть мир! Не смей перекраивать историю, – женский голос, похожий на Эделину, тревожил мой слух.

– Что ты предлагаешь? Молча смотреть, как он, то есть я, то есть мы, друг друга погубим? – звук мужского голоса вызывал во мне вибрации, как при землетрясении.

– Одно дело разобраться во всём, вспомнить, другое – изменить! – не унималась женщина.

– Но у нас же всё получилось! Внедрение произошло. Он слышит меня, и даже чувствует!

– Ты стал таким, каков ты есть, благодаря пережитым испытаниям! Что будет, если ты их предотвратишь?! Кем ты очнёшься в следующий раз? Что будет с ней?! Ты о Наташе подумал? Чует моё сердце, добром всё это не закончится. Мы зашли с тобой слишком глубоко!

– Агнешка, ты никогда ничего не боялась, в чём же проблема теперь?

– Не могу и не хочу потерять тебя снова! Немедленно возвращайся!

Они говорили на каком-то неизвестном мне языке, но я всё понимал. Во сне самое нелепое воспринимается естественно и нормально. Я перевернулся на другой бок.

– Возможно, существует множество параллельных реальностей, но все они, так или иначе, переплетены между собою...

Я не видел говорящих, только слышал их голоса.

– Изменив прошлое, ты перекраиваешь настоящее! Что я тут вообще делаю?! Это самая бредовая идея из всех! Разве тебя не устраивает то, что ты имеешь сейчас? Эрик, пойми, мы оба попали на крючок. Наташа права, нужно прекращать все эти эксперименты, пока Эрнесто умом не тронулся вместе с тобой!

– Я не могу их оставить... Я проникся к ним любовью. Ты права, я увяз, по самое горло.

– Дай им свободу действий, ты – только наблюдатель, даже Сам Бог не вмешивается в происходящее, если его не попросят. Оставь священника в покое, для него это тоже целое испытание. Ещё не хватало, чтобы он влюбился в Патрицию, так же, как и ты.

– Кто бы говорил?! Зачем ты заставила Эрнесто дать тебе обещание и руками Филоретты создала это страшное зелье?

– Во-первых, не я, ну вернее, она это ещё не я, тьфу тебя, язык ломаешь! Во-вторых, возможно, благодаря этой склянке, мы и не потеряли друг друга. И ты, мой дорогой исследователь, сейчас находишься под спасительным контролем твоей возлюбленной сестры, благодаря чему до сих пор не впал в кому!

– Опять твои колдовские штучки, Агнешка-а-а!..

Очнулся ещё до рассвета. Странные голоса исчезли вместе со сном. Я вспоминал вчерашний вечер и душевный разговор с пастырем. «С какой любовью на него смотрела Патриция, впитывая в себя каждое слово, как нектар небесный, с восхищением и обожанием! Сейчас она сладко спит, чуть слышно её дыхание. За окном дальним таинственным светом

сияет неизведанная звезда, возможно, Сириус (он ярче всех на ночном небосводе). Хотя могу и ошибиться, астроном из меня никудышный. О чём вчера говорил с нами падре Венченце? Что-то о мире в семье, безусловной любви и гармонии, всепрощении и милосердии...

Очередная проповедь священника, у которого хорошо подвешен язык. Поэтому к нему все и тянутся, как нищие за подаванием. Что может сделать любовь против удара мечом? А сострадание против предательства и коварства?.. «Венченце» – впервые слышу такое имя, есть Винченцо, Винсенте, Винцензо... Такое чувство, что кто-то решил подшутить надо мной и разыграть! Странные голоса на непонятном языке, которые я, как это ни удивительно, понимаю... А цвет его глаз? Ещё ни разу не видел такого. Дались мне эти глаза! И какого чёрта он лезет не в своё дело?!

Вздыхнув, вновь закрыл глаза и попытался заснуть. Придвинулся к Патриции, обнял её, свернувшуюся в клубочек, стало на сердце тепло и спокойно. Кажется, она с облегчением вздохнула. Завтра будет новый день. Вот тогда я и подумаю обо всём».

Больше мне ничего не снилось этой ночью. Ветер стих, и дом безмятежно почивал. Не понимал я тогда, насколько был счастлив в эти тихие заснеженные дни у подножия гор Тосканы.

Часть 3. Глава 5

Танец огня в камине. Эделина погибла, но не исчезла. Её волшебство осталось. Оно пропитывает всё вокруг сияющим светом. Пляшущие языки пламени напоминают мне о ней. Я смотрю на их движение и переливы, размышляя о том, что случилось вчера.

Патриция перед зеркалом неспешно расчёсывает свои длинные пшеничного цвета локоны, мечтая о чём-то о своём. Грезятся ли ей сейчас тёмно-синие глаза великолепного падре или новые горизонты, им же открытые, этого мне никогда не узнать. За прошедший день она не пролила ни одной слезинки. Как же этому служителю Божьему удалось совершить такое чудо?! Впрочем, о чём это я? Я ведь и сам ощутил на себе воздействие его магии. Губы Патриции теперь изображают довольство, таинственно, чуть уловимо улыбаясь. Подобное выражение женского лица хорошо удалось передать Леонардо Да Винчи (я видел его работу, будучи ещё подростком). Сейчас передо мной находится живая Мона Лиза во плоти, только намного красивее и загадочнее. И я не ведаю: радоваться мне или печалиться?

Ещё один день вынужденного ожидания прошёл буднично и незаметно. Никаких изменений: всё так же падает снег, подбивает бродяга ветер. Не проехать, кони, даже без кареты передвигаются с трудом в рыхлой ледяной пудре.

Помнится, что я видел этой ночью странный сон, как мне тогда показалось, очень важный, но смысл его стёрся из памяти, будто ничего и не было. И как я не силился вспомнить, всё было безрезультатно.

Жена не торопится в объятия мужа, и в сотый раз расчёсывает волосы, мило улыбаясь своему отражению в зеркале. Моё терпение не безразмерно.

– Может, хватит тянуть время? – не выдержал я.

– О чём ты, любимый?

– Ты уже битый час расчёсываешься!

Патриция оглянулась и посмотрела на меня всё с тем же мечтательным видом:

– Прости, я наверное задумалась... – она положила гребень и подошла ко мне, её вечерний наряд бледно-розового цвета украшен кружевом и золотой вышивкой. Такой красивой я её давно не видел!

– Нравится? Я берегла этот ракетти* для особого случая, к счастью, он остался в замке, и не пропал, как всё остальное... – она опустила ресницы, и тень грусти омрачила её черты.

– Иди ко мне, любимая! – я притянул её в свои объятия и заглянул в глаза. – У тебя ещё будет всё то, о чём ты мечтаешь! – мне неудержимо захотелось вернуть себе её любовь, чтобы она и думать забыла об отце Венценце. – Сними его, пожалуйста! Твой халат бесподобно хорош, но меркнет рядом с тобою. Она посмотрела на меня затуманенным взором и ничего не ответила.

– Иначе я буду вынужден его порвать! – я бы, конечно, не стал этого делать, но уж очень хотелось обратить её внимание на себя.

Она послушно исполнила мою «просьбу» и осталась под единственным покровом – своих золотистых, прекрасных волос. Я отвёл локоны в сторону, увлёк её на кровать и стал покрывать нежное хрупкое тело страстными поцелуями. Она не сопротивлялась, но и не взволновалась от моих прикосновений.

– Патриция, очнись, я здесь! – прошептал тихо ей в самое ухо.

Её безмятежный взгляд остановился на моём лице и вспыхнул целой зарницей эмоций.

– Вот так-то лучше! Проснись, прелестница, я истосковался по твоей любви! – я стиснул её в стальные объятия и жгучее вождение овладело мной.

Красота возвращалась к моей голубке. Тело стало упругим, кожа гладкой и приобрела бледно-матовой оттенок, ушла болезненная острота худобы. Сильный молодой организм восстанавливался гораздо быстрее психики. Впрочем, после визита падре и душа Патриции расцвела. Она закрыла глаза и стала отвечать на мои ласки. Блаженная улыбка при этом не сходила с губ, а ещё больше засияла. О чём или о ком думала она в эти минуты? Ревность ещё больше распалила мою плоть. Я овладел её телом, но не душой, так почему-то мне показалось. Сердцем она была не со мной.

– Открой глаза! Посмотри на меня!

Я вглядывался в любимые черты и не узнавал их, они как будто стали совсем чужими. Отстранив её от себя, я отвернулся.

– Что случилось, Эрнесто?! – она очнулась.

Я не хотел отвечать. Если бы не сугробы, покрывшие землю, я бы прямо сейчас отправился в путь, лишь бы увезти её подальше от этого священника. Патриция всё ещё околдована им. Я и сам не могу забыть об этом человеке, будь он неладен! Ночью и днём меня преследуют его странные слова, глаза, голос, отдающийся внутри меня странным эхом, не то прошлого, не то будущего.

Тонкие пальчики погладили меня по спине.

«Ведёшь себя как капризный ребёнок! Плачет жена – плохо, блаженно улыбается, опять плохо, потому что думает не о тебе. А сам-то ты чем лучше?! – выговаривала совесть. – Когда в самый важный момент близости вспоминаешь черты своей любовницы, пусть и не живой, но очень даже осязаемой?!» – от этих мыслей стало совсем не по себе.

– Я люблю тебя! – тихо прошептала моя избранница.

«К кому обращены эти слова?»

Губы ласково коснулись моей шеи и пробежала волна мурашек по коже.

– Всегда любила и буду любить... – продолжала она. – Вчера мне стала очевидной простая истина. Мы все неидеальны, но можем измениться, можем стать теми, о ком даже мечтать не смели! Отец Венченце открыл мне глаза. Ничто не может осквернить храм духа, кроме нас самих.

«Опять этот Венченце, пропади он пропадом!» – подумал я.

– Тело можно изнасиловать и убить. Но душа неприкосновенна и вечна, она принадлежит только нам и Господу Богу. Впустить в неё боль или счастье – мы выбираем сами. «Вам решать, танцевать или плакать с дождём», – сказал он. И ты знаешь, у меня будто мир перевернулся! Если я хочу быть чистой – я буду такой. Эрнесто, ты молчишь? Ты не веришь мне?

Я повернулся. Её лицо излучало небесную благодать. А я, грешный, воспринял этот свет, как влюблённость. «Пошлый, глупый дурак, всё судящий по себе.»

– Прости меня! Я подумал, что ты мечтаешь об этом падре. Что отец Венченце покорило твоё сердце.

– Покорил. Ты совершенно прав. Я и не скрываю. Этот святой человек навсегда останется в моём сердце, потому что он подарил мне прозрение. Разве можно не любить таких людей?! Ты и сам очарован им, признайся!

Мои глаза застлала ревность, уши затыкала гордыня, но сердце говорило: «Она права!» Я ещё никогда не сталкивался ни с кем подобным, не встречал людей такого духовного просветления.

– Я теперь стану совсем другой, да-да! Вот увидишь, Эрнесто! Ты будешь гордиться мной, и больше не стыдишься своей половинки...

– Родная, я никогда и не стыдился, – прижал её к сердцу и почувствовал уже совсем другое, душевное притяжение, с которого и нужно было всё начинать.

*Рокетти – это дорогой домашний наряд, предшественник пеньюара, появившийся в XVI в. в Венеции. Халатик, сшитый из шелка, бархата, украшался кружевом, вышивкой, драгоценными камнями.

Часть 3. Глава 6

– И зачем мы едем туда? – Амато прищипорил коня.

– Я хочу ещё раз увидеть этого человека.

Снег начинал таять, мокрыми ручейками сползая с крыш.

– Скоро нам в путь, а священник так больше и не появился.

– Дался он тебе, что-то я не замечал за тобой особой набожности! – бурчал Амато, сегодня он был не в лучшем настроении.

– Ты мог не ехать, сам увязался, значит терпи! Есть у меня к нему несколько вопросов...

– Что ты задумал, мой господин?!

– Да так, это неважно.

– Неужто приревновал синьору к синеглазому падре?

– Что, так заметно?! – у меня заходили желваки.

– Я чувствую тебя, Эрнесто, больше, чем хотелось бы. Другие, может, и не заметят...

А я сразу же оценил перемены. Только обещай мне не убивать его! А то сельчане нас всех сожгут на костре. Нет, я, конечно, не против умереть рядом с тобой, но совсем недавно обзавёлся ребёнком, не хотелось бы мою принцессу так рано оставлять сиротой.

– Ты рассуждаешь, как почтенный отец семейства!.. – я рассмеялся, похоже, настроение у вассала начало подниматься.

На одном из деревьев, под которым мы проезжали, я заметил белку, рыжая внимательно нас разглядывала, словно прицеливаясь, и попала точно в цель. Прямо за шиворот мне что-то упало. Нашупав рукой, я достал из под ворота лесной орех.

– Спасибо за подарок, красавица! – улыбаясь, припрятал сокровище. А потом подумал, что это возможно какой-то знак от Филоретты. Смертью меня не обманешь! Благодаря Эделине, я знал, что мёртвые чуть ли не живее всех живых. Мысли о ней печалью отозвались в сердце. Она больше так и не появлялась. Я не звал, но если признаться честно, мне её не хватало. Последние дни я полностью посвятил себя Патриции, у нас началось что-то вроде медового месяца. Упиваясь своей любовью, на которую она стала с лёгкостью отзываться, будто и не было всего, что мы пережили, я почти не покидал кровати.

Чувство ревности делало меня отчаянным любовником, а это, как ни странно, пробудило в ней силы к жизни. Благодаря отцу Венценце, наш союз вновь воспламенился и засиял новыми красками. Надо было выразить ему свою благодарность, ну и ещё хоть раз напоследок поговорить. Что-то всё равно казалось мне недосказанным. Ради этого я и отправился его искать, но падре уехал в соседнюю деревню, он обслуживал несколько приходов и был единственным в этой округе действующим служителем Бога.

Заодно разведем, стали ли дороги видны, пройдёт ли по ним экипаж.

– Что ты опять замолчал, мой синьор. Придумываешь план сладкой мести?!

– Амато, ты бываешь невыносим!

– Ну, дай хоть пошутить, пока никто не видит!

– Ты уверен, что никто? – я поднял голову и увидел снова белку, то ли она бежала за нами, перепрыгивая с дерева на дерево, то ли это была уже другая, проявившая к нам интерес. – И откуда их столько развелось?..

Джюсто почему-то заволновался и тряхнул головой, пофыркивая, это был верный знак того, что он почуял неладное. Я погладил его гриву, успокаивая верное животное. Но вскоре заржал и конь Амато, даже приподнялся на дыбы. Мы остановились и посмотрели друг на друга.

– Что происходит?!

– Может, волки? Прошлой ночью они были где-то совсем рядом с деревней, – рассуждал Амато.

Я подумал о том, что Валентино бы нам не помешал, его-то Филоретта заговорила от встречи с волками. Вспомнилась белка с метким броском ореха. Предупреждение?

– Не станут же серые нападать среди бела дня на двух всадников?!

– Обычно они охотятся ночью. Но кто их знает! Если очень голодные... – Амато огляделся вокруг. – Может быть, стоит поскорее проехать это место, или ты желаешь вернуться?

– Чтобы Эрнесто Гриманни испугался кучки серых псов?! Издеваешься? Зубы об нас сломают! У меня другие планы и я не собираюсь от них отказываться.

Джюсто вновь заржал, озираясь вокруг испуганными глазами. И то, что я увидел, заставило меня похолодеть. Такого полчища я ещё никогда не встречал. Миграция серых чудовищ на юг или проделки нечистой силы? Это была не стая, а что-то уму не постижимое, серые морды сползались отовсюду, кровожадно и свирепо глядя на нас.

– Пора уносить ноги! – проговорил Амато, ударив ногами коня. Пригнувшись, мы помчались быстрее ветра.

Похоже, лошади от страха сами были рады выложиться по полной. Теперь главное – удержаться в седле, потому что при другом исходе, нас ожидает неминуемая смерть. Несколько крупных особей вначале кинулось за нами, но уже скоро отстали, и мы на полном скаку ворвались в деревню.

– Ты что-нибудь понимаешь?!

– Чертовщина какая-то!.. – откашлявшись, сказал я и посмотрел на вассала.

– Мне стало по-настоящему страшно, даже стыдно сказать! – Амато улыбнулся, у него блестели глаза. – Как возвращаться-то будем? Скоро вечер.

– Поживём-увидим, – уклончиво ответил я, спешившись возле местного храма, больше похожего на деревянный сарай. – Странное безлюдье, не замечаешь?

– Может, это мы всех испугали, влетев на всём скаку?

– Шутишь? А вот мне как-то даже не до смеха.

Несколько домов, стоящих недалеко друг от друга, не проявляли признаков присутствия в них людей. Отсутствовали и обычные звуки крестьянских поселений, такие, как крик петуха или лай собаки... Дверь в храм заперта. Мы обошли его вокруг, не заметив ничего подозрительного. Снег хорошо подтаял, но местами были ещё видны следы человеческих ног, оставленные прежде, а также следы многочисленных лап... Холод пробежал по спине.

– Слушай, Эрнесто, а может быть, наш падре уже того... Ну, не доехал. Не у всех здесь есть скаковые лошади, как у нас, крестьянские гораздо медлительней и неповоротливее, а если с телегой, так и вовсе никаких шансов удрать. Ты видел, сколько их там? Такому полчищу и деревню сожрать мало будет.

– Мы бы увидели хотя бы то, что от людей осталось. Или ты думаешь, что волки полизали пятна крови, а кости припрятали в лесу, чтобы нас не пугать раньше времени?!

– Что-то мне это всё совершенно не нравится!

Мы продолжили обследовать хижину за хижинкой. Стук в двери ничего не дал, судя по всему, поселение опустело. Подъезжая к одному из домов, я увидел кровь на снегу, и кишки сжались в животе не то от тошноты, не то от страха, а может быть, от всего сразу. Кровавые пятна привели к луже, в которой лежала обглоданная голова собаки.

– Вот это совсем плохо! – сказал Амато. – Теперь точно можно сказать, что эти звери побывали здесь. Но куда делись люди?

Меж тем, волчий вой приближался.

– Никого здесь нет.

– Эрнесто, нужно убираться отсюда!

– Куда? Обратно?! Лошади не пойдут, и не прорваться нам, через эту гигантскую стаю. А если они двинутся туда, где наши?..

– Господи, там же дети! И никто не знает, что надвигается такая беда...

Словно подтверждая его слова, кони заржали, предчувствуя опасность.

– Значит, нужно ехать дальше, пока не найдём людей и не соберём достаточно охотников, чтобы перебить эту чудовищную свору.

Я присмотрелся к останкам собаки.

– Следы свежие, возможно, вчера...

– Скорее всего, люди успели сбежать. Только как им удалось выбраться?!

– Как думаешь, их заранее кто-то предупредил?

– Вероятно, наш доблестный падре, если ему удалось выжить? Вот поэтому он и не вернулся домой, и не навестил вас.

Я задумался и вспомнил силу его воздействия. Может быть, и на животных он умеет влиять? Тогда остаётся шанс, что он смог прорваться.

– Не знаешь, сколько здесь до ближайшего поселения?

– Откуда? Мы ехали с той стороны.

– Да... Дилемма, и не спросишь ни у кого!

– Даже и думать не хочется о том, что будет, если ночь застанет нас в пути.

– И всё же нужно попытаться.

Мы обскакали ещё два дома, там тоже убитая скотина во дворе: куриные перья треплет ветер, и останки козы, судя по рогам, совершенно обглоданные.

– Боже Милосердный!

– Скорее, не будем терять драгоценного времени!

Часть 3. Глава 7

Джюсто не надо было подгонять, он летел как стрела, еле касаясь земли. Конь Амато не отставал. Близился вечер, а мы всё дальше уезжали от своих. И обратная дорога не предвиделась, до тех пор, пока стая не уйдёт, или мы не заставим её уйти.

Сколько их там? Десятки, сотни кровожадных морд, считать было некогда, но такого я ещё не встречал.

Однажды в детстве, ещё подростком, я встретился с волками и был свидетелем того, как они стаей завалили лося. В тот день я сбежал из дворца, обманом и хитростью ускользнул от своих нянек навстречу приключениям и заблудился. Конь ускакал, а я таскался по лесу в поисках дороги, но так и не нашёл её. Уже темнело, я вскарабкался на высокое дерево, чтобы оттуда осмотреться, и если повезёт, разглядеть хоть какое-то человеческое жилище. Это обстоятельство меня и спасло. Ох и страху я натерпелся, когда внизу пронёсся огромный зверь, а следом за ним целая стая серых хищников. Лось ревел, отбивался копытами, бодал рогами, но врагов было слишком много, они впивались клыками в его бока и рвали живьём с него мясо. Пока один, наиболее сильный, не вцепился в глотку и не прекратил страдания бедного животного. Потом я полночи с ужасом наблюдал, как они его объедают и делят между собою. Под утро я услышал издали гудки рожков и лай собак, как на охоте, меня нашли люди моего отца с факелами в руках. Ощувив опасность, животные ушли. Я, дрожащий от усталости, голодный и смертельно напуганный, спустился на землю и пошёл навстречу приближающимся огням... Стараясь не смотреть на останки лося. Возможно, он спас тогда мою жизнь. Что за дурацкие мысли вечно лезут мне в голову?!

В следующем поселении оказалось многолюдно. Дома переполнены, в сараях томятся лошади. Собаки со всей округи, как перед большой охотой. Всё это подействовало на нас успокаивающе.

Амато спешил и постучал в дом, более-менее напоминавший постоянный двор, по крайней мере, достаточно большой, чтобы разместить путников. Дверь открыл неопрятного вида старик.

– Примите на постой, хозяин? Мы с дороги, голодны и ужасно устали!

– Заходите, примем, чего ж не принять, вон вас сколько понаехало! Все запасы скоро съедят, зимой палец сосать будем... – ворчал дед.

– Тебе заплатят втридорога, купишь себе ещё продуктов.

– Так всех объели ж, не только меня. На разносолы не обольщайтесь! Чем богаты...

Мы заглянули внутрь, все столы уже заняты людьми, ужин в самом разгаре.

– Очень прошу, позаботьтесь о наших лошадях! – я вручил ему несколько золотых.

– Непременно! – глаза у старика сверкнули алчным блеском, и он сразу же стал расторопным и гостеприимным. – Своих выведу, Ваших, господин укрою, волкам всё равно, если что, но Ваши скакуны дороже! Даст Бог не доберутся демоны до нас до утра.

Все собравшиеся здесь люди готовились к решающему бою с серой нечистью, в основном охотники, крестьяне, зажиточные господа из тех, кто уже пострадал от нашествия. Разогнав работяг, старик протёр рукой стол. О чистоте здесь можно было только мечтать. Но я бы сейчас и сырое мясо съел, лишь бы утолить зверский голод. Лишь насытив желудок несколькими чарками и съев кусок свежее выпеченного хлеба, Амато промолвил:

– Сам превращаюсь в волка, когда не поем!..

От его слов все замолчали, образовалась просто звенящая тишина.

– Голодный человек не менее опасен, – мой друг имел в виду именно это.

Все снова оживлённо заговорили и больше не обращали на нас внимания. К нашему столу подошёл мужчина средних лет, почти лишившийся зубов, с уже раскрасневшимся от выпитого лицом:

– Вы тоже будете участвовать в охоте?

– Непременно, – ответил я, – такие многочисленные стаи опасны для всех. У нас есть близкие и родные, их нужно защищать. Много народа тут собралось?

– Полсотни взрослых мужей, не считая подростков.

– Негусто.

Вчера отец Венченце ещё три семьи вывез, правда добрались не все.

– Он ещё здесь?

– Да, синьор, он в соседнем доме расположился. Досталось бедняге, говорят, отбивался от волков кнутом, только всё равно покусали твари. Им без разницы, священник перед ними или нет. Кровь у всех одинаковая на вкус.

– Ты откуда знаешь? – спросил Амато. – Пробовал?

– Слава Богу, не довелось, – мужчина бесцеремонно сел рядом, даже не спросив позволения. В другое время и в другом месте я бы возмутился такой фамильярности, но не сейчас. Всех нас объединила одна общая опасность, и мы стали своего рода стаей, без титулов и без церемоний сплотились ради того, чтобы покончить с кровожадными убийцами.

– Я должен его повидать!

Амато, вздохнув, отодвинул в сторону тарелку с чечевицей заправленной оливковым маслом с перцем.

– Когда выступаем?

– Завтра с рассветом, все ждут господина Капорали с людьми. Их поместьем тоже крепко досталось.

– Не проводишь нас к священнику?

– Не боитесь к нему идти? У нас укушенных волками побаиваются. Говорят, сами они могут зверем стать.

– Ерунда всё это, страшилки для детей. Только бы заразу не подхватил! – необразованные люди готовы верить в любую чушь.

Он провёл нас к дому, где расположился падре, я подал ему монету, работник сразу же оживился. Выпить ещё вина сегодня никому не помешает, кто знает, скольких не досчитаются завтра...

– Эрнесто, а ты слышал про оборотней?

– Тьфу ты! И ты туда же, Амато! Крестьяне развлекаются такими историями перед сном. Не нужно во всё верить! Ты же образованный человек!

– А я вот подумал, может, поэтому стая такая большая?

– Ага, и ночью к ней присоединится святой отец! Амато, не забивай себе голову всякой дурью!

Молодая женщина, отворившая дверь, оценила нас взглядом и сразу же поняла, что перед ней господа.

Поклонилась и провела в комнату Венченце. Он лежал на кровати, руки и ноги были замотаны чистой белой тканью, но сочились кровью.

– Раны я обработала, а дальше на всё воля Божья, – грустно сказала женщина и, ещё раз поклонившись, ушла.

– А, это Вы, Эрнесто! – Венченце попробовал приподняться, но не смог. – Что Вы делаете в этих краях, неужели и до нас дошла беда?

– Не знаем, – я горько вздохнул. – Мы встретили волков по пути к Вам.

– Господи, спаси и сохрани! Как же вам удалось вырваться?

– Повезло с лошадьми... Вижу, сильно Вам досталось.

– Пока жив, – мы встретились глазами.

Показалось или нет? Может быть, освещение слабое. Горело всего несколько свечей, но глаза его стали обычного карего цвета, такие же, как у сестры.

Я присел на скамью рядом с кроватью и протянул к нему руку, прикосновение ничего необычного не дало. Передо мной лежал раненый человек из обычной плоти и крови.

– Патриция просила передать Вам это... – я достал из-за пазухи небольшое украшение из драгоценных камней. Примите на память и в благодарность за исцеление, которое принесли Ваши молитвы.

Он посмотрел на меня с интересом, но ничего не сказал, взяв украшение, зажал в ладони, подержал и вернул обратно.

– Драгоценности мне ни к чему, спасибо. Со мной последнее время странные вещи происходят. Словно я внезапно засыпаю, но при этом продолжаю ходить, разговаривать, молиться... Будто разум покидает меня, и мною руководит кто-то другой. С Вами не случилось такого?

– Нет, отец Венченце.

– Всё когда-то бывает впервые, – он устало закрыл глаза.

– Я могу Вам чем-то помочь?

Он снова посмотрел на меня:

– Помолитесь, чтобы Бог спас этих людей и помогите им. Жаль, я так многого не успел!

– Вы же спасли несколько семей, пострадали за них. Теперь нужно только поправиться и продолжить борьбу за души. У Вас это прекрасно получается! Жена моя будто воскресла. Я благодарен вам всем сердцем.

– Передайте ей, что она сама – чудо! И ступайте с Богом, боль становится невыносимой, – он перекрестил нас перевязанной рукою. – Храни, Господь, во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Мы вышли, над деревней светила полная Луна, зловеще поглядывая на нас бледным ликом. Едва мы отошли немного, из комнаты донёсся крик, и он не предвещал ничего хорошего. Амато молчал, я тоже. На душе было тяжело. В ту ночь мы спали рядом, его присутствие успокаивало меня. Старался не думать о плохом, но это сложно. Забытьё в ночь перед охотой было коротким. Я помолился за отца Венченце и за нас всех, а также вспомнил матушку, Эделину и Филоретту, мою любимую Мичелэнджелу, Анастасио... Мне нужна была их поддержка и покровительство. Нас ожидала нелёгкая схватка с сильным и свирепым противником.

Часть 3. Глава 8

Утром очнулся, потому что почувствовал чей-то взгляд и ощутил близкое дыхание. Чёрные глаза Амато обожгли мне душу.

– Прости, мой господин! – мучительно выдавил он из себя и отступил на пару шагов. – Я всего лишь хотел разбудить, пора собираться.

Странные, непонятные мне чувства, на которые я никак не могу ответить, ведь неприятна даже сама мысль о таких отношениях. А он с этим живёт и, наверное, страдает от неразделённой любви. Чисто по-человечески мне его жаль. Но Амато и жалость несовместимы. Поэтому лучше всего сделать вид, что я ничего не заметил.

Дом оживал, наполняясь звуками, люди спешили поесть, утолить жажду, перекинуться парой слов. Прибыли те, о ком вчера упоминал крестьянин. Синьор из знатной семьи, вырядился, как на королевскую охоту.

«Он бы ещё легавых взял!» – подумал я и, приглядевшись, увидел, что недалёк от истины, собак было много и все породистые, холёные, так сказать, на один клык тем монстрам, с которыми нам предстояло встретиться. Но как отвлекающий манёвр вполне могут сойти!

День предстоял «весёлый». Подкрепившись, мы отправились к падре. Я хотел его проведать. Амато, как тень, неотступно следовал за мной, молчаливый и погруженный в свои переживания. Открыла дверь, утирая слёзы, всё та же женщина.

– Что-то случилось?

– Господин священник умирает, – ответила она и пригласила нас жестом войти.

Венценце и на самом деле выглядел скверно: пылающее лицо, покрытое испариной, тёмные круги под глазами, потрескавшиеся до крови губы. Его терзала тяжёлая лихорадка, но он находился в сознании.

– Это Вы, Эрнесто, – простонал он, – видите, Господь всё же решил меня призвать на службу в миры иные.

– Не говорите так, святой отец! – я посмотрел в его глаза ещё раз, но и при дневном свете они были тёмно-карими, никакой таинственной синевы.

– Люди захотят сжечь моё тело. Не препятствуйте им. Они побоятся, что я обращусь в волка, если этого не сделать.

– Чушь и суеверие!

– Пусть, но так им будет спокойнее. Скажите своей жене, что я был тронут её подарком, так же, как и встречей с ангелоподобной донной. Берегите её! Душа Патриции прекрасна, и она искренне любит вас, – он закатил глаза, и его лицо исказилось от боли.

Я взял его за руку, потому что не знал, как ещё выразить моё сочувствие.

– Общение с вами с самого начала показалось мне судьбоносным... – продолжил падре, – я погружался в необычное состояние и меня переполняли странные чувства.

Цвет его глаз снова начал меняться, приобретая синий оттенок.

«Эделина, ты?» – спросил я чуть слышно.

«Нет», – ответил бархатный голос в моих мыслях, вызвав дрожь, пробежавшую по телу.

«Кто бы ты ни был, помоги ему!»

«Я за этим и пришёл».

Отец Венценце преобразился в лице, словно благодать сошла на него свыше и прекратила страдания.

– Благословляю вас на этот бой! «Не убий» – не значит «не защити»! Господи, помилуй! – падре поднял руку и благословил нас.

С макушки головы до пят прошла теплая волна.

– Спасибо, отче.

Глаза у него были столь глубокого и насыщенного цвета, что стало не по себе.

Последний выдох. Погас свет жизни. Рука беспомощно упала...

Меня душили подступившие к горлу слёзы, но я не выпустил их наружу. Сложив руки отцу Венценце на груди, закрыл ему веки. Тело, ещё теплое и такое молодое, покинуто душой, храм опустел. Лицо покойного выражало умиротворение. Страдания закончились, путь земной завершён. Но скольким людям будет его не хватать! Мир осиротел и уже никогда не будет прежним.

Амато обнял меня за плечи:

– Он своё отмучился. Пойдём!

Целая толпа народу с оружием в руках ворвалась в помещение. Агрессивно настроенные мужики остолбенели.

– В самом деле преставился?!

– Похоже, что так...

– Может для надёжности пронзить осиной?

– Оставьте умершего! – я с трудом сдерживался.

– Эрнесто, вспомни его слова, – тихо шепнул Амато, вытаскивая меня за руку. – Он уже свободен, а им так будет лучше.

Крестьяне расступились и дали нам пройти. Уже через несколько минут во дворе был сооружён костёр, на который взвалили ещё не остывшее тело священника, пронзённое деревянным колом в сердце, и подожгли.

– Господи, в каком мире мы живём!.. Чем мы лучше зверей? Этот человек умер, потому что спасал их жизни... Чтобы они потом с кольями и мечами пришли его убивать, а после сожгли на костре останки?! Дикий тёмный народ, плебеи!

– Не убивайся ты так, он выполнил свой долг и с честью отправился к Творцу. Прекрасная смерть! Не всем так повезёт, – Амато посмотрел на меня с любовью, – а нам пора в бой, чтобы истребить это поганое волчье племя! Нет ничего лучше для воина, чем сражение с достойным противником! Нам некогда горевать. Все уже в сборе...

Часть 3. Глава 9

Останки падре ещё не догорели, а человеческое воинство уже двинулось на волчье. Шли тихо, чтобы не спугнуть, вооружившись кто чем мог: мечами, копьями, ножами, стрелами. Цель одна – убить как можно больше волков, ослабить стаю, заставить их уйти. Факелы наготове, трупы решено сжечь.

Стая продвинулась в сторону поселения, где ждали нас Патриция и наши люди, сердце сжималось от страха за них. Нам повезло: волки не успели напасть на городишко. Мы их опередили. Первыми среагировали собаки и кони, вовремя предупредив людей об опасности. Джюсто пришлось закрыть глаза, чтобы обезумевшее от страха животное не понесло, точно так же поступили и с остальными лошадьми, чтобы оставались послушными.

Первая кровь заалела на снегу. Волки разорвали отчаянную белую собаку, бросившую навстречу верной гибели. Вначале полетели стрелы, а потом люди бросились в бой, настигая серых, кто как мог. Завязалась жуткая борьба не на жизнь, а на смерть. Люди, кони, волки, собаки... всё перемешалось между собой. Каждый бился за своих родных и детей. Не успевали вытирать мечи от крови. Клыкастые окровавленные пасти валялись повсюду, внушая ужас своей численностью.

Амато всё время держался рядом, как Ангел-Хранитель, прикрывавший меня крылом. Волки, настигнутые людьми, падали, устилая окровавленную землю. Кто-то бился до конца, яростно и бесстрашно, часть стаи спасалась бегством.

Сначала я даже не сообразил, что происходит: среди волчьих туш, поваленных на землю, появлялись человеческие тела.

«Неужели у нас такие потери?! Не может быть, – мелькнуло в голове, – или всё-таки стоит верить преданиям?» Я нагнулся над одним из мёртвых. По виду человек – крестьянин, но он погиб не от битвы с волком, а от руки человека: в груди стрела. А вот и следы укусов, свежие, но уже зажившие...

Это открытие сразило меня наповал. Амато смотрел на это всё с не меньшим потрясением.

Когда битва была окончена, стали собирать тела в кучи: человеческие отдельно, волчьи отдельно. И тех, и других предали огню. Вонь от горящих останков ещё долго преследовала нас... Всех раненых отвели в отдельный сарай для лечения, но держали под стражей. Дальнейшая участь этих людей мне не известна.

Мы вернулись в деревню. Женщины оплакивали тех, кто не вернулся, но их оказалось немного. Гораздо меньше, чем тел, откуда они там взялись? Это не выходило из моей головы. Но точно никто не мог подсчитать разницу, потому что люди были из разных мест. К тому же, страх не позволял никому открыто говорить об этом.

– Всё ерунда и предрассудки, говоришь? – сказал Амато и посмотрел на меня с усмешкой. – Зачем мы вернулись?

– Я должен забрать останки Венченце, чтобы отвезти их его родным.

На пепелище нашли обгоревшие кости и собрали то, что смогли. Лучше всего сохранился череп. Жуткое зрелище! Но это был мой долг. Я думал про Эделину. Ведь тогда я даже не позаботился о том, чтобы похоронить то, что от неё осталось... Слезы застилали глаза, в горле гарь настолько, что стошнило. Амато терпеливо ждал, пока я приду в себя, принёс воды в ведре, чтобы мы смогли умыться. Он был бледен и молчалив. Слишком долгий и изнурительный выдался день.

К нам подошёл синьор, вырядившийся как на королевскую охоту. Теперь его дорогой наряд был изрядно потрёпан и тёмен от запекшейся крови.

– Разрешите представиться, граф Роберто Доминико Капорали!

– Эрнесто Гриманни, потомственный барон. Простите, что не подаю Вам руки...

– Вам нужно умыться, тогда полегчает. Вы знали этого человека? Я видел, как вы собирали ещё дымящиеся останки.

– Да, пришлось их залить водой, чтобы не прожгли мешок, – Амато уже отмылся от копоти и грязи, подключился к нашему разговору.

– Отец Венченце был удивительным человеком, настоящим пастырем для заблудших овец. К счастью, смерть настигла его раньше кола в сердце, – я замолчал, говорить было больно и тяжело.

– Я видел, как вы прекрасно сражались, примите моё искреннее восхищение! С Вашего позволения, поведаю об этом его высочеству? Через несколько дней я отправляюсь ко двору.

– Буду признателен Вам, граф.

– Этот могучий воин Ваш вассал?

– Его зовут Амато.

Мой друг поклонился.

– Адонис во плоти! Такие люди на вес золота...

Я кивнул, выражая своё согласие.

– Был рад, синьор Гриманни, познакомиться с Вами, пусть и не при самых приятных обстоятельствах, – к его ногам льнула собака, одна из немногих оставшаяся в живых. – Вы – мужественный молодой человек и не остались равнодушным к чужому горю! Моё поместье отсюда недалеко, буду рад, если найдёте возможность посетить нас. Вы здесь по каким делам?

– Мы держим путь во Флоренцию, мой отец приобрёл там имущество...

– О, Флоренция! Тосканский диалект немного необычен, но Вы быстро привыкнете, барон, – он тряхнул своей седой головой и поправил плащ, начал накрапывать дождь. – Соболезную Вашей утрате!

Мы откланялись друг другу и разошлись.

Путь домой был невесел. Проезжая мимо тех мест, где совсем недавно шло сражение с серым братством, я почувствовал, как душу окутал мрак. Мы не решались говорить о произошедшем. Амато угрюмо молчал. Я думал о том, какое горе привезу семье священника, чьи останки тряслись в мешке за моей спиной.

Что будет с Патрицией, когда она узнает, что небесных глаз падре Венченце больше не существует?.. Хотелось поскорее проснуться от кошмара, но это жизнь, а не сон, придётся всё принять, как есть.

«Вам решать, танцевать или плакать с дождём», – однажды сказал священник. Под этим ливнем слёзы сами текли ручьями...

Часть 3. Глава 10

Мы вернулись со страшным известием затемно, промокшие до нитки и смертельно уставшие.

Семья и прихожане долго оплакивали останки молодого священника. Горевала украдкой от меня и Патриция, не выпуская из рук возвращённую ей брошь. Теперь она навсегда останется для нас памятью о падре с удивительными глазами, почему-то менявшими цвет. Жена мне так и не поверила, что от природы они были карими. А спрашивать в данной ситуации его родственников не представлялось возможным.

Народ его любил, на похороны собралась вся округа, в том числе и те, кто его сжёг. Поминки собирали всем народом, и в результате местечко превратилось в один сплошной стол памяти. Многие вспоминали добрые дела священника, как он помогал всем без исключения своим вниманием, молитвой и деньгами, раздавая все пожертвования неимущим. Я никогда больше в жизни не видел ничего подобного. Даже смерть королей и Пап Римских не вызывала в людях подобных чувств. Потеря была для всех по-настоящему невосполнимой. Это потрясло меня до глубины души.

Жизнь Венценце зажглась маяком, освещающим правильный жизненный курс к причалу Бога и Вечности, путеводной звездой на небе... Ночью, после похорон, где-то неподалёку до нас доносился волчий вой. Вой тех, кому не досталась его бессмертная душа. Волки оплакивали свои потери, люди – свои.

На следующий день мы покинули эти места. Снег совсем сошёл, мокрая земля чавкала под колёсами экипажа, а впереди вновь была неизвестность. Амато усадил свою воспитанницу впереди себя и по пути рассказывал ей какую-то волшебную историю. Валентино сидел рядом с моей женой и угощал её и Маркелу припасами заботливых белок. Мальчику было тяжело уезжать всё дальше от родных мест, даже не попрощавшись с могилой матери. Но он понимал, что если вернётся, уже не сможет уехать. Солдаты тоже затосковали по дому и родным.

Жизнь продолжается, несмотря на потери и утраты. Точно так же будет происходить и когда не станет нас. Будут петь птицы и будет светить солнце днём, а ночью Луна и далёкие слепые звёзды, чей свет одинаково красив для всех поколений на Земле. Точно так же люди будут любить и ненавидеть, рождаться, сражаться за своё существование и умирать. Так устроен этот мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.